МЮРИЭЛ СПАРК

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Лучшие годы мисс Джин Броди

Девицы со скудными средствами

Лучшие годы мисс Джин Броди. Девицы со скудными средствами

Мюриэл Спарк

Аннотация
Мюриэл Спарк
Лучшие годы мисс Джин Броди
1
2
3
4
5
6
Девицы со скудными средствами
1
2
3
4
5
6
7
8
9

Аннотация

Мюриэл Спарк — классик английской литературы, писательница, удостоенная звания дамы-командора ордена Британской империи. Ее произведения — изысканно-остроумные, балансирующие на грани реализма и сюрреализма — хорошо известны во всем мире. Критики превозносят их стилистическую многогранность, а читателей покоряют оригинальность и романтизм.

Два самых ярких романа Мюриэл Спарк.

Учительница Джин Броди — героиня первого произведения — богиня и злой гений шести эдинбургских школьниц. Эта неординарная женщина пытается учить их «Истине, Добру и Красоте», но методы ее преподавания шокируют окружающих, да и самих школьниц…

Молодость «девиц» из второго романа пришлась на конец Второй мировой. Эти юные создания бедны, как, впрочем, и все достойные люди в Англии, однако надеются сделать карьеру в столице и хоть как-то устроить личную жизнь.

Мюриэл Спарк

Лучшие годы мисс Джин Броди

1

Выстроив из велосипедов защитное ограждение и придерживая их за руль, словно были готовы в любой момент сорваться с места, мальчики стоя переговаривались с девочками из школы Марсии Блейн.

Девочки были в шляпках-панамах, поскольку находились неподалеку от школьных ворот, а появляться на людях без головного убора считалось неприличным. На некоторые отступления от предписанного положения шляпки на голове смотрели сквозь пальцы, когда речь шла об ученицах четвертого класса и старше, если, конечно, те не напяливали их набекрень. Но и без того девочки изобретательно варьировали отклонения от правила загибать поля панамы кверху сзади и книзу спереди. Каждая из пяти девочек, тесно сплотившихся сейчас перед лицом мальчиков, носила панаму на особый лад.

Эти девочки составляли «клан Броди». Именно так прозвали их еще до того, как директриса школы презрительно припечатала их этой кличкой, когда они, двенадцатилетние, переходили из младшей школы в старшую. В то время их

сразу же опознавали как учениц мисс Броди, поскольку они были широко осведомлены в массе предметов, не имевших никакого отношения к официально утвержденной программе и, по выражению директрисы, бесполезных для школы как таковой. Можно было обнаружить, что девочки наслышаны о бушманитах[1] и Муссолини, о художниках итальянского Возрождения, о преимуществах для кожи очищающего крема и косметики на основе гамамелиса перед скромными мылом и водой; что они знают слово «менархе»; что им подробно описали внутреннее убранство лондонского дома автора «Винни-Пуха», а также истории любви Шарлотты Бронте и самой мисс Броди; что им известно о существовании Эйнштейна, и они в курсе доводов тех, кто считает Библию фальсификацией; что они знакомы с начатками астрологии, но не могут назвать дату битвы при Флоддене[2] и столицу Финляндии. Все, за исключением одной девочки клана Броди, как и сама мисс Броди, считали на

---

[1] Примечания: 1

Религиозное течение, названное по имени его основателя Франка Бушмана (1876–1961).

[2] Примечания: 2

Сражение (9 сентября 1513 г.) между войсками Англии и Шотландии в период Итальянских войн.

пальцах, получая точный — более или менее — результат.

Даже когда им исполнилось по шестнадцать, они перешли в четвертый класс старшей школы, после уроков слонялись за воротами и вполне приспособились к строго установленному школьному режиму, все они по-прежнему оставались безошибочно узнаваемыми «бродианками» и школьными достопримечательностями, то есть к ним относились с подозрением и не очень любили их. Никакого командного духа у них не было и в помине, и вообще они имели мало общего между собой — кроме продолжавшейся дружбы с Джин Броди. Она все так же преподавала в младших классах. И к ней относились с большим подозрением.

Женская школа Марсии Блейн была дневной школой, основанной в середине девятнадцатого века отчасти на пожертвования состоятельной вдовы некоего эдинбургского переплетчика. В последние годы жизни та стала поклонницей Гарибальди. Портрет этой мужеподобной дамы висел в актовом зале, и каждый год в День основательницы его чествовали практичным букетом долго не увядающих цветов, таких как хризантемы или георгины. Вазу с букетом ставили под

ним на пюпитр, где лежала и открытая Библия с подчеркнутым красными чернилами стихом: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов».

Каждая издевочек, тесно сгрудившихся сейчас в присутствии мальчиков и праздно топтавшихся поддеревом, была чем-нибудь знаменита. Моника Дуглас в шестнадцать лет была старостой класса и славилась главным образом математическими способностями, в том числе способностью к устному счету, и вспыльчивостью — когда у нее случалась особенно бурная вспышка гнева, она раздавала тумаки направо и налево. У нее были красный — независимо от времени года — нос, длинные темные косы и толстые, бесформенные, как колоды, ноги. С тех пор как ей исполнилось шестнадцать, Моника носила панаму неестественно высоко на макушке, словно та была ей мала и словно девочка понимала, что все равно будет выглядеть нелепо, как ее ни надень.

Роуз Стэнли была эротически знаменита. Ее шляпка очень скромно сидела на коротко остриженных белокурых волосах, но тулью она приминала с обеих сторон.

Юнис Гардинер, маленькая, ладная, известная воздушной легкостью гимнастка и восхититель-

ная пловчиха, заламывала поля панамы вверх спереди и опускала сзади.

Сэнди Стрейнджер равномерно заворачивала их кверху по кругу и сдвигала шляпку на затылок как можно дальше, а чтобы шляпка не падала, она пришивала к ней резинку, которую пропускала под подбородком. Она имела обыкновение жевать эту резинку и, когда та приходила в негодность, пришивала новую. Сэнди была пресловуто знаменита маленькими, почти отсутствующими глазками, но славилась также особым произношением гласных звуков, которое давным-давно, еще в младшей школе, привело в неописуемый восторг мисс Броди. «Ну а теперь иди сюда и почитай нам стихи — у нас был утомительный день».

Отложив рукоделье, она,
С замираньем встает у окна.
Там кувшинку качает волна,
Гордый рыцарь привстал в стременах.
Едет он в Камелот[3].

«Это возвышает дух», — обычно говорила мисс Броди, отнимая руку от груди и простирая ее к классу девочек, пребывавших в нежном предо-

[3] Примечания: 3
Альфред Теннисон. Леди из Шелот.

трочестве и прислушивавшихся лишь к тому, когда же прозвенит звонок, который освободит их. «Там, где нет воображения, — уверяла мисс Броди, — люди обречены кануть в вечность. Юнис, иди сюда и сделай сальто, чтобы мы посмеялись для разрядки».

Но сейчас мальчики с велосипедами весело дразнили Дженни Грей из-за ее особой манеры говорить, приобретенной на уроках риторики. Она собиралась стать актрисой. Дженни была лучшей подругой Сэнди. Панаму она носила, низко надвинув на лоб опущенные спереди поля; она была самой хорошенькой и грациозной в клане, тем и славилась.

— Не хами, Эндрю, — проговорила она в обычной надменной манере.

Троих из пяти мальчиков звали Эндрю, и все трое принялись передразнивать Дженни: «Не хами, Эндрю», девочки же из-под своих приплясывающих панам смеялись.

Тут к ним подошла Мэри Макгрегор, последняя из шести представительниц клана. Известность ее состояла в том, что она считалась тихой дурехой, пустым местом, и каждый мог свалить на нее любую вину. Вместе с ней явилась чужачка, Джойс Эмили Хэммонд, девочка из очень богатой

семьи, оторва, недавно переведенная родителями в «Блейн» в последней отчаянной надежде, поскольку никакая другая школа и никакие гувернантки с ней не справились. Она все еще носила зеленую форму своей предыдущей школы. У остальных девочек форма была темно-лиловой. Самое большее, что она пока себе позволяла, это иногда бросаться бумажными шариками в учителя пения. Она требовала, чтобы ее называли обоими именами — Джойс Эмили. Эта Джойс Эмили из кожи вон лезла, чтобы ее приняли в знаменитый клан, и полагала, будто двойное имя придаст ей значительности, однако у нее не было ни малейшего шанса, и она не могла понять почему.

— Вон учительница идет, — кивнула в сторону ворот Джойс Эмили.

Двое из трех Эндрю выкатили велосипеды на дорогу и отчалили. Трое других мальчиков демонстративно остались, отвернувшись, однако, в другую сторону и делая вид, что остановились полюбоваться облаками над Пентландскими холмами. Девочки сбились в кружок, будто о чем-то беседовали между собой.

— Добрый день, — сказала, подойдя к ним, мисс Броди. — Я не видела вас уже несколько дней.

Думаю, нам не стоит задерживать этих юношей с их велосипедами. Всего доброго, молодые люди. — Знаменитый клан двинулся вслед за ней; Джойс, новенькая, оторва, тоже заспешила за ними. — Кажется, я не знакома с этой новой девочкой. — Мисс Броди пристально посмотрела на Джойс. А когда их представили друг другу, добавила: — Что ж, нам пора, дорогая.

Оглянувшись, Сэнди увидела, как Джойс Эмили повернула обратно и, сделав несколько шагов, резво запрыгала, длинноногая и какая-то неуемная для своего возраста, а клан Броди удалился предаться собственной тайной жизни, как это бывало шесть лет назад, в их детстве.

«Я делаю своих учениц не по годам мудрыми, — говорила им, бывало, мисс Броди, — и все они становятся *crème de la crème*»[4].

Следуя в фарватере мисс Броди, Сэнди взглянула маленькими глазками-щелочками на ярко-красный нос Моники и припомнила это высказывание.

— Девочки, я хочу, чтобы завтра вы пришли ко мне на ужин, — объявила мисс Броди. — Не занимайте завтрашний вечер.

---

[4] Примечания: 4
Здесь: сливки общества *(фр.)*.

— Драматический кружок… — промямлила Дженни.

— Предупреди, что не сможешь быть, — распорядилась мисс Броди. — Мне нужно посоветоваться с вами относительно зреющего нового заговора с целью заставить меня уйти. Излишне говорить, что я никуда не уйду. — Несмотря на звучавшую в ее словах непримиримость, говорила она, как всегда, спокойно.

Мисс Броди никогда не обсуждала своих дел с коллегами — только с теми бывшими ученицами, которых сама воспитала и которым она доверяла. Заговоры по выдворению ее из «Блейн» случались и прежде, но все проваливались.

— Мне снова предложили поискать работу в одной из этих новомодных передовых школ, где мои методы якобы будут более уместны, чем в «Блейн». Но я не стану работать ни в какой такой вывихнутой школе с претензиями. Я останусь на этой фабрике образования. Здесь нужны крепкие дрожжи. Дайте мне любую восприимчивую податливую девочку годами помладше — и она моя на всю жизнь.

Девочки клана Броди заулыбались — каждая в меру своего разумения.

Карие очи мисс Броди сверкнули многозначи-

тельным аккомпанементом спокойному голосу. В солнечном свете, со строгим римским профилем, она выглядела женщиной всемогущей. Ее клан ни минуты не сомневался: победа останется за ней. С таким же успехом можно было вообразить, что работу в новомодной школе стал бы искать Юлий Цезарь. Она никогда не подаст в отставку. Если школьная администрация хочет избавиться от мисс Броди, ей придется ее убить.

— Кто входит в шайку на этот раз? — спросила сексапильная Роуз.

— Тех, кто мне противостоит, мы поименно обсудим завтра, — ответила мисс Броди. — Но не волнуйтесь, у них все равно ничего не выйдет.

— Разумеется, — подхватили все хором. — Разумеется, не выйдет.

— Во всяком случае, пока я в расцвете лет, — добавила мисс Броди. — А расцвет я переживаю именно сейчас. Очень важно угадать пору своего расцвета, никогда об этом не забывайте. А вот и мой трамвай. Даю голову на отсечение, места мне никто не уступит. Это вам тысяча девятьсот тридцать шестой год. Времена рыцарей миновали.

Шестью годами раньше мисс Броди привела свой новый класс в сад, чтобы провести урок истории под раскидистым вязом. Идя по школь-

ному коридору, они поравнялись с директорским кабинетом. Дверь туда была распахнута, в кабинете никого не было.

— Девочки, — призвала мисс Броди, — подойдите и взгляните на это.

Когда все столпились у открытой двери, она указала на большой плакат, прикрепленный кнопками к дальней стене. На нем крупным планом было изображено мужское лицо. Подпись внизу гласила: «Безопасность прежде всего».

— Это Стэнли Болдуин, он пролез в премьер-министры, но пробыл им всего ничего, — объяснила мисс Броди. — Однако мисс Макей не сняла его со стены, ибо верит в девиз «Безопасность прежде всего». Но безопасность вовсе не прежде всего. Прежде всего Доброта, Истина и Красота. Следуйте за мной.

Для девочек то был первый намек на разногласия между мисс Броди и учительским коллективом. Да что там, некоторые из них тогда вообще впервые осознали, что люди, спаянные в монолитный образ авторитета взрослых, могут чем-то отличаться друг от друга. Отложив это у себя в голове и испытывая пьянящее чувство причастности к скандалу, душок которого смутно ощущался, но им лично ничем не грозил, они

устремились за опасной мисс Броди в безмятежную тень вяза.

В ту солнечную осень, когда позволяла погода, мисс Броди рассаживала девочек на трех скамейках, окружавших вяз, и там проводила уроки.

— Возьмите учебники, — часто говорила она им той осенью, — и держите их перед собой на тот случай, если появится какой-нибудь незваный гость. Если он явится, мы занимаемся историей… читаем стихи… изучаем английскую грамматику.

Маленькие девочки держали учебники перед глазами, но смотрели не в них, а на мисс Броди.

— Тем временем я расскажу, как провела летние каникулы в Египте… Я расскажу вам, как ухаживать за кожей и за руками… о французе, я познакомилась с ним в поезде, когда ехала в Биарриц… и непременно — об итальянской живописи, я любовалась ею в музеях. Кто есть величайший итальянский художник?

— Леонардо да Винчи, мисс Броди.

— Ответ неправильный. Правильный ответ — Джотто, это мой любимый художник.

Бывали дни, когда Сэнди казалось, что грудь у мисс Броди плоская, совсем без выпуклостей, прямая, как ее спина. В другие дни ее грудь обретала

положенную ей и притом весьма пышную форму, становилась очень заметной, так что Сэнди было на что посмотреть крохотными глазками, пока мисс Броди, проводя урок в классе, что-нибудь рассказывала, стоя у окна с прямой спиной и высоко поднятой темноволосой головой — ни дать ни взять Жанна д'Арк.

— Я не раз говорила вам, и только что закончившиеся каникулы снова убедили меня в этом, что пора моего расцвета началась. Расцвет — период трудноуловимый. Вы, девочки, когда вырастете, должны постоянно быть начеку, чтобы не пропустить пору своего расцвета, когда бы она ни наступила в вашей жизни. И уж тогда прожить ее на пределе возможностей. Мэри, что там у тебя под столом, что ты там разглядываешь?

Мэри тупо сидела, как и сидела, она была слишком глупа, чтобы что-то придумать. Она была слишком глупа, даже чтобы соврать; она не знала, как выкрутиться.

— Это комик, мисс Броди, — выдавила она наконец.

— Ты хочешь сказать, комедийный актер, паяц?

Все прыснули со смеху.

— Смешной журнал, — объяснила Мэри.

— Смешной журнал? О господи! Сколько тебе лет, Мэри?

— Десять, мэм.

— В твоем возрасте уже не увлекаются «смешными журналами». Дай его сюда.

Мисс Броди взглянула на цветные картинки.

— «Тигренок Тим», ясно. — И она отправила книжонку в мусорную корзину. Потом, заметив, что все взоры устремлены на «Тигренка», вынула ее, разорвала на мелкие кусочки — без надежды на восстановление — и снова швырнула в корзину.

— Слушайте меня внимательно, девочки. Пора расцвета — это момент, ради которого человек является на свет. Сейчас, когда для меня наступила пора расцвета… Сэнди, где ты витаешь? О чем я только что говорила?

— О поре вашего расцвета, мисс Броди.

— Если кто-нибудь сюда пожалует, — сказала мисс Броди, — помните: у нас урок английской грамматики. А я пока немного расскажу вам о своей жизни, о том времени, когда я была моложе, чем теперь, хотя и на шесть лет старше того мужчины.

Она прислонилась спиной к вязу. Стоял один из тех последних осенних дней, когда листья лег-

кими стайками облетают с деревьев. Они падали на детей, а те радовались тому, что можно на законном основании двигаться, ерзать, стряхивая их с волос и колен.

— «Пора плодоношенья и дождей…»[5] Я была помолвлена с молодым человеком в начале войны, но он пал во Фландрском сражении, — начала мисс Броди. — Сэнди, ты что, собираешься устраивать стирку?

— Нет, мисс Броди.

— Тогда зачем закатала рукава? Мне не нужны девочки, которые закатывают рукава на блузке, какая бы распрекрасная ни стояла погода. Немедленно отверни их, мы же воспитанные люди. Он погиб за неделю до объявления Перемирия. Упал, как осенний листок, а было ему всего двадцать два года. Когда, вернемся в класс, найдем на карте Фландрию и то место, где полег мой возлюбленный, когда вас еще на свете не было. Он был крестьянином из Эршира, бедным, но трудолюбивым и очень способным к наукам. Когда он просил меня выйти за него замуж, он сказал: «Будем пить воду и ходить не спеша». В тех краях, где Хью родился, так говорят, когда хотят сказать:

---

[5] Примечания: 5
Джон Китс. Ода к осени. Перевод Б. Пастернака.

мы будем жить скромно. Пить воду и ходить не спеша. Что означает эта поговорка, Роуз?

— Что вы собирались жить скромно, мисс Броди, — ответила Роуз Стэнли, шесть лет спустя снискавшая известность благодаря исключительной женской притягательности.

Рассказ мисс Броди о ее павшем в бою женихе был в полном разгаре, когда директриса, мисс Макей, появилась на лужайке и направилась в их сторону. Из свинячьих глазок Сэнди уже начали капать слезы, и это так подействовало на ее подругу Дженни, впоследствии прославившуюся на всю школу своей красотой, что она всхлипнула и потянулась за носовым платком, заткнутым над коленкой за резинку панталон.

— Хью был убит за неделю до Перемирия, — повторила мисс Броди. — После этого прошли всеобщие выборы, и народ кричал: «Кайзера — на виселицу!» А Хью присоединился к «Цветам Шотландии»[6] и покоится в могиле.

Теперь уже рыдала и Роуз Стэнли. Сэнди, скосив зареванные глаза, наблюдала, как, выставив вперед голову и плечи, к ним приближалась мисс Макей.

---

[6] Примечания: 6

Знаменитая песня Элисон Кокберн (1712–1794). Другое название песни — «Лесные цветы».

— Я зашла лишь взглянуть на вас и тут же уйду, — сказала она. — Почему вы плачете, девочки?

— Они тронуты историей, которую я им рассказывала. У нас урок истории, — пояснила мисс Броди, подставив ладонь под планирующий листок.

— В десять лет плакать над какой-то историей?! — удивленно воскликнула мисс Макей, пока девочки заторможенно вставали со скамеек: перед их мысленными взорами все еще стоял Хью-Воин. — Я заглянула лишь на минутку, посмотреть на вас, и тотчас ухожу. Ну, девочки, новый семестр начался. Надеюсь, вы прекрасно провели летние каникулы, и мне не терпится прочесть ваши прекрасные сочинения о том, как вы их провели. Не стоит в десять лет плакать над историей. Поверьте мне!

— Вы правильно сделали, что не ответили на поставленный вам вопрос, — похвалила мисс Броди класс, когда мисс Макей удалилась. — В трудной ситуации лучше не говорить ни слова, ни плохого, ни хорошего. Слово — серебро, молчание — золото. Мэри, ты меня слушаешь? Что я только что сказала?

Мэри Макгрегор, размазня, два глаза, нос и

рот — снежная баба, да и только, — которая впоследствии прославится одною тупостью и тем, что вечно будет служить козлом отпущения, и которая в возрасте двадцати трех лет погибнет в пожаре, отважилась на ответ:

— Золото.

— И что же есть золото, как я сказала?

Мэри забегала глазами по сторонам, потом подняла их к небу.

— Падающая листва, — шепотом подсказала Сэнди.

— Падающая листва, — повторила Мэри.

— Ясно, ты меня не слушала, — попеняла мисс Броди. — Если вы, девочки, будете слушать меня, я сделаю из вас *crème de la crème.*

2

Мэри Макгрегор даже на двадцать четвертом году жизни не вполне отдавала себе отчет в том, что своими откровениями мисс Броди не делилась ни с кем из учителей и что историю своей любви она рассказывала только им, своим ученицам. Когда через год после начала Второй мировой войны Мэри вступила в Женскую вспомогательную службу ВМС, где, по обыкновению, проявляла себя неуклюжей неумехой и вызывала массу нареканий, она почти не вспоминала о Джин Броди, хотя, разумеется, никогда не испытывала к ней неприязни. Но однажды, в минуту подлинного отчаяния, когда первый и последний ее ухажер, капрал, с которым они были знакомы две недели, не явился на свидание, а потом и вовсе исчез из поля ее зрения, она, окинув мысленным взором свою жизнь, вдруг поняла, что если и был в ней действительно счастливый период, то это первые годы, проведенные с мисс Броди, когда она сидела и слушала ее удивительные истории и суждения, не имевшие ничего общего с реальностью. Да, то было самое счастливое время в ее жизни. Эта мысль мимолетно промелькнула у нее в голове, и

больше она никогда не вспоминала о мисс Броди, но это помогло ей преодолеть отчаяние, и она снова впала в обычное для нее состояние полного отупения, в коем и пребывала до тех пор, пока во время отпуска, который проводила в Кумберленде, не погибла в горящем отеле. В стремительно сгущающемся дыму Мэри Макгрегор металась по коридорам: бежала в одну сторону, потом в другую, каждый раз в конце натыкаясь на стену огненных всполохов. Она не слышала никаких криков, потому что мощный рев огня поглощал все прочие звуки, и не кричала сама, потому что задыхалась от дыма. На третьем витке она столкнулась с кем-то, упала и умерла. Но тогда, в начале тридцатых, когда Мэри Макгрегор было десять лет, она безучастно сидела среди других учениц мисс Броди.

— Кто пролил чернила на пол? Это ты, Мэри?

— Не знаю, мисс Броди.

— Подозреваю, что ты. Никогда не встречала такой неловкой девочки. Кстати, если тебе неинтересно то, что я рассказываю, будь добра, сделай, по крайней мере, вид, будто тебе интересно.

И это были дни, которые позднее, оглянувшись назад, Мэри Макгрегор сочтет самыми счастливыми днями своей жизни!

У Сэнди Стрейнджер уже в то время было предчувствие, что в будущем эти первые школьные годы окажутся самыми счастливыми годами ее жизни, так она и сказала в свой десятый день рождения лучшей подруге Дженни Грей, которую пригласила к себе домой на чай. Коронным блюдом праздника были ананасные кубики со сливками, а коронным удовольствием дня — то, что девочек предоставили самим себе. Для Сэнди дотоле неведомый ананас воплощал аромат и вид счастья, и прежде чем начать орудовать ложкой, она долго и пристально разглядывала крохотными глазками бледно-золотистые кубики, а острый вкус, который она ощутила на языке, показался ей вкусом особого счастья, какое не имело ничего общего ни с едой, ни с той безотчетной радостью, какую испытываешь во время игры. Обе девочки сливки оставили напоследок и зачерпывали их теперь полными ложками.

— Девочки, вы у меня будете сливками общества, — сказала Сэнди, и Дженни, не сдержав смеха, едва успела прикрыть платком рот, из которого брызнули эти самые сливки. — Ты знаешь, — добавила Сэнди, — когда-нибудь мы будем вспоминать эти дни как самые счастливые в нашей жизни.

— Да, так принято говорить, — отозвалась Дженни. — Всегда говорят: берите от школьных лет все, что возможно, потому что никогда не знаешь, что ждет впереди.

— А мисс Броди говорит, что лучшие годы — это годы расцвета, — напомнила Сэнди.

— Да, но у нее никогда не было семьи, как у наших родителей.

— Зато у них не было расцветов.

— Зато у них есть половая жизнь, — возразила Дженни.

Девочки помолчали, для них это было пока шокирующим открытием, которое они сделали совсем недавно и все еще не могли в него поверить; само звучание слов и их значение завораживали новизной. Потом Сэнди сказала:

— На прошлой неделе у мистера Ллойда родился ребенок. Для этого они с женой должны были жить половой жизнью.

Эту мысль было легче переварить, и девочки визгливо захихикали в розовые бумажные салфетки. Мистер Ллойд преподавал рисование в старших классах.

— Ты *представляешь себе,* как это происходит? — шепотом спросила Дженни.

Сэнди, постаравшись мысленно нарисовать

нужную картину, сощурила глаза, от чего они стали еще меньше.

— Он должен был быть в пижаме, — прошептала она в ответ.

Девочки бурно развеселились, представив себе однорукого мистера Ллойда, всегда торжественно шествовавшего в школу, в пижаме.

Потом Дженни сказала:

— Это делается в порыве мгновения. Именно так это случается.

Дженни была надежным источником информации, поскольку недавно обнаружилось, что девушка, работавшая в бакалейном магазине ее отца, беременна, и Дженни кое-чего наслушалась, пока шла вся эта кутерьма. Когда она поделилась открытиями с Сэнди, девочки предприняли кое-какие изыскания, которые называли своим «исследованием», складывая мозаику из фрагментов недозволенно подслушанных разговоров и тайно прочитанных в толстом словаре статей.

— Это происходит мгновенно, как вспышка, — сказала Дженни. — С Тинни это случилось, когда она гуляла с приятелем в Паддоки. Потом им пришлось пожениться.

— Но ведь порыв должен был пройти, пока она снимала *одежду*, — усомнилась Сэнди. Под

«одеждой» она явно подразумевала панталоны, но в столь научном контексте слово «панталоны» представлялось неуместно грубым.

— Да, именно этого я и не могу понять, — согласилась Дженни.

В комнату заглянула мать Сэнди.

— Веселитесь, детки?

Из-за ее плеча показалась голова мамы Дженни.

— Бог ты мой, — воскликнула она, глядя на стол, — да они тут объедаются!

Сэнди почувствовала себя оскорбленной и униженной, как будто главный смысл ее праздника состоял в еде.

— Ну, а что вы собираетесь делать теперь? — спросила мать Сэнди.

— Сэнди одарила ее исполненным потаенной ярости взглядом, который говорил: ты обещала, что мы будем сами по себе, а обещание есть обещание, ты прекрасно знаешь, что это очень плохо — нарушать обещания, данные детям; не сдержав своего обещания, ты можешь разрушить всю мою жизнь, в конце концов, это мой день рождения.

Мать Сэнди ретировалась, уводя с собой и маму Дженни.

— Давайте предоставим их самим себе, — ска-

зала она. — Веселитесь, детки, не будем вам мешать.

Сэнди иногда испытывала неловкость оттого, что ее мать была англичанкой и называла ее «деткой», не так, как эдинбургские матери, которые говорили «дорогая». У мамы было кричаще шикарное зимнее пальто, отороченное пушистым лисьим мехом, как у герцогини Йоркской, в то время как другие матери носили твид или в крайнем случае ондатру, которая служила им всю жизнь.

Шел дождь, и земля была слишком мокрой, чтобы идти заканчивать рытье туннеля в Австралию, поэтому девочки перенесли стол со всеми праздничными деликатесами в угол комнаты. Сэнди откинула сиденье стульчика для рояля и достала из устроенного под ним ящичка спрятанную между двумя пачками нот тетрадь. На первой странице тетради значилось:

Сэнди Стрейнджер и Дженни Грей

ГОРНОЕ ГНЕЗДО

Это было сочинение, пока не законченное, о возлюбленном мисс Броди — Хью Каррутерсе. Как оказалось, его не убили на войне — в телеграмму

закралась ошибка. Он вернулся с полей сражения и приехал в школу в поисках мисс Броди, но первым встретившимся ему человеком была директриса, мисс Макей. Она злобно сообщила ему, что мисс Броди не желает его видеть, потому что любит другого. С горьким страдальческим смехом Хью удалился и нашел себе пристанище в хижине, прилепившейся к скале высоко в неприступных горах, где его, с ног до головы облаченного в кожу, в один прекрасный день обнаружили Сэнди и Дженни. На данном этапе повествования Хью держал Сэнди в плену, а Дженни удалось бежать под покровом ночи, и она в кромешной тьме пыталась найти дорогу в горах. Хью собирался за ней в погоню.

Сэнди достала из буфетного ящика карандаш и продолжила:

> «— Хью! — взмолилась Сэнди. — Клянусь тебе всем, что есть у меня святого: мисс Броди никогда не любила никого другого, она, в полном расцвете лет, ждет тебя там, внизу, вознося молитвы и не теряя надежды. Если ты отпустишь Дженни, она приведет тебе твою возлюбленную Джин Броди, ты увидишь ее

воочию и обнимешь после разлуки длиной в двенадцать лет и один день.

Его черный глаз сверкнул в тусклом свете масляной лампы.

— Прочь с дороги, девочка! — крикнул он. — Меня не обманешь. Я знаю, что юная Дженни откроет мое убежище насмеявшейся надо мной былой возлюбленной. Я знаю, что обе вы — соглядатаи, посланные ею, чтобы еще раз поглумиться надо мной. Отойди от двери, говорю тебе!

— Никогда! — ответствовала Сэнди, загораживая своим гибким телом засов и кладя руку на петлю замка. Ее огромные глаза горели лазурным пламенем мольбы».

Сэнди передала карандаш Дженни:
— Теперь твоя очередь.
Дженни написала:

«Одним взмахом руки он отбросил ее в дальний угол хижины и решительно вышел в освещенную лунным светом ночь; звук его шагов приглушил мягко падавший снег».

— Впиши насчет его ботинок, — сказала Сэнди.

Дженни вписала:

«Его высокие ботинки блестели в лунном свете».

— Не слишком ли у нас много лунного света? — задумалась Сэнди. — Ладно, исправим потом, когда дойдет до публикации.

— Как так? Это же секрет, Сэнди! — воскликнула Дженни.

— Знаю, — ответила Сэнди. — Не волнуйся, мы не будем это печатать, пока не наступит пора нашего расцвета.

— А как ты думаешь, у мисс Броди была половая жизнь с Хью? — спросила Дженни.

— В этом случае у нее должен был бы быть ребенок, разве не так?

— Не знаю.

— Я не думаю, что у них что-то такое было, — сказала Сэнди. — Их любовь была выше всего этого.

— Мисс Броди говорила, что во время его последнего отпуска они сливались в страстном забытьи.

— Не думаю, однако, что они при этом снимали одежду, — высказала предположение Сэнди. — А

ты?

— Я тоже не думаю. Я этого не вижу, — согласилась Дженни.

— Я бы не хотела жить половой жизнью, — призналась Сэнди.

— И я. Я выйду замуж за целомудренного человека.

— Съешь ириску.

Сидя на ковре, они пожевали конфет. Сэнди подбросила угля в камин, и огонь вспыхнул ярче, бликами заплясав на локонах Дженни.

— Давай изображать ведьм у костра, как на Хэллоуин, помнишь?

В сумерках, поедая конфеты, они нараспев произносили колдовские заклинания.

— В музее есть греческий бог, — вспомнила Дженни, — он стоит там без ничего. Я видела его в прошлое воскресенье, но я была с тетей Кейт, так что не могла *рассмотреть* как следует.

— Давай сходим в музей в следующее воскресенье, — предложила Сэнди. — Нужно же продолжать исследование.

— А тебе позволят пойти без взрослых, только со мной?

Сэнди, про которую все знали, что ее никуда не отпускают без взрослых, вздохнула:

— Не думаю. Может, попросить кого-нибудь, чтобы нас туда повели?

— Можно попросить мисс Броди.

Мисс Броди часто водила девочек в картинные галереи и музеи, так что предложение показалось вполне осуществимым.

— А что, если она не позволит нам смотреть на голую статую? — спросила Сэнди.

— Думаю, она и не заметит, что статуя голая, — предположила Дженни. — Она просто не увидит этой штуковины.

— Да, — согласилась Дженни, — мисс Броди выше этого.

Дженни настала пора уводить. Им с матерью еще предстояло в наводненных привидениями эдинбургских ноябрьских сумерках трястись в трамвае через Дин-бридж. Сэнди помахала им на прощание из окна и подумала: интересно, у Дженни тоже есть ощущение, что она ведет двойную жизнь, полную проблем, с какими не сталкиваются даже миллионеры? То, что миллионеры ведут двойную жизнь, было широко известно. Вечерняя газета гремучей змеей вползла в почтовый ящик, и дом вмиг заволокла атмосфера, обычно воцарявшаяся в нем в шесть часов вечера.

В четверть четвертого мисс Броди читала

классу стихи, чтобы вселить в девочек возвышенность духа перед тем, как отпустить их домой. Откинув назад голову и полуприкрыв глаза, она декламировала Теннисона:

Восточный ветер завывал,
И бледно-желтый лес стонал,
И грозно свод небес взирал,
И дождь слезами заливал
Притихший Камелот[7].

Сэнди наблюдала за мисс Броди, сощурив бесцветные маленькие глазки так, что они стали еще меньше, и плотно стиснув губы.

Роуз Стэнли выдергивала нитки из пояса школьного платья-сарафана. Дженни, очарованная стихами, сидела, приоткрыв рот; ей никогда не бывало скучно. Сэнди тоже никогда не бывало скучно, но для этого она была вынуждена вести собственную двойную жизнь.

Спустилась вниз — там старая ветла,
И челн баюкает волна,
И нарекла его она

---

[7] Примечания: 7
Перевод Г. Весниной.

Волшебница Шелот[8].

«Интересно, чем ваша светлость написала свое имя на носу лодки?» — мысленно поинтересовалась Сэнди, все так же плотно сжимая губы.

«На поросшем травой берегу случайно оказалась банка белой краски и кисть, — любезно подсказала леди Шелот. — Наверняка их бросил там какой-нибудь безмозглый член Сообщества безработных».

«И это при таком-то дожде!» — не найдя ничего лучше, воскликнула в ответ Сэнди, в то время как голос мисс Броди воспарял все выше к потолку и клубился вокруг ног девочек из старшего класса, занимавшихся этажом выше.

Леди Шелот возложила бледную руку на плечо Сэнди и воззрилась на нее долгим взглядом. «И почему этому бедному существу, — проговорила она низким печальным голосом, — такому юному и прекрасному, предстоит быть таким несчастным в любви!»

«Что означают эти слова?» — не разжимая губ, в панике воскликнула про себя Сэнди, скосив на мисс Броди маленькие глазки.

Мисс Броди поинтересовалась:

---

[8] Примечания: 8
Перевод Г. Весниной.

— Сэнди, ты расстроилась?

На лице Сэнди отразилось удивление.

— Девочки, — продолжила мисс Броди, — вы должны научиться владеть лицом. Это одно из самых ценных женских качеств — умение владеть лицом в горе и в радости. Посмотрите на Мону Лизу, вон там!

Все головы повернулись, чтобы посмотреть на репродукцию, которую мисс Броди привезла из своих странствий и пришпилила к стене. На безмятежном лице Моны Лизы в расцвете лет играла едва заметная улыбка, даже несмотря на то, что она только что вернулась от зубного врача, о чем свидетельствовала все еще припухшая нижняя челюсть.

— Она — старее камня, на котором сидит. Ах, если бы вас вверили моему попечению, когда вам было по семь лет. А так я иногда опасаюсь, что уже слишком поздно. Если бы я воспитывала вас с семи лет, вы бы стали сливками общества. Сэнди, иди сюда и продекламируй несколько строф, дай нам насладиться твоими гласными.

Сэнди постаралась выжать все возможное из своих правильно — поскольку была наполовину англичанкой — произносимых гласных, единственного, чем она могла гордиться. Роуз Стэнли

тогда еще не была знаменита своей сексуальностью, и не она, а Юнис Гардинер однажды подошла к Сэнди и Дженни с Библией в руках, тыча пальцем в стих: «Взыграл младенец во чреве ее». Сэнди и Дженни сказали, что она скверная девочка, и пригрозили все рассказать. Дженни тогда уже славилась миловидностью, и у нее был прелестный голос, поэтому мистер Лаутер, учитель пения, с восхищением смотрел на нее, когда она пела «Взгляни, как сердцем щедрая весна…», и ерошил ее локоны, что было весьма дерзко с его стороны, поскольку мисс Броди всегда присутствовала на уроках пения своих учениц. Ероша локоны Дженни, он всегда смотрел на мисс Броди, как ребенок, который шалит напоказ, словно испытывал ее: не пожелает ли она вступить с ним в заговор и тоже повести себя не по-эдинбургски.

У невысокого ростом мистера Лаутера были длинное туловище на коротких ногах и золотисто-рыжие волосы и усы. Он приставлял ладонь к уху и, склоняя голову поочередно к каждой девочке, проверял их голоса: «Спой ля-я-я-я!»

«Ля-я-я», — тянула Дженни высоким чистым голоском, представляя себя русалкой с Гебридских островов, о которой рассказывала Сэнди, и пытаясь, скосив глаза, поймать взгляд подруги.

Выведя девочек из класса пения и собрав в кружок, мисс Броди сказала:

— Девочки, в вас мое призвание. Если бы завтра герольдмейстер лорд-лайон[9] сделал мне предложение руки и сердца, я бы отклонила его. Будучи в расцвете лет, я безраздельно предана вам. А теперь, пожалуйста, постройтесь в затылок и идите с высоко — *высоко!* — поднятыми головами, как Сибил Торндайк[10], женщина с гордой осанкой.

Следуя в строю, Сэнди вытягивала шею, поднимала кверху веснушчатый нос и вперяла взгляд поросячьих глазок в потолок.

— Что ты делаешь, Сэнди?

— Иду, как Сибил Торндайк, мэм.

— Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, Сэнди.

Лицо Сэнди приняло обиженно-озадаченный вид.

— Да, — подтвердила мисс Броди. — Я наблюдаю за тобой, Сэнди, и вижу, что по натуре ты легкомысленна. Боюсь, тебе никогда не принадлежать к элите, или, как говорится, к *crème de*

---

[9] Примечания: 9

Титул главы геральдической службы Шотландии; на гербе Шотландии изображен стоящий на задних лапах лев.

[10] Примечания: 10

Английская киноактриса (1882–1976).

la crème.

Когда они вернулись в класс, Роуз Стэнли сказала:

— Я испачкала блузку чернилами.

— Ступай в кабинет естествознания и попроси, чтобы тебе вывели пятно; но помни: это очень вредно для чесучи.

Иногда девочки нарочно ставили маленькое чернильное пятнышко на рукав шелковой блузки, чтобы иметь возможность побывать в кабинете естествознания старшей школы. Там учительница мисс Локхарт, загадочная волшебница в белом халате, с коротко остриженными седыми волосами, волнами зачесанными назад над смуглым и обветренным лицом бывалой гольфистки, наносила капельку белой жидкости из большой склянки на кусочек ваты. Этой ваткой она молча, придерживая руку девочки и полностью поглощенная своим делом, легкими движениями стирала пятно. Роуз Стэнли ходила с чернильным пятном в кабинет естествознания исключительно от скуки, а вот Сэнди и Дженни регулярно, стараясь лишь ради осторожности соблюдать приличный интервал в четыре недели, ставили такие пятна себе на блузки для того, чтобы их подержала за руку мисс Локхарт, ко-

торую посреди ее странно пахнущего кабинета, казалось, всегда окружала оболочка свежего воздуха дюймов в шесть толщиной. Эта длинная комната была естественной средой обитания мисс Локхарт, так что, когда однажды Сэнди увидела ее идущей как самая обычная учительница от школы к своему спортивному автомобилю — в твидовом жакете, в юбке с бантовкой, та отчасти утратила в ее глазах свою особость. В кабинете естествознания, окруженная тремя рядами длинных стеллажей, уставленных склянками, наполовину заполненными цветными кристаллами, порошками и жидкостями — охряными, бронзовыми, металлически-серыми, кобальтово-синими — и стеклянными сосудами причудливых форм: луковицеобразными или узкими и высокими, как трубки мисс Локхарт, навсегда осталась для нее чем-то отдельным. Лишь раз Сэнди попала в кабинет мисс Локхарт во время урока. Старшеклассницы, взрослые девочки, с уже оформившейся грудью, попарно стояли у лабораторных столов, в которые были вмонтированы зажженные в тот момент газовые горелки. У каждой в руках была высокая пробирка, полная какой-то зеленой жидкости, которую они встряхивали над пламенем, — десятки пляшущих

зеленых трубочек и струек синего огня вдоль всех столов. Верхние ветки голых деревьев скреблись в окна этой длинной комнаты, а за ними проглядывало холодное зимнее небо с огромным красным солнцем на нем. Сэнди хватило тогда присутствия духа вспомнить, что школьным годам полагается быть самыми счастливыми в жизни, и она сообщила Дженни захватывающую новость: учиться в старших классах будет потрясающе интересно, а мисс Локхарт — чудесница.

— Все девочки в кабинете естествознания делают то, что им нравится, — сказала Сэнди, — и это в порядке вещей.

— Мы у мисс Броди тоже делаем много такого, что нам нравится, — вставила Дженни. — Моя мама говорит, что мисс Броди дает нам слишком много воли.

— В то время как должна давать не волю, а уроки, — добавила Сэнди. — А в классе естествознания *разрешается* давать волю. Там так положено.

— А мне нравится у мисс Броди, — призналась Дженни.

— Мне тоже, — согласилась Сэнди. — Моя мама говорит, что она расширяет наш кругозор.

Тем не менее визиты в кабинет естествознания

были тайной радостью Сэнди, и она тщательно соблюдала интервалы между чернильными пятнами, чтобы мисс Броди не заподозрила, что они появляются не случайно. Пока мисс Локхарт, держа ее за руку, аккуратно промокала чернильное пятнышко, Сэнди стояла, завороженная длинной комнатой, где по праву царила эта учительница, и колдовским блеском всего того, что находилось здесь. Но однажды, как раз когда Роуз Стэнли после урока пения отправилась в класс естествознания выводить чернильное пятно с блузки, мисс Броди сказала своим ученицам:

— Вам следует осторожней обращаться с чернилами. Я не могу позволить, чтобы мои девочки то и дело бегали в класс естествознания. Мы должны беречь собственное доброе имя. — И добавила: — Искусство выше науки. Сначала — искусство и только потом наука.

На доске висела большая карта — начинался урок географии. Мисс Броди повернулась к ней, чтобы указкой обвести контуры Аляски, но передумала, снова повернулась к классу и продолжила:

— Искусство и религия идут первыми; потом философия; и только в конце — наука. Таков порядок главных предметов жизни — по убыванию

их важности.

То была первая из двух зим, которые классу предстояло провести с мисс Броди. Наступил тысяча девятьсот тридцать первый год. Мисс Броди уже выбрала себе фавориток, вернее, тех, кому считала возможным доверять, а еще точнее, тех, чьи родители, как она полагала, не станут жаловаться на передовые, революционные аспекты ее преподавательской методики; эти родители были либо слишком просвещенными, чтобы жаловаться, либо слишком темными, либо благоговейно дорожили тем, что им повезло дать дочерям образование по столь высокому разряду при умеренной цене, либо просто слишком доверчивы, чтобы сомневаться в качестве знаний, какими наделяет их дочерей школа со столь солидной репутацией. Приближенных мисс Броди приглашала домой на чай, запрещая говорить об этом другим, и поверяла им свои тайны; девочки были посвящены в ее частную жизнь, в ее вражду с директрисой и союзниками директрисы. Они знали, какие неприятности она претерпевала из-за них в карьере. «И все это ради вас, девочки, ради того, чтобы иметь возможность влиять на вас именно теперь, когда я нахожусь в расцвете сил». Так родился клан Броди. Юнис Гардинер

поначалу вела себя так робко, что трудно было понять, что привлекло в ней мисс Броди. Но вскоре она раскрепостилась настолько, что с удовольствием делала сальто на ковре во время чаепитий у наставницы. «Ты — наш Ариэль», — говаривала мисс Броди. А потом Юнис сделалась и болтушкой. По воскресеньям ей не разрешалось крутить сальто: во многих отношениях мисс Броди была эдинбургской старой девой самого строгого образца. Юнис Гардинер демонстрировала акробатику на ковре только по субботам, перед ранним ужином с чаем или после него, в кухне на линолеуме, пока другие девочки мыли посуду и передавали по цепочке, чтобы убрать в буфет, пчелиные соты, слизывая с пальцев прилипший к ним мед. Спустя двадцать восемь лет после того, как Юнис Гардинер садилась на шпагат в квартире мисс Броди, она, ставшая медсестрой и вышедшая замуж за доктора, сказала однажды вечером мужу:

— В будущем году, когда поедем на фестиваль… — Да?..

Она плела шерстяной коврик и потянула не ту петлю.

— Да? — повторил муж.

— Когда мы поедем в Эдинбург, — продолжила

она, — напомни мне сходить на могилу мисс Броди.

— Кто такая мисс Броди?

— Моя учительница. Как она знала культуру! Она одна стоила целого Эдинбургского фестиваля. Бывало, она приглашала нас к себе домой на чай и рассказывала о своем расцвете.

— О каком расцвете?

— Расцвете жизни. Однажды во время путешествия она влюбилась в гида-египтянина и по возвращении рассказывала нам об увлечении. В классе у нее было несколько любимиц. Я была одной из них. Знаешь, когда я делала шпагат, она так хохотала!

— Я всегда догадывался, что ты получила несколько своеобразное воспитание.

— Да нет же, она не была сумасшедшей. Она была совершенно нормальной. И прекрасно понимала, что делает. И о своей любви она нам тоже рассказывала.

— Так-так, интересно послушать.

— О, это длинная история. А в сущности она была просто старой девой. Нужно отнести цветы на ее могилу… Найду ли я ее?

— Когда она умерла?

— Вскоре после войны. К тому времени она

уже не работала. Уход из школы стал для нее трагедией — ее заставили уйти раньше срока. Директриса никогда ее не любила. С ее отставкой связана целая история. Кто-то из ее же любимых учениц, из выводка Броди, как нас еще называли, предал ее. Я так и не узнала, кто это был.

Теперь пора рассказать о долгой прогулке по старым кварталам Эдинбурга, куда мисс Броди повела своих цыплят, одетых в темно-лиловые пальтишки и черные велюровые шляпки с бело-зелеными хохолками, однажды в мартовскую пятницу, когда в школе сломалось центральное отопление и всех остальных детей, укутав, отослали домой. С еще покрытого льдом Форта[11] дул ветер, и небо набухло готовым просыпаться снегом. В паре с Сэнди шла Мэри Макгрегор, потому что Дженни отправилась домой. Моника Дуглас, впоследствии прославившаяся тем, что могла делать в уме сложные математические вычисления, а также вспыльчивостью, шла за ними — ярко-красная физиономия, широкий нос, темные косички, выглядывавшие сзади из-под черной шляпки, и обтянутые черными шерстяными чулками ноги, уже тогда формой

[11] Примечания: 11

Полное название реки — Ферт-оф-Форт, в переводе с гаэльского — «черная река».

напоминавшие колоды. Рядом с ней шагала Роуз Стэнли, высокая блондинка с желтоватой кожей, которая тогда еще прославилась сексапильностью и говорила только о поездах, подъемных кранах, автомобилях, детских конструкторах и прочих чисто мальчишечьих увлечениях. Как работает двигатель или что можно собрать из конструктора, ее не интересовало, но она знала все названия, все возможные варианты окраски, модели и мощности автомобилей, стоимость разных конструкторов. И еще она лихо лазала по заборам и по деревьям. И хотя из-за этих увлечений одиннадцатилетнюю Роуз Стэнли считали мальчишкой-сорванцом, увлечения эти, будучи поверхностными, сколько-нибудь существенно не повлияли на ее глубинную женственность, зато — словно она сознательно готовила себя к этому — несколькими годами позже сослужили ей добрую службу, помогая легко находить общий язык с мальчиками.

Далее следовала сама мисс Броди, голова высоко поднята, нос с горбинкой кверху — ни дать ни взять Сибил Торндайк. На ней были свободное коричневое твидовое пальто с бобровым воротником, плотно застегнутым вокруг шеи, и коричневая фетровая шляпа с полями, загнутыми

с одной и опущенными с другой стороны. Позади мисс Броди, замыкая группу, миниатюрная Юнис Гардинер, которая двадцать восемь лет спустя скажет: «Я должна сходить на могилу мисс Броди», двигалась вприпрыжку, словно бы готовая здесь же, на тротуаре, начать крутить пируэты, так что мисс Броди была вынуждена время от времени оборачиваться к ней и одергивать: «Юнис, прекрати!» А иногда она отставала, чтобы составить Юнис компанию.

Сэнди, которая читала тогда «Похищенного»[12], вела мысленную беседу с героем, Аланом Бреком, и радовалась тому, что шла в паре с Мэри Макгрегор — это избавляло от необходимости поддерживать беседу.

— Мэри, ты можешь негромко поговорить с Сэнди.

— Сэнди не хочет со мной говорить, — отвечала Мэри, которая впоследствии, во время пожара в отеле, будет метаться туда-сюда, пока не задохнется.

— Сэнди не о чем будет говорить с тобой, если ты будешь такой бестолковой букой. Попытайся по крайней мере изобразить приветливость.

---

[12] Примечания: 12
Роман Роберта Льюиса Стивенсона.

«Сэнди, ты должна перебраться через болото и передать это письмо Макферсонам, — говорил между тем Алан Брек. — Моя жизнь в твоих руках, как и все наше дело».

«Я ни за что не подведу тебя, Алан Брек, — отвечала Сэнди. — Никогда».

— Мэри, — донесся сзади голос мисс Броди, — пожалуйста, постарайся не отставать от Сэнди.

Сэнди стремительно шагала вперед, воодушевленная Аланом Броком, чьи пылкость и признательность достигли душераздирающего накала в тот момент, когда она приготовилась ступить на зыбкую болотистую почву.

Мэри старалась идти с ней в ногу. Они как раз пересекали Медоуз, обширный, насквозь продуваемый ветрами бывший общинный выгон, вызывающе зеленый под зимним пасмурным небом. Конечной их целью был Старый город, ибо мисс Броди заявила, что они должны увидеть, где вершилась история; и дорога привела их на бульвар Миддл-Медоу.

Юнис, в хвосте колонны предоставленная самой себе, принялась подпрыгивать в такт стишку, который твердила про себя:

Эдинбург и Лит,

Портобелло, Массельбург

И Далькит…

Потом меняла ногу и снова —

Эдинбург и Лит…

Мисс Броди повернулась, цыкнула на нее, потом крикнула вперед Мэри Макгрегор, которая глазела на приближавшегося к ним индийского студента:

— Мэри, веди себя прилично.

— Мэри, — подхватила Сэнди, — не пялься на коричневого дядю.

Измученная замечаниями девочка безмолвно посмотрела на Сэнди и постаралась ускорить шаг. Но Сэнди двигалась рывками: то бросок вперед, то остановка, когда, например, Алан Брек начинал петь ей песенку, перед тем как ей предстояло пересечь болото, чтобы спасти ему жизнь. Он пел:

Это песнь о мече Алана,

Кузнец его сделал,

Огонь закалил,

Теперь он сверкает у Алана Брека в руке.

Потом Алан Брек похлопал ее по плечу со слова-

ми: «Сэнди, ты храбрая девушка, ты не уступишь в храбрости ни одному из рыцарей короля».

— Не иди так быстро, — заныла Мэри.

— А ты не рой носом землю, — огрызнулась Сэнди. — Держи голову выше, выше!

Внезапно Сэнди захотелось проявить доброту к Мэри Макгрегор, и она начала думать: как будет хорошо ей самой, если она перестанет шпынять Мэри и станет добра к ней. Сзади послышалось, как мисс Броди говорит Роуз Стэнли:

— Всем вам, девочки, предстоит стать героинями. Британия должна быть страной, достойной, чтобы в ней жили героини. Лига наций…

Звук этого голоса, напомнивший о присутствии мисс Броди как раз в тот момент, когда у Сэнди уже вертелись на языке добрые слова, обращенные к Мэри Макгрегор, погасил ее порыв. Оглянувшись на спутниц, она вообразила их себе единым организмом, головой которого являлась мисс Броди. На один страшный миг ей представилось, что она сама, отсутствовавшая Дженни, вечно виноватая во всем Мэри, Роуз, Юнис и Моника, все они повязаны одной судьбой — повиноваться мисс Броди, словно Бог предназначил им родиться именно для этой цели.

После этого ее еще больше напугало недавнее

искушение проявить доброту к Мэри Макгрегор, потому что этим она обособила бы себя от других и осталась бы в изоляции, заслужив порицание куда более суровое, чем получала Мэри, которая, хоть и была официальной виновницей всего, все же находилась внутри группы будущих героинь, каковых была намерена воспитать мисс Броди. Поэтому из чувства товарищеской солидарности Сэнди сказала Мэри:

— Я бы никогда не пошла *с тобой,* если бы здесь была Дженни.

А Мэри просто ответила:

— Я знаю.

Тогда Сэнди, снова начиная себя ненавидеть, принялась привычно шпынять Мэри, убеждая себя в том, что, если делаешь что-то много раз, оно становится правильным. Мэри заплакала, но тихо, чтобы не услышала мисс Броди. Сэнди не могла этого вынести и зашагала вперед, вообразив себя замужней дамой, выговаривающей мужу: «Знаешь, Колин, у всякой женщины иссякнет терпение, если в доме перегорают пробки, а мужчина не способен их заменить». — «Но, дражайшая Сэнди, *откуда* мне было знать…»

Когда они уже почти пересекли Медоуз, навстречу им попалась группа девочек-скаутов.

Выводок мисс Броди — все, кроме Мэри, — гордо проследовал мимо, глядя прямо перед собой. Только Мэри уставилась на взрослых девочек в темно-синей форме, с положенным по регламенту бодрым видом и более вольной манерой выражаться, чем та, что позволял себе клан Броди в присутствии предводительницы. Когда они прошли, Сэнди сказала Мэри:

— Глазеть неприлично.

А та ответила:

— Я не глазела.

Шедшие сзади девочки стали расспрашивать мисс Броди о брауни-гайдах[13] и скаутах, поскольку многие ученицы младших классов их школы входили в дружину брауни.

— Для тех, кому нравятся подобные организации, — отвечала мисс Броди, умело имитируя эдинбургский акцент, — это именно то, что надо.

Таким образом брауни и скауты были поставлены вне закона. Сэнди припомнила, как мисс Броди восхищалась марширующими отрядами Муссолини, и привезенную ею из Италии фото-

---

[13] Примечания: 13

Младшая дружина девочек-скаутов от 7 до 10 лет; название взято из шотландского фольклора, где брауни (коричневый человечек) — это смуглокожий добрый домовой, ночью выполняющий работу за своих подопечных, особенно фермеров.

графию, на которой был запечатлен победный марш чернорубашечников в Риме.

— Это фашисты, — объяснила мисс Броди и повторила слово по буквам. — Кто эти люди, Роуз?

— Фашисты, мисс Броди.

Вся эта черная масса маршировала безукоризненно стройными шеренгами, взметнув правую руку под одним и тем же углом, а Муссолини стоял на возвышении, как учитель физкультуры или вожатая скаутской дружины, и наблюдал за парадом. Муссолини со своими фашистами положил конец безработице, и на улицах не стало мусора. Когда они добрались до конца бульвара Миддл-Медоу, Сэнди пришло в голову, что клан Броди — это фашисты мисс Броди, не потому, что они идут строем, что заметно и невооруженному взгляду, а потому, что они спаяны воедино ради цели, поставленной мисс Броди, и по-своему равняются на нее. Это было нормально, но в то же время казалось, что в неодобрительном отношении мисс Броди к скаутам была доля ревности, и это выглядело непоследовательным и неправильным. Вероятно, скауты составляли слишком сильную конкуренцию фашистам, и мисс Броди не могла этого перенести. Сэнди решила, что следует подумать, не вступить ли в отряд брауни.

Затем страх отбиться от своих снова обуял ее, и она убедила себя отказаться от этой затеи, потому что любила мисс Броди.

«Мы отлично подходим друг другу, Сэнди, — сказал Алан Брек, давя каблуком осколки стекла, разбросанные по залитому кровью полу корабельной рубки. Он взял со стола нож, срезал серебряную пуговицу с камзола и добавил: — Где бы ты ни показала эту пуговицу, друзья Алана Брека всегда придут тебе на помощь».

— Сворачиваем направо, — скомандовала мисс Броди.

Они приближались к Старому городу, которого ни одна из девочек до того толком не видела, ибо никто из их родителей не обладал историческим мышлением в достаточной мере, чтобы им пришло в голову тащить своих отпрысков в вонючий лабиринт трущоб, каковой представлял собой в те годы Старый город. Кэнонгейт, Грассмаркет, Лаунмаркет — эти названия ассоциировались с мрачным районом преступности и отчаяния: «Мужчина с Лаунмаркета заключен в тюрьму». Только Юнис Гардинер и Монике Дуглас довелось ранее побывать на Королевской миле[14], пешком

---

[14] Примечания: 14
Путь от Эдинбургского замка к дворцу Холируд.

пересекая Хай-стрит на пути из Замка[15] или Холируда[16]. Сэнди возили в Холируд на машине ее дяди, там она видела кровать, слишком короткую и слишком широкую, на которой спала королева Шотландии Мария, и крохотную, меньше, чем их домашняя судомойня, комнатушку, где королева играла в карты с Риццио[17].

Теперь они находились на площади Грассмаркет, над которой господствовал Замок, он был виден отовсюду, проглядывая в широком разрыве между домами, где раньше жила аристократия. Для Сэнди то был первый опыт знакомства с чем-то сродни чужой стране, которая входит в тебя постепенно своими незнакомыми запахами, абрисами, своими отличными от других нищими. На ледяном тротуаре сидел человек — просто сидел. Кучка ребятишек, некоторые босиком, играли в какую-то воинственную игру, кто-то из них стал кричать вслед лиловой стайке мисс Броди слова, которых девочки никогда прежде не

---

[15] Примечания: 15

Древняя крепость на 133-метровой Замковой скале в центре шотландской столицы.

[16] Примечания: 16

Дворец в Эдинбурге. Был заложен как монастырь в 1280 году, но в XV веке стал резиденцией шотландских королей.

[17] Примечания: 17

Итальянский музыкант (1533–1566), фаворит Марии Стюарт.

слышали, но безошибочно опознали как непристойные. Из темных подворотен появлялись и ныряли туда дети и женщины, обвязанные на груди крест-накрест теплыми платками. В ошеломлении Сэнди поймала себя на том, что держит Мэри за руку, все девочки, в каждой паре, взялись за руки. Между тем мисс Броди читала им лекцию по истории. По мере того, как они углублялись в Хай-стрит, она рассказывала:

— Джон Нокс[18] был озлобленным человеком. Он никогда не чувствовал себя непринужденно в присутствии веселой французской королевы. Мы, эдинбуржцы, многим обязаны французам. Мы — европейцы. — На улице стоял на редкость мерзкий запах. Чуть дальше по Хай-стрит прямо посреди проезжей части собралась какая-то толпа. — Проходим мимо совершенно спокойно, — руководила мисс Броди.

Посреди образовывавшей круг толпы друг на друга орали мужчина и женщина, и мужчина дважды ударил женщину по голове. Другая женщина, очень маленькая, со стрижеными черными волосами, красным лицом и большим ртом, выступила вперед и, взяв мужчину за руку,

[18] Примечания: 18

Крупнейший шотландский религиозный реформатор XVI века, заложивший основы пресвитерианской церкви.

произнесла:

— Я буду твоим мужем.

Всю жизнь Сэнди время от времени размышляла об этом — она была совершенно уверена: та маленькая женщина сказала не «я буду твоей женой», а именно «я буду твоим мужем», но так и не смогла понять, что это значило.

Впоследствии Сэнди не раз довелось снова испытать потрясение, когда она, разговаривая с людьми, чье детство прошло в Эдинбурге, узнавала, что у них — свои Эдинбурги, совершенно не похожие на тот, в котором выросла она и с которыми город ее детства объединяли лишь названия районов, улиц и памятников. Точно так же у разных людей, как оказалось, были разные тридцатые годы. Когда она пребывала уже в зрелом возрасте и ей было позволено принимать в монастыре посетителей — такой большой поток визитеров противоречил монастырскому уставу, но ей как автору Трактата было пожаловано особое разрешение, — и когда один человек сказал: «Мы, должно быть, учились с вами в Эдинбурге в одно и то же время, сестра Елена», Сэнди, уже несколько лет жившая в монастыре Преображения Господня и звавшаяся сестрой Еленой, вцепившись в прутья решетки и всматриваясь

в него маленькими ослабевшими глазами, попросила его описать свои ученические годы, школу и Эдинбург, каким он помнил его по тем временам. И снова оказалось: его Эдинбург отличался от Эдинбурга Сэнди. Школа-интернат, где он жил пансионером, была серой и холодной. Его учителями были высокомерные англичане, или, как выразился посетитель, «почти англичане с третьеразрядными дипломами». Сэнди не могла припомнить, чтобы ее когда-нибудь интересовало качество дипломов ее учителей, а школа всегда представлялась ей залитой солнцем или — зимой — жемчужным северным светом.

— Но Эдинбург, — сказал тот человек, — был очаровательным городом, гораздо более очаровательным, чем теперь. Разумеется, трущобы теперь снесли. Я всегда больше всего любил Старый город. Мы обожали обследовать закоулки Грассмаркета и его окрестностей. Что же касается архитектуры, то во всей Европе нет города прекрасней.

— Меня однажды водили на экскурсию через Кэнонгейт, — сказала Сэнди, — но я была ошарашена грязью и убожеством.

— Ну, так ведь то были тридцатые годы, — возразил мужчина. — Скажите, сестра Елена, кто

оказал на вас тогда наибольшее влияние? Ну, тогда, когда вы были подростком. Вы читали Одена и Элиота?

— Нет, — ответила Сэнди.

— А мы, мальчишки, были помешаны на Одене и его единомышленниках, мечтали уехать в Испанию участвовать в Гражданской войне. На стороне республиканцев, безусловно. А у вас в школе было разделение на сторонников франкистов и сторонников республиканцев?

— Не сказала бы, — ответила Сэнди. — У нас вообще все было по-другому.

— Вы тогда еще, разумеется, не были католичкой?

— Нет.

— Подростковый период оказывает огромное влияние на жизнь человека, — заметил мужчина.

— О да, — согласилась Сэнди. — Даже если это влияние от противного.

— Что же тогда оказало наибольшее влияние на вас, сестра Елена? Политика, что-то личное? Может быть, кальвинизм?

— О нет, — ответила Сэнди. — Это была некая мисс Джин Броди в расцвете лет.

Она стояла, вцепившись в решетку, будто

хотела вырваться из тускло освещенной монастырской приемной у себя за спиной, ибо не обладала смирением других монахинь, которые принимали своих редких гостей, сидя в затемненной глубине комнаты со сложенными на коленях руками. Сэнди всегда наклонялась вперед и, обеими руками сжимая прутья, пристально всматривалась в человека по ту сторону решетки; это не ускользнуло от внимания других монахинь, они сочли, что, с тех пор как сестра Елена опубликовала свою философскую книгу, неожиданно завоевавшую широкую известность, на нее обрушилось слишком тяжкое мирское бремя. Однако Сэнди навязали эту обязанность, и она, сжимая железные прутья, принимала избранных посетителей — психологов, людей, ищущих истины в католичестве, известных дам-журналисток и ученых, жаждавших расспросить ее о ее странном психологическом трактате «Преобразование банального», посвященном природе нравственных представлений.

— В Сент-Джайлс мы не пойдем, — сказала мисс Броди, — уже поздно. Но я полагаю, в этом соборе все вы бывали.

Они все действительно бывали в Сент-Джайлсе и видели обтрепанные, пропитанные кровью

древние знамена. Сэнди там не бывала, но ее туда и не тянуло. Внешний облик старых эдинбургских церквей пугал ее: они были сложены из такого темного камня, что напоминали привидения цвета Замковой скалы и, грозя указательными пальцами шпилей, являли собой воплощенное предостережение.

Как-то мисс Броди показала девочкам фотографию Кельнского собора, он был похож на свадебный торт и словно бы предназначался для развлечений и празднеств, устраивавшихся Блудным сыном в начале жизненного пути. Зато шотландские церкви более ободряюще выглядели изнутри, так как во время служб были заполнены людьми, а вовсе не привидениями. Сэнди, Роуз Стэнли и Моника Дуглас происходили из верующих семей, не состоявших, впрочем, из усердных прихожан. Дженни Грей и Мэри Макгрегор были пресвитерианками и посещали воскресную школу. Юнис Гардинер принадлежала к епископальной церкви и утверждала, что не верит в Иисуса, а верит в Отца, Сына и Святого Духа. Сэнди, которая в духов верила, вполне допускала существование и Святого Духа. Вопрос о верованиях в ту зиму был поднят самой мисс Броди, которая, с юности следуя установлениям

строгой Шотландской Церкви и соблюдая день отдохновения, в пору своего расцвета начала в то же время посещать вечерние лекции по сравнительному религиоведению в университете и, разумеется, все пересказывала ученицам. Тогда они впервые узнали, что некоторые достойные люди не веруют ни в Бога, ни даже в Аллаха. Тем не менее девочкам полагалось со всем прилежанием изучать Евангелия ради заложенных в них Истины и Доброты и читать их вслух, дабы наслаждаться их Красотой.

Далее их маршрут пролегал по широкой Чемберс-стрит. Группа совершила перестроение, и теперь они шли шеренгами по три, впереди, между Сэнди и Роуз, шагала мисс Броди.

— Директриса вызывает меня к себе в понедельник во время утренней перемены, — говорила мисс Броди. — Не сомневаюсь, мисс Макей попытается поставить под сомнение мои педагогические методы. Такое прежде уже случалось. Случится и снова. Однако я твердо следую собственным принципам воспитания и отдаю вам все лучшее, что есть во мне в пору моего расцвета. Слово «воспитание» по латыни звучит как «educatio» и происходит от гласного «е» слова «экс», то есть «из», «от», и «duco», то есть «я веду». А

следовательно, означает — выводить наружу. Для мисс Макей воспитывать — значит вкладывать внутрь то, чего там нет. Я называю это не воспитанием, а вторжением — по латыни «in-trudo», «я навязываю». Метод мисс Макей состоит в том, чтобы впихивать массу информации в головы учеников; мой — в том, чтобы вытягивать, извлекать знание отовсюду, и в этом состоит истинное воспитание, как следует из корневого значения слова «educatio». И после этого мисс Макей еще смеет обвинять меня в том, что я вбиваю в головы своих девочек идеи, а на самом деле этим занимается *она*, я же делаю как раз обратное. Никто не имеет права сказать, что я вкладываю идеи в ваши головы. Сэнди, что означает воспитание?

— Извлечение знания, — ответила Сэнди, которая мысленно составляла официальное приглашение Алану Бреку год и один день спустя после их захватывающего дух побега через болото.

> «Мисс Сэнди Стрейнджер имеет честь и удовольствие пригласить мистера Алана Брека отужинать у нее во вторник шестого января в восемь часов».

Героя «Похищенного» должно было удивить по-

слание, неожиданно пришедшее с нового адреса Сэнди, из графства Файф, где на берегу гавани стоял одинокий дом, описанный в романе дочерью Джона Бакана[19], хозяйкой которого хитроумным способом стала теперь Сэнди. Алан Брек прибудет в полном облачении шотландского горца. А что, если во время ужина страсть овладеет ими и они, отбросив все сомнения, предадутся половой жизни? Сэнди попыталась представить себе эту картину, но не могла свести концы с концами. Как ни верти, а все равно у людей остается время *подумать*, возражала она самой себе, им пришлось бы перестать думать, пока они раздеваются, а если они перестанут думать, то как они смогут отброс сить все сомнения?

— Это «ситроен». — Роуз Стэнли указала на проезжавший мимо автомобиль. — Французская машина.

— Сэнди, дорогая, не спеши. Дай мне руку, — попросила мисс Броди. — Роуз, у тебя голова забита машинами. Разумеется, в машинах нет ничего дурного, но существуют и более возвышенные предметы. Я уверена, Сэнди не думает о машинах, как воспитанная девочка она внимательно

[19] Примечания: 19

Шотландский политик-юнионист и писатель (1875–1940), 15-й генерал-губернатор Канады.

следит за тем, что я говорю.

А если люди раздеваются друг перед другом, думала тем временем Сэнди, то это так непристойно, что они должны на миг устыдиться своей страсти. А если они устыдятся хоть на миг, то *как* она сможет овладеть ими? Если все это происходит в порыве мгновения…

— Поэтому я намерена, — продолжала мисс Броди, — просто указать мисс Макей на то, что между нашими профессиональными принципами существует радикальное отличие. Слово «радикальный» восходит к слову «корень», на латыни — «radix». Мы, директриса и я, *в корне* расходимся по вопросу, призваны ли мы просвещать умы девочек или вторгаться в них. Мы и прежде спорили с ней об этом, но мисс Макей, возьму на себя смелость утверждать, не является выдающимся логиком. Логик — это человек, искусный в логике. Логика — это искусство рассуждать логически. Что такое логика, Роуз?

— Это что-то насчет рассуждений, мэм, — ответила Роуз, которой впоследствии, но еще в подростковом возрасте, предстояло вызвать удивление мисс Броди, потом благоговение и, наконец, горячее воодушевление, с коим она увидела в ней самую подходящую исполнитель-

ницу роли, которую, как казалось, начинала тогда разыгрывать Роуз: роли великой любовницы, чудесным образом вознесенной над массой заурядных любовников и законами нравственности, воплощения Венеры, чего-то совершенно исключительного. На самом же деле, вопреки тому, что думала мисс Броди, у Роуз тогда еще не было никакого романа, хотя так казалось, потому что Роуз славилась эротичностью. Но во время той зимней прогулки, в свои одиннадцать лет, Роуз замечала только автомобили, а мисс Броди еще не продвинулась в своем расцвете настолько, чтобы говорить с девочками о сексе иначе, чем завуалированными намеками, как, например, тогда, когда она назвала своего возлюбленного-воина «целомудренным человеком» или когда, процитировав строку из поэмы Джеймса Хогга «Прекрасная Килмени»[20] — «Как сама непорочность была непорочна Килмени» — добавила: «Это означает, что она не спускалась в горную долину на свидания с мужчинами».

— Когда я встречусь с мисс Макей в понедельник утром, — говорила мисс Броди, — я укажу ей на то, что по условиям моего контракта никто

---

[20] Примечания: 20
Героиня одной из песен поэмы «Пробуждение королевы».

не имеет права осуждать мои методы, пока не будет доказано, что они хоть в какой-то мере аморальны или неблагонадежны, а мои девочки не получают знаний, достаточных как минимум для того, чтобы сдать положенные экзамены. Я верю, что вы, девочки, подналяжете на учебу и как-нибудь выкрутитесь, даже если назавтра забудете все, что выучите сегодня. Что же касается аморальности, то им никогда не удастся вменить мне ее, если только не найдется предатель, который чудовищно извратит факты. Но я не думаю, что меня кто-нибудь когда-нибудь предаст. Мисс Макей моложе меня, и зарплата у нее выше. Но это случайность. Просто принято считать, что самая высокая квалификация, какую возможно было получить в университете в мое время, уступает той, какая стала доступна в годы учебы мисс Макей. Вот почему она занимает более высокое положение. Но у нее очень слабые способности к логическому мышлению, поэтому я нисколько не боюсь нашей понедельничной встречи.

— Лицо у мисс Макей жутко красное и все в прожилках, — вставила Роуз.

— Роуз, я не могу позволить подобных высказываний в моем присутствии, — одернула ее мисс Броди. — Это было бы непорядочно.

Миновав пожарное депо, они дошли до конца Лористон-плейс, где должны были сесть на трамвай, чтобы ехать на чай к мисс Броди, в ее квартиру на Черч-хилл. Там они увидели очень длинную очередь мужчин в потертых куртках без воротников. Разговаривая, они поминутно сплевывали на землю и курили короткие бычки, зажимая их между средним и большим пальцами.

— Перейдем на другую сторону, — сказала мисс Броди и повела выводок через дорогу.

Моника Дуглас зашептала:

— Это бездельники.

— В Англии их называют безработными. Они стоят в очереди за пособием, которое им выплачивает бюро по трудоустройству, — объяснила мисс Броди. — Вы все должны молиться за безработных, я напишу вам специальную молитву. Все знают, что такое пособие?

Юнис Гардинер никогда не слыхала этого слова.

— Это деньги, которые государство еженедельно выдает не имеющим работы, чтобы облегчить их участь и участь их семей. Иногда они получают пособие и тут же пропивают его, не донеся до дому, в то время как их дети умирают от голода.

Они — наши братья. Сэнди, сейчас же прекрати пялиться. В Италии проблема безработицы решена.

Сэнди сознательно не пялилась на бесконечную очередь братьев на другой стороне улицы, но та помимо воли притягивала ее взгляд. Она снова очень испугалась. Некоторые из этих мужчин, казалось, смотрели на девочек, но в действительности не замечали их, они продолжали переговариваться, постоянно сплевывая, кое-кто смеялся, заходясь сухим лающим кашлем и снова сплевывая. Девочки подошли к трамвайной остановке.

Пока они ждали трамвая, мисс Броди сказала:

— Когда я студенткой впервые приехала в Эдинбург, я жила на этой улице. Я обязательно должна рассказать вам историю о своей тогдашней хозяйке. Она была очень прижимиста и имела обыкновение приходить ко мне каждое утро и спрашивать, что я желаю на завтрак. Говорила она так: «Красну селедку будьте? Не-а, не будьте. А варено яйцо? Не-а, тоже не будьте». В результате, пока я жила у нее, я ела на завтрак только хлеб с маслом, да и того мне доставалось не много.

Девчачий смех смешался со смехом мужчин на противоположной стороне улицы, в этот момент

очередь начала медленно, рывками втягиваться в здание бюро. Как только Сэнди перестала смеяться, ее снова охватил страх. Глядя на то, как, дергаясь и пульсируя, движется эта змея, состоящая из отдельных живых людей, она представила ее себе единым целым, телом дракона, который не имел права находиться в городе, однако находился и не желал его покидать, он был совершенно неуязвим. Она вспомнила об умирающих с голоду детях, и страх немного отпустил ее. Ей захотелось плакать, как было всегда, когда она видела уличного музыканта или нищего. Ах, если бы Дженни была рядом, она так легко заливалась слезами при малейшем упоминании о бедных детях! Но змееподобное существо на другой стороне улицы начало дрожать от холода, и Сэнди снова обуял страх. Она повернулась к Мэри Макгрегор, которая терлась о ее рукав:

— Прекрати толкаться.

— Мэри, дорогая, не надо толкаться, — сказала мисс Броди.

— Я не толкалась, — ответила Мэри.

Когда они ехали в трамвае, Сэнди отпросилась домой под тем предлогом, что у нее якобы начинается простуда. Она и впрямь дрожала, ей хотелось немедленно очутиться в тепле своего

дома, вдали от которого даже связанный тесными корпоративными узами клан Броди казался холодноватым убежищем.

Однако позднее, когда Сэнди представила себе, как Юнис крутит сальто и делает шпагат на линолеуме в кухне мисс Броди, пока остальные девочки моют посуду, она пожалела, что не пошла на чай. Достав спрятанную между нотных страниц секретную тетрадь, она приписала еще одну главу к «Горному гнезду» — правдивой истории любви мисс Джин Броди.

3

Шли дни, ветер с Форта не утихал.

Не нужно думать, что мисс Броди была уникальна в своей поглощенности идеей относительно поры расцвета или что (поскольку такие вещи связаны между собой) у нее что-то сдвинулось в голове. Исключительным можно считать лишь то, что она преподавала в такой школе, как школа Марсии Блейн. В тридцатые годы женщин, подобных ей, был легион: обездоленных войной, перешагнувших порог тридцатилетия и компенсировавших свое «стародевство» вылазками в пространство новых идей и активной деятельностью в области искусства, благотворительности, образования или религии. Прогрессивные эдинбургские старые девы не работали в школах, особенно в школах традиционного образца, какой являлась женская школа Марсии Блейн. Именно поэтому мисс Броди была, как выражались тамошние школьные старые девы, несколько чужеродна среди них. Зато она вовсе не была чужеродна среди себе подобных — энергичных дочерей покойных или одряхлевших коммерсантов, священников, университетских профессоров,

врачей, бывших владельцев крупных торговых домов или рыбных промыслов, которые наделили дочерей острым умом, румяными щеками, лошадиной статью, логическим мышлением, бодростью духа и собственными средствами. Не было редкостью увидеть их часа в три дня нависающими над демократическими прилавками эдинбургских бакалеей и дискутирующими с хозяином по поводу самых разных предметов: от подлинности Писания до значения слова «гарантированный» на банках с джемом. Они посещали всевозможные лекции, испытывали на себе медово-ореховую диету, брали уроки немецкого, а потом совершали пешие путешествия по Германии; они покупали кемперы и отправлялись в них к горным озерам; они играли на гитаре и оказывали поддержку возникавшим повсюду маленьким театральным труппам; они селились на время в трущобах и, раздавая соседям банки с красками, учили их искусству элементарного декорирования интерьера; они пропагандировали идеи Мэри Стоупс[21]; ходили на собрания

[21] Примечания: 21

Шотландская писательница (1880–1958), палеоботаник, участница борьбы за права женщин и одна из первых энтузиастов движения за планирование семьи.

Оксфордской группы[22] и, ничего не принимая на веру, бдительно присматривались к спиритизму. Некоторые оказывали содействие движению шотландских националистов; другие, как мисс Броди, называли себя европейками, а Эдинбург — европейской столицей, городом Юма[23] и Босуэлла[24].

Эти женщины не участвовали в каких бы то ни было комитетах и не преподавали в школах. Старые девы, которые участвовали в комитетах, были менее предприимчивы и отнюдь не склонны к бунтарству, они исправно посещали церковь и усердно трудились. Школьные же учительницы вели еще более традиционный образ жизни: сами зарабатывали на хлеб, жили с престарелыми родителями, совершали прогулки в горах и проводили отпуска в Северном Бервике.

Женщины типа мисс Броди очень любили поговорить, они были феминистками и, как большинство феминисток, с противоположным

---

[22] Примечания: 22

Религиозная группа, основанная Ф. Бухманом; в 1938 году на основе этой и нескольких других групп было создано движение «Моральное перевооружение».

[23] Примечания: 23

Знаменитый философ и историк (1711–1776).

[24] Примечания: 24

Шотландский юрист и писатель (1740–1795).

полом разговаривали, как мужчина с мужчиной.

«Вот что я вам скажу, мистер Геддес, контроль за рождаемостью — единственное решение проблемы рабочего класса. Свободный доступ контрацептивов в каждый дом…»

Или в те же три часа пополудни перед прилавком преуспевающего бакалейщика: «Мистер Логан, хоть вы и старше меня, я — женщина в расцвете своей жизни, так что поверьте мне: воскресные концерты профессора Тоуви куда больше приобщают к религии, чем службы в вашей кирке».

В свете сказанного внешне ничего странного в мисс Броди не было. Внутренне — дело иное, и оставалось только гадать, до каких крайностей может довести ее собственное естество. Внешне она отличалась от учительского коллектива тем, что пребывала еще в неустойчивой позиции продолжающегося развития, между тем как они, что неудивительно, достигнув двадцатилетнего возраста, уже опасались менять убеждения, особенно в вопросах этики. Мисс Броди хвастливо заявляла, что нет на свете ничего такого, чего она не могла бы выучить и теперь. И мисс Броди, говорившая девочкам: «Я переживаю период расцвета, и вы пожинаете его плоды», действительно

не была фигурой застывшей, ее внутренний мир развивался у них на глазах одновременно с формированием самих девочек. Он длился, этот расцвет мисс Броди, и продолжал становление еще и тогда, когда девочки приближались к двадцатилетию. А принципы, сделавшиеся для него определяющими в конце, изумили бы ее самое, узнай она о них вначале.

Летние каникулы тридцать первого года знаменовали собой первую годовщину начала расцвета мисс Броди.

Предстоявший год должен был стать во многих отношениях годом сексуальных открытий для ее избранниц, которым исполнялось кому одиннадцать, кому двенадцать лет, то был год, насыщенный волнующими откровениями. Позднее интимные отношения стали для них лишь одной из составляющих жизни. Но в тот год они были для них всем.

Новый семестр начался по обыкновению бодро. Мисс Броди, бронзовая от загара, стоя перед классом, говорила:

— Я снова провела большую часть летних каникул в Италии и еще неделю в Лондоне и привезла массу картинок и фотографий, которые мы можем развесить на стенах. Вот, например, Чи-

мабуэ[25]. А вот крупное формирование фашистов Муссолини, здесь их видно лучше, чем на прошлогоднем снимке. Они делают поразительные вещи, о них я расскажу вам позднее. Мы с моими друзьями присутствовали на аудиенции у папы. Мои друзья целовали перстень на его пальце, я же сочла, что правильнее будет просто склониться к его руке. На мне было длинное черное платье с кружевной мантильей, я выглядела потрясающе. В Лондоне мои состоятельные друзья — у их маленькой дочери две воспитательницы, или няни, как говорят англичане, — водили меня к А. А. Милну. У него в холле висит репродукция «Примаверы», то есть «Весны», Ботичелли. На мне было шелковое платье с огромными красными маками, которое мне очень к лицу. Муссолини — один из величайших людей в мире, гораздо более великий, чем Рамсей Макдональд[26], а его фашисты…

— Доброе утро, мисс Броди. Доброе утро, садитесь, девочки, — проговорила директриса,

---

[25] Примечания: 25

Настоящее имя — Ченни ди Пено, итальянский живописец XIII века, представитель флорентийской школы позднего дученто.

[26] Примечания: 26

Английский государственный и политический деятель (1866–1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии, родился в Шотландии.

поспешно входя в класс и оставив дверь настежь открытой.

Мисс Броди, гордо подняв голову, прошла у нее за спиной и многозначительно закрыла дверь.

— Я заглянула к вам всего на минутку, мне нужно бежать, — продолжила мисс Макей. — Итак, девочки, сегодня первый день нового учебного семестра. Мы ведь не падаем духом, правда? Нет. Вы, девочки, должны усердно трудиться в этом году над всеми предметами и блестяще сдать переходные экзамены. На будущий год вы переходите в старшую школу, помните это. Надеюсь, все вы прекрасно провели летние каникулы — выглядите прелестно, загорели. В положенное время с нетерпением жду ваших сочинений о том, как вы их провели.

После ее ухода мисс Броди долго суровым взглядом смотрела на дверь. Девочка — не из ее клана — по имени Джудит хихикнула. Мисс Броди оборвала ее: «Прекрати», потом повернулась к доске и стерла тряпкой длинный пример на деление, который всегда писала на случай вторжения посторонних во время урока арифметики, на котором она, случалось, учила девочек вовсе не арифметике. Очистив доску, она повернулась лицом к классу:

— Мы не падаем духом, нет, мы не падаем духом, нет. Как я уже говорила, Муссолини демонстрирует блестящие достижения, безработица при нем уменьшилась, даже по сравнению с прошлым годом. В этом семестре я смогу рассказать вам очень много всего. Как вы знаете, я не считаю, что, разговаривая с детьми, нужно снисходить до них, я уверена: вы способны понять гораздо больше, чем обычно думают взрослые. Воспитание, educatio, означает выведение наружу: от «е», то есть «из», и «duco», «я веду». Переходные экзамены — не переходные экзамены, но рассказ об опыте, полученном мной в Италии, будет вам полезен. В Риме я видела Форум и Колизей, где умирали гладиаторы и где рабов бросали на съедение львам. Один пошляк-американец сказал мне: «Это похоже на превосходную гигантскую каменоломню». Они произносят гласные назально. Мэри, что значит произносить назально?

Мэри не знала.

— Тупа, как всегда, — констатировала мисс Броди. — Юнис?

— Произносить в нос, — ответила Юнис.

— Отвечай полным предложением, пожалуйста, — попросила мисс Броди. — В этом году вы должны научиться отвечать полными предло-

жениями, постараюсь, чтобы вы усвоили это правило. Ответить надо было так: «Говорить назально означает говорить в нос». Так вот, этот американец сказал: «Это похоже на превосходную гигантскую каменоломню». И это о том самом месте, где сражались гладиаторы! Они восклицали: «Хайль, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Мисс Броди в коричневом платье вскинула руку в приветствии, как гладиатор, ее глаза сверкали, словно лезвие клинка.

— Хайль, Цезарь! — еще раз воскликнула она и, лучезарно сияя, повернулась к окну, будто Цезарь сидел именно там. — Кто открыл окно? — строго спросила она, резко опустив руку.

Никто не ответил.

— Кто бы его ни открыл, он открыл его слишком широко, — попеняла мисс Броди. — Шести дюймов вполне достаточно. Больше — уже пошлость. Такие вещи нужно чувствовать нутром. Согласно расписанию сейчас у нас должен быть урок истории. Достаньте учебники истории и держите их перед глазами. А я тем временем расскажу вам еще кое-что об Италии. Как-то раз у фонтана я познакомилась с молодым поэтом. Вот картина, на которой изображена встреча Данте

с Беатрис — по-итальянски произносится Беатриче, звучит очень красиво, — на Понте Веккьо. Он влюбился в нее с первого взгляда. Мэри, сядь прямо, не сутулься. То был возвышенный момент возвышенной любви. Кто написал эту картину?

Никто не знал.

— Ее написал Россетти. Дженни, кто такой Россетти?

— Художник, — ответила Дженни.

Мисс Броди посмотрела на нее выжидательно.

— И гений, — поспешила на помощь подруге Сэнди.

— Он был другом… — подсказала мисс Броди.

— Суинберна, — подхватила девочка.

Мисс Броди улыбнулась.

— Вы не забыли. — Она окинула класс довольным взглядом. — Несмотря на каникулы. Поднимите повыше учебники на случай, если к нам еще кто-нибудь нагрянет. — Она неодобрительно посмотрела на дверь и с достоинством вскинула темноволосую голову со знаменитым римским профилем. Мисс Броди часто говорила девочкам, что покойный Хью восхищался ее романской внешностью. — На будущий год, — продолжила она, — у вас будет отдельный учитель по истории, отдельный по математике, отдельные по

языкам; учитель для того, учитель для этого, сорок пять минут на то, сорок пять на другое. Но за этот последний год, что вы проводите со мной, вы сполна вкусите плодов моего расцвета. И они останутся с вами до конца ваших дней. Однако прежде, пока я не забыла, проведем перекличку. У нас две новенькие. Новые девочки, встаньте.

Те, с вытаращенными от удивления глазами, встали. Мисс Броди, напротив, села за стол.

— Вы привыкнете к нашим порядкам. Какой церкви вы принадлежите? — Мисс Броди занесла перо над страницей классного журнала; а за окном, над школой, по небу носились чайки, прилетевшие с Форт-оф-Файфа, зеленые и золотистые верхушки деревьев качали ветками, заглядывая в окна.

— «Пророчат осени приход и выстрел в отдаленье, и птицы взлет среди болот, и вереска цветенье…»[27] — Роберт Бернс. — Мисс Броди закрыла журнал. — Вот мы и вступаем в тридцатые годы. У меня в столе — четыре фунта румяных яблок, подарок мистера Лаутера из его сада, давайте съедим их, пока на горизонте никого нет — не потому, что я не могу распоряжаться этими

---

[27] Примечания: 27
Перевод С. Я. Маршака.

яблоками по своему усмотрению, а потому, что осмотрительность это… осмотрительность это… Сэнди?

— Залог доблести, мисс Броди. — Маленькие глазки Сэнди посмотрели на мисс Броди с легким прищуром.

Еще до вступления мисс Броди в пору расцвета ее коллеги по младшей школе были настроены против нее. Учительский коллектив старшей школы относился к ней безразлично или с легкой иронией, поскольку еще не почувствовал влияния клана Броди; им предстояло его ощутить лишь годом позже, но даже и тогда эффект того, что они называли экспериментальными методами мисс Броди, не вызывал у них чрезмерного раздражения. Кипятились от возмущения учителя младших классов, в основном женщины, ниже оплачивавшиеся и менее квалифицированные, с кем ей приходилось ежедневно иметь дело. Но и среди педагогов младшей школы два преподавателя составляли исключение: они не только не выказывали неприязни или даже равнодушия по отношению к мисс Броди, но, напротив, поддерживали ее во всех отношениях. Одним из них был учитель пения мистер Гордон Лаутер, преподававший как в младших, так и в старших

классах. Другим — мистер Тедди Ллойд, учитель рисования преимущественно в старших классах. Единственные учителя-мужчины во всей школе, оба тому времени были уже немного влюблены в мисс Броди, поскольку лишь в ней одной из их повседневного окружения находили женскую привлекательность, и хотя сами этого еще не осознавали, уже начинали соперничать за ее благосклонное внимание. Однако ее интереса они как мужчины еще не пробудили, для нее они оставались лишь преданными сторонниками, чем она гордилась и за что была им глубоко признательна. Первыми, раньше мисс Броди и, разумеется, раньше самих этих мужчин, то, что мистер Лаутер и мистер Ллойд, каждый по-своему претендуя на исключительность, землю готовы рыть, чтобы представить себя перед ней в выгодном свете, заметили девочки ее клана.

Клану Броди Гордон Лаутер и Тедди Ллойд казались на одно лицо до тех пор, пока при более близком знакомстве не выяснилось, что они очень разные. Оба были золотисто-рыжими. Тедди Ллойд, учитель рисования, был гораздо лучше сложен, имел более приятные черты лица и являл собой более утонченную личность. По слухам, он был наполовину валлиец, наполовину

англичанин. Говорил он хриплым голосом, будто страдал хроническим бронхитом. Золотистый локон постоянно ниспадал ему на лоб, прикрывая глаза. Самое же примечательное заключалось в том, что у него была только одна рука, правая, которой он рисовал. С другой стороны был пустой рукав, заправленный в карман. Содержимое рукава он потерял во время мировой войны.

Классу мисс Броди лишь раз выпала возможность получше рассмотреть его, да и то в тусклом свете, поскольку шторы в классе рисования были задернуты: мистер Ллойд показывал диапозитивы. В класс рисования девочек привела мисс Броди; она собиралась присутствовать на уроке, сидя на скамье вместе с ними, с краю, но учитель рисования своей единственной рукой вынес стул и, слегка согнув колени, словно лакей, предложил ей сесть на него. Мисс Броди величественно — истинное воплощение Британии — воссела, расставив ноги под широкой коричневой юбкой, которая низко прикрывала колени. Мистер Ллойд демонстрировал картины, снятые им самим на выставке итальянского искусства в Лондоне. Водя указкой, он объяснял хриплым голосом композицию полотен. О сюжетах он не говорил ни слова, лишь повторял каждый изгиб, каждую

линию, прерванную художником где-нибудь у кончика локтя и снова подхваченную, например, у кромки облака или на спинке кресла. Женские фигуры с картины «Весна», запечатленные в позах игроков в нетбол[28], заставили мистера Ллойда поработать указкой. Он неоднократно обвел ею их пышные округлости, просвечивающие сквозь одежды. Когда он сделал это в третий раз, по переднему ряду прокатилась волна веселья, перекинувшаяся и на задние. Чтобы не рассмеяться, девочки плотно сжимали губы, но чем плотней они их сжимали, тем громче смешки вырывались через носы. Мистер Ллойд посмотрел на них раздраженно-укоризненным взглядом.

— Совершенно очевидно, — заметила мисс Броди, — что эти девочки происходят отнюдь не из культурных семей, имеющих глубокие традиции. Нас захлестывает мещанство, мистер Ллойд.

Это шокирующее замечание тут же отрезвило девочек, желавших быть потомками высококультурных и бесполых предков. Но стоило мистеру Ллойду возобновить демонстрацию художественных форм и снова направить указку на задрапированные интимные части тела одной

[28] Примечания: 28
Разновидность баскетбола для девочек.

из боттичеллиевых женских фигур, как у Сэнди и еще нескольких девочек, сидевших позади нее, случился приступ безудержного кашля. Другие полезли под лавки, делая вид, будто что-то уронили. А еще две девочки, не таясь, привалились друг к другу и, зажимая рты ладошками, откровенно-беспомощно хохотали.

— Ну уж *ты* меня определенно удивляешь, Сэнди, — сказала мисс Броди. — Я-то считала, что ты сделана из другого теста.

Сэнди, продолжая кашлять, подняла голову и, притворно моргая, невинно посмотрела на мисс Броди. Но та уже сосредоточила взгляд на Мэри Макгрегор, сидевшей к ней ближе всех. Мэри смеялась просто за компанию, ей не хватило бы собственного ума понять, в чем дело, и урок мистера Ллойда никогда не произвел бы на нее никакого впечатления, если бы сначала он не произвел впечатление на класс. Но теперь она хихикала открыто, как испорченная девочка из некультурной семьи. Мисс Броди схватила ее за руку, рывком подняла на ноги, потащила к выходу, вышвырнула в коридор и, захлопнув дверь, вернулась на место с видом человека, благополучно решившего проблему. Так оно и было, ибо ее суровые действия привели девочек

в чувство, дав понять, что официально зачинщик безобразия выявлен, а следовательно, с них вина в дальнейшем снимается.

Поскольку теперь мистер Ллойд, перезарядив проектор, перешел к описанию Мадонны с младенцем, они были вдвойне благодарны мисс Броди за ее акцию, так как чувствовали бы себя особенно неловко, если бы смех напал на них тогда, когда указка мистера Ллойда скользила бы по контурам столь священного сюжета. На самом деле их немало потрясло то, что интонация хриплого голоса мистера Ллойда ничуть не изменилась по этому случаю, он продолжал бесстрастно констатировать действия художника; было даже нечто вызывающее в том, как методично он очерчивал линии на фигурах Богоматери и Сына. Сэнди перехватила взгляд, брошенный им на мисс Броди — словно он искал ее одобрения своему сугубо профессиональному подходу к искусству, — и ее ответную улыбку: ни дать ни взять богиня, наделенная высшим пониманием, улыбалась богу с горних высот.

Как раз вскоре после этого Моника Дуглас, впоследствии знаменитая математическими способностями и вспыльчивостью, заявила, что видела, как мистер Ллойд целовал мисс Броди.

Она сообщила это пяти другим девочкам клана твердо, не оставив места сомнениям, чем привела всех в большое волнение: в это трудно было поверить.

— Когда?

— Где?

— Вчера, в кабинете рисования, после уроков.

— А ты что делала в кабинете рисования? — спросила Сэнди, принявшая на себя роль дознавателя.

— Ходила туда за новым альбомом.

— Зачем? У тебя же старый еще не закончился.

— Закончился, — возразила Моника.

— Это когда ж ты успела весь его изрисовать?

— В прошлую субботу, когда вы играли в гольф с мисс Броди.

В минувшую субботу Дженни и Сэнди и впрямь играли с мисс Броди партию из девяти лунок на Брейд-Хиллз, пока другие девочки клана бродили поблизости от поля в поисках натуры.

— Моника действительно изрисовала альбом. Она сделала наброски Ти-Вудз в пяти ракурсах, — подтвердила Роуз Стэнли.

— В какой части класса они стояли? — спросила Сэнди.

— У дальней стены, — сказала Моника. — Я

успела заметить, как он обвивал ее рукой и целовал. Когда я открыла дверь, они отскочили друг от друга.

— Какой рукой? — вырвалось у Сэнди.

— Правой, конечно, левой у него нет.

— Ты была в комнате, когда увидела их? — продолжала допрос Сэнди.

— Ну, я заглянула и тут же выскочила. Но говорю же тебе, я их *видела.*

— И что они сказали? — спросила Дженни.

— Они меня не заметили. Я сразу повернулась и убежала.

— Это был долгий и томительный поцелуй? — требовательно поинтересовалась Сэнди, а Дженни подошла поближе, чтобы услышать ответ.

Моника скосилась на потолок, как будто что-то подсчитывала в уме, и, закончив подсчеты, сказала:

— Да.

— Откуда ты можешь это знать, если сразу же убежала?

— Знаю. — Моника начинала сердиться. — Мне достаточно было увидеть и то немногое, что я увидела. Это был маленький кусочек очень большого поцелуя, я сразу поняла это по тому, как он ее обнимал, и…

— А я не верю, — пискляво-задиристо сказала Сэнди: она была крайне взволнованна и старалась убедиться в достоверности сообщения Моники, устранив любые сомнения. — Тебе это наверняка примерещилось.

Моника больно, с вывертом, ущипнула Сэнди за руку. Сэнди завизжала. Моника, постепенно багровея лицом, замахнулась атташе-кейсом, в котором носила учебники, на девочек, стоявших рядом, и те прыснули от нее в разные стороны.

— Она начинает злиться, — прыгая на одной ножке, заметила Юнис Гардинер.

— А я все равно не верю в ее россказни, — заявила Сэнди, отчаянно пытаясь одновременно представить себе сцену в кабинете рисования и склонить лаконичную Монику к более прочувствованному повествованию.

— А я верю, — сказала Роуз. — Ведь мистер Ллойд художник, а мисс Броди — артистическая натура.

— Неужели они не слышали, что дверь открылась? — с сомнением произнесла Дженни.

— Слышали, — ответила Моника, — потому и отскочили друг от друга, когда я ее открыла.

— А откуда ты знаешь, что они тебя не видели? — настаивала Сэнди.

— Я убежала раньше, чем они обернулись. Они стояли в дальнем конце комнаты возле драпировки для натюрмортов.

Она подошла к классной двери и продемонстрировала стремительное бегство. Это наглядное представление не удовлетворило Сэнди, она сама вышла из класса, открыла дверь из коридора, заглянула в класс, вытаращила глаза якобы от удивления, безмолвно ахнула и в мгновение ока исчезла. Собственный эксперимент, похоже, убедил ее больше, но он привел в такой восторг подруг, что ей пришлось повторить его. Мисс Броди подошла сзади, когда она, донельзя расцветив деталями, исполняла этюд в четвертый раз.

— Сэнди, что ты делаешь? — спросила мисс Броди.

— Просто играю, — ответила Сэнди, запечатлевая новый образ мисс Броди маленькими глазками.

Вопрос о том, могла ли действительно мисс Броди позволить кому-то поцеловать себя и поцеловать кого-то сама, занимал девочек до самого Рождества, поскольку ее военный роман породил в их воображении почти бесплотный образ более молодой мисс Броди, принадлежавший к доисторической эпохе, еще до их рождения. Тогда,

когда, сидя под вязом, девочки слушали рассказы мисс Броди из серии «когда я была молоденькой девушкой», они представляли себе все гораздо менее реальным, но, как ни странно, более правдоподобным, чем нынешний репортаж Моники Дуглас. Клан Броди решил сохранить происшествие в тайне, понимая, что, стань оно известно другим девочкам в классе, слух пойдет дальше и в конце концов достигнет ушей кого-нибудь, кто может доставить Монике неприятности.

А с мисс Броди действительно произошла перемена. Дело было не только в том, что Сэнди и Дженни, мысленно представляя ее себе, начали воображать, как кто-то называет ее «Джин». Перемена случилась в ней самой. Теперь она носила более модные платья и к ним светящееся изнутри янтарное ожерелье, сделанное из такого настоящего янтаря, что, как она однажды продемонстрировала им, потерев камешек о ткань и потом поднеся к листку бумаги, он являл магнетические свойства.

Перемена в облике мисс Броди была особенно заметна в сравнении с другими учительницами младшей школы. Достаточно было посмотреть на них, а потом на мисс Броди, чтобы без труда представить себе, как она открывается для поцелуя.

Дженни и Сэнди гадали, не зашли ли мистер Ллойд и мисс Броди дальше поцелуя в тот день в кабинете рисования, не захлестнула ли их тогда страсть. Они внимательно следили за животом мисс Броди: не стал ли он расти? Иногда, когда бывало скучно, им казалось, что он вырос. Но когда уроки мисс Броди проходили весело, они сходились во мнении, что ее живот такой же плоский, как обычно, а Моника Дуглас все наврала.

В те дни другие учительницы младших классов при встрече с мисс Броди произносили обычное «доброе утро, мое почтение» в более чем эдинбургской манере, то есть весьма любезно, и ни одна из них не уклонялась от приветствия, но Сэнди, которой уже исполнилось одиннадцать, заметила, что слово «почтение» некоторые коллеги мисс Броди намеренно произносили очень похоже на слово «презрение», так что с равным успехом они могли бы говорить: «Доброе утро, мое презрение». В ответ мисс Броди более обычного, подчеркнуто, англизировала свой акцент и, протяжно выговаривая «До-о-оброе у-у-утро», на ходу поворачивала голову в их сторону не более чем на оскорбительные полдюйма, отчего все их презрение оказывалось распластанным под колесами колесницы ее превосходства. Она шла,

горделиво вскидывая голову все выше, выше, и зачастую, добравшись до своего класса и войдя в него, позволяла себе с облегчением прислониться спиной к двери и дать себе минутную передышку. Она редко пользовалась случаем отдохнуть в учительской, пока у ее класса были уроки пения или рукоделия, предпочитая сопровождать своих девочек и на эти уроки.

Тем более что две преподавательницы рукоделия держались несколько особняком от всего педагогического коллектива, который не воспринимал их всерьез. Они были младшими сестрами третьей, ныне покойной старшей сестры, чья руководящая роль в их жизни была столь велика, что утрата оказалась для них невосполнимой. Их звали мисс Эллен и мисс Элисон Керр; эти не в меру суетливые дамы со взбитыми волосами, сухой синюшной кожей и птичьими глазками были органически не способны донести до учениц какую бы то ни было информацию, поэтому вместо того, чтобы учить их шить, они по очереди брали девчачьи работы в руки и почти все доделывали сами. В наиболее безнадежных случаях они распарывали то, что наворотила девочка, и, приговаривая: «Ну нет, это никуда не годится» или «Ну какой же это запошивной

шов», перешивали заново. Сестры-рукодельницы не позволяли себе критиковать мисс Броди, поскольку для них было непреложной данностью, что их высокоученые коллеги — вне критики. Вот почему уроки рукоделия были для всех настоящим отдыхом: мисс Броди до самого Рождества каждую неделю использовала их, чтобы читать классу «Джен Эйр», а девочки, слушая, насколько могли вытерпеть боль, прокалывали себе иголками пальцы, чтобы увидеть, как на ткани остается интересное маленькое пятнышко крови, некоторые даже умудрялись составлять узоры из таких пятнышек.

Уроки пения проходили совсем по-иному. Через несколько недель после сообщения Моники о поцелуе в кабинете рисования постепенно начало становиться очевидным, что мисс Броди очень волнуется до, во время и после уроков пения. В дни певческих уроков она надевала самые новые наряды.

Сэнди даже спросила у Моники:

— Ты уверена, что мисс Броди целовал именно мистер Ллойд? Это не мог быть мистер Лаутер?

— Это был мистер Ллойд, — твердо ответила Моника, — и происходило это в кабинете рисования, а не музыки. Что бы делал мистер Лаутер в

кабинете рисования?

— Они ведь похожи, мистер Ллойд и мистер Лаутер, — не сдавалась Сэнди.

Моника начала заводиться, что было видно по ее лицу:

— Это был мистер Ллойд, это ведь у него одна рука. Я их видела. Уже жалею, что рассказала вам. Только Роуз мне верит.

Роуз Стэнли действительно верила ей, но потому лишь, что ей было безразлично. Ее из всех девочек клана мисс Броди роман учительницы и вообще чьи бы то ни было любовные похождения интересовали меньше всего. Такой она осталась навсегда. Позднее, когда она прославилась эротичностью, ее исключительная привлекательность обусловливалась тем, что она не проявляла никакого любопытства к интимным отношениям и никогда о них не думала. Как выразилась мисс Броди, у нее просто был инстинкт.

— Роуз единственная, кто мне верит, — сказала Моника Дуглас.

Когда в пятидесятые годы Моника навещала Сэнди в монастыре, она ей сказала:

— Я действительно однажды видела, как Тедди Ллойд целовал мисс Броди в кабинете рисования.

— Я знаю, — ответила ей Сэнди.

Она знала это даже до того, как мисс Броди сама призналась ей в этом как-то после войны, когда они сидели в ресторане отеля «Брейд-Хиллз», ели сандвичи и пили чай, поскольку домашний рацион мисс Броди не позволял ей принимать гостей. Мисс Броди, пережившая предательство, сидела в своей давно уже не новой ондатровой шубке какая-то скукоженная. Ее уволили раньше срока.

— Пора моего расцвета миновала, — сказала она.

— Это был блистательный расцвет, — откликнулась Сэнди.

Сквозь широкие окна они смотрели на ленточку Брейдберна, струящуюся по полям, и холмы за нею, испокон веков такие аскетичные, что даже во время войны им нечего было утрачивать.

— Тедди Ллойд был безумно влюблен в меня, как ты знаешь, — сказала мисс Броди, — а я — в него. Это была великая любовь. Однажды, в кабинете рисования, он поцеловал меня. Мы так и не стали любовниками, даже после того, как ты уехала из Эдинбурга, когда искушение стало особенно велико.

Маленькие глазки Сэнди неотрывно смотрели на холмы.

— Но я отвергла его, — продолжала мисс Броди. — Ведь он был женатым мужчиной. Я отвергла великую любовь поры моего расцвета. Нас с ним роднило все, ведь мы оба были артистическими натурами.

Она рассчитывала, что ее расцвет продлится лет до шестидесяти. Но этот послевоенный год, пятьдесят шестой год ее жизни, оказался для нее последним. Она выглядела старше своих лет, и в ней росла опухоль. Это был последний год в этом мире и для нее, и — в другом смысле — для Сэнди.

Побежденная, мисс Броди сказала:

— Поздней осенью тысяча девятьсот тридцать первого года… Ты меня слушаешь, Сэнди?

Сэнди оторвала взгляд от холмов.

Поздней осенью тысяча девятьсот тридцать первого года мисс Броди отсутствовала в школе две недели. Считалось, что она хворает. Клан мисс Броди явился к ней после уроков с букетом цветов, но дома никого не оказалось. Порасспросив на следующий день кое-кого в школе, они выяснили, что она уехала поправляться в деревню к каким-то друзьям.

На время ее отсутствия класс поделили на группы и распределили между ее коллегами.

Клан Броди разлучать не стали, их всех сунули в класс длинной и тощей, как скелет, учительницы с соответствующей фамилией мисс Скелетон; она была родом с Гебридских островов и носила юбку до колен, сшитую из чего-то, напоминавшего серое одеяло; даже когда юбки такой длины были в моде, ее юбка элегантной не казалась; Роуз Стэнли утверждала, что ее скроили такой короткой из экономии материала. Голова у мисс Скелетон была очень крупной и костистой; грудь почти плоской — и без того маленькие бугорки, расплющенные тугим бюстгальтером; а унылый темно-зеленый цвет ее вязаного жакета навевал тоску. Она не обращала ни малейшего внимания на клан Броди, ошеломленный неожиданным погружением в обстановку усердных занятий и выбитый из колеи чудовищной строгостью мисс Скелетон, требовавшей мертвой тишины в классе в течение всего дня.

— О господи, — однажды вслух произнесла Роуз, когда им задали писать сочинение. — Я забыла, как пишется слово «собственность» — с двумя «н» или…

Наказание последовало мгновенно:

— Выучишь наизусть сто строк из «Мармио-

на»[29].

«Черная книга», куда заносились замечания, сказывавшиеся на характеристиках, которые составлялись в конце семестра, уже к концу первой недели пестрела фамилиями девочек клана Броди. Мисс Скелетон не давала себе труда запоминать их и каждый раз спрашивала заново только для того, чтобы записать замечание, во всех остальных случаях она обращалась к ним просто: «Ты, девочка». От всего этого девочки Броди пребывали в таком полуобморочном состоянии, что не заметили отсутствия на той неделе урока пения, который по расписанию полагался в среду.

В четверг сразу после обеда их препроводили в кабинет рукоделия. Учительницы рукоделия мисс Элисон и мисс Эллен Керр, казалось, побаивались скелетоподобной мисс Скелетон, а потому при ее появлении быстро склонились к швейным машинкам и не отрывались от них, якобы обучая девочек пользоваться ими. Челноки швейных машинок сновали вверх-вниз, что обычно вызывало у Дженни и Сэнди нескромное хихиканье, поскольку в те времена все, что

---

[29] Примечания: 29
Поэма или роман в стихах Вальтера Скотта.

таило для них хоть какой-то намек, поддававшийся сексуальной интерпретации, именно так и интерпретировалось ими. Но отсутствие мисс Броди и присутствие мисс Скелетон производило парализующий эффект на сексуальные аллюзии, которые они прежде находили во всем, теперь же девочки не смели поднять голову, а нервозность сестер-рукодельниц еще добавляла ощущения сурового реализма происходящего.

Мисс Скелетон, видимо, посещала ту же приходскую церковь, что и сестры Керр, к которым она время от времени, продолжая вышивать салфетку, обращалась.

— Мой братец… — то и дело говорила она, — мой братец считает, что…

Брат мисс Скелетон, судя по всему, был священником этого прихода, чем и объяснялась сверхосторожность в поведении мисс Элисон и мисс Эллен в тот день, в результате которой большая часть работы была загублена.

— Мой братец встает в полшестого утра… Мой братец организовал…

Сэнди с тоской подумала об очередном отрывке из «Джен Эйр», чтением которого мисс Броди оживила бы этот урок. Сама Сэнди, покончив с Аланом Бреком, перешла теперь к мистеру Роче-

стеру[30], с которым и сидела в данный момент в саду.

«Вы боитесь меня, мисс Сэнди».

«Вы говорите, как Сфинкс, сэр, но я вас не боюсь».

«Вы так печальны и смиренны, мисс Сэнди… Вы уже уходите?»

«Уже пробило девять, сэр».

Сцену в саду нарушила реплика мисс Скелетон:

— Мистер Лаутер на этой неделе в школе не появлялся.

— Да, я слышала, — отозвалась мисс Элисон.

— Кажется, он будет отсутствовать еще по крайней мере неделю.

— Он болен?

— К сожалению. Насколько я знаю, — сказала мисс Скелетон.

— Мисс Броди тоже хворает, — подхватила мисс Эллен.

— Да, — подтвердила мисс Скелетон. — И она тоже, кажется, будет отсутствовать еще неделю.

— А что с ней?

— Этого я сказать не могу, — ответила мисс

---

[30] Примечания: 30
Персонаж романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Скелетон, продолжая работать иглой. Потом, подняв голову, посмотрела на сестер. — Возможно, у мисс Броди такое же заболевание, как у мистера Лаутера, — добавила она.

Сэнди представила себе, что ее лицо — это лицо экономки из «Джен Эйр», пристально и многозначительно глядящее на нее, поздно возвращающуюся из сада, где она сидела с мистером Рочестером.

— Может быть, у мисс Броди роман с мистером Лаутером? — высказалась Сэнди подруге просто для того, чтобы рассеять лишенную всяких признаков эротики тоску, царившую вокруг.

— Но целовал-то ее мистер Ллойд, — возразила Дженни. — Она должна любить мистера Ллойда, иначе не позволила бы ему себя поцеловать.

— Может быть, она срывает свою злость на мистере Лаутере? Он ведь не женат, на нем можно.

В сущности, девочки просто сознательно фантазировали из духа противоречия по отношению к мисс Скелетон и ее противному братцу. Однако, припомнив выражение лица мисс Скелетон, когда она говорила: «Возможно, у мистера Лаутера то же заболевание, что и у мисс Броди», Сэнди вдруг подумала, что, вероятно, их фантазия не так уж и беспочвенна. По этой причине она, в

отличие от Дженни, не стала вдаваться в подробности воображаемого романа.

А Дженни зашептала:

— Они ложатся в постель. Потом он выключает свет. Потом они соприкасаются кончиками пальцев ног. А потом мисс Броди… Мисс Броди… — Ее стал разбирать смех.

— Мисс Броди зевает, — закончила за нее Сэнди, пожелав вернуть все в рамки приличий теперь, когда она подозревала, что все это правда.

— Нет, мисс Броди говорит: «Дорогой». Она говорит…

— Тише, — зашипела Сэнди. — Юнис идет.

Юнис Гардинер подошла к столу, за которым сидели Сэнди и Дженни, схватила ножницы и удалилась. В последнее время Юнис ударилась в религию, так что при ней нельзя было вести такие разговоры. Она даже перестала прыгать и скакать. Продолжалось это недолго, но пока продолжалось, она была несносна, и ей никак нельзя было доверять. Когда она отошла достаточно далеко, Дженни сказала:

— У мистера Лаутера ноги короче, чем у мисс Броди, так что, думаю, она обхватывает его ноги своими и…

— Где живет мистер Лаутер, не знаешь? — спро-

сила Сэнди.

— В Крэмонде. У него там большой дом с экономкой.

Тогда, спустя год после войны, когда Сэнди, сидевшая с мисс Броди у окна в отеле «Брейд-Хиллз», оторвала взгляд от холмов, чтобы показать, что она слушает собеседницу, мисс Броди сказала:

— Я отвергла Тедди Ллойда. Но решила завести роман — только в этом было исцеление. Я была одержима Тедди Ллойдом, он стал любовью моих лучших лет. Но осенью тридцать первого года у меня начался роман с Гордоном Лаутером: тот был холостяком, так что это больше отвечало приличиям. Вот тебе правда, и добавить тут нечего. Сэнди, ты меня слушаешь?

— Да, конечно.

— У тебя такой вид, будто ты думаешь о чем-то другом, дорогая. Итак, вот тебе и вся история.

Сэнди действительно думала совсем о другом. Она думала о том, что это не вся история.

— Разумеется, о нашей связи догадывались. Возможно, и вы, девочки, знали о ней. Ужу тебя-то, Сэнди, наверняка была смутная идея… Но доказать, что между Гордоном Лаутером и мной что-то было, не мог никто. Это так и осталось недоказанным. И предательство связано вовсе не

с этим. Хотелось бы мне знать, кто меня предал. Не могу поверить, что это была одна из моих собственных девочек. Я часто думаю, не бедная ли это Мэри. Вероятно, мне надо было быть к ней добрее. Какая трагедия! Так и вижу этот пожар и несчастную девочку, мечущуюся в огне. Тем не менее не понимаю, как бы Мэри могла меня предать.

— Она оборвала все связи со школой после того, как уехала, — сказала Сэнди.

— А может быть, это Роуз меня предала?

Было что-то жалко-тоскливое в ее голосе, когда она повторяла: «…предала меня, предала меня», и это утомляло и раздражало. Семь лет прошло, думала Сэнди, с тех пор, как я предала эту надоедливую женщину. Что она вообще подразумевает под словом «предать»? Сэнди напряженно всматривалась в дальние холмы, будто хотела разглядеть там ту, былую, несокрушимую, как утес, неуязвимую ни для какой критики, неподвластную никакому предательству мисс Броди.

Вернувшись после двухнедельного отсутствия, мисс Броди сообщила классу, что провела восхитительный отпуск, который вполне заслужила. Уроки пения в классе мистера Лаутера тоже возобновились, и он сиял, глядя на мисс Броди, когда

она, горделиво шествуя впереди, приводила своих учениц, тоже высоко державших головы, в музыкальный кабинет. Теперь мисс Броди, которая очень хорошо смотрелась за роялем, аккомпанировала им, а иногда с несколько грустным выражением лица подхватывала глубоким вторым сопрано «Как сладостен пастыря сладкий удел» и другие музыкальные номера, какие они готовили для итогового годового концерта. Мистер Лаутер, коротконогий, застенчивый, златовласый, больше не играл локонами Дженни. Голые ветви скреблись в окна, и Сэнди была почти безоговорочно уверена, что учитель пения влюблен в мисс Броди, а мисс Броди влюблена в учителя рисования. Роуз Стэнли еще не проявила того потенциала, который мисс Броди захочет использовать, чтобы избыть свою страсть к однорукому Тедди Ллойду, и ее собственный расцвет все еще был в зените.

Невозможно было представить себе мисс Броди в постели с мистером Лаутером, ее вообще невозможно было представить в каком бы то ни было сексуальном контексте, но в то же время невозможно было и не подозревать, что нечто подобное происходит.

Во время пасхального семестра мисс Макей,

директриса, приглашала девочек небольшими группами, а потом и по одной, на чай к себе в кабинет. Это была рутинная процедура, преследовавшая цель выяснить намерения девочек относительно высшей ступени: собираются ли они продолжить учебу по современной программе или хотят поступить на классическое отделение.

Мисс Броди уже напутствовала их следующим образом: «Не хочу сказать ничего дурного о современной программе. Современная ли, классическая ли — они равноценны, и каждая готовит к определенной жизненной функции. Вы должны сделать выбор самостоятельно. Классическое образование под силу не каждому. Вы должны сделать выбор совершенно свободно». Таким образом, у девочек не оставалось никаких сомнений в презрительном отношении мисс Броди к современной программе.

Из всего ее клана современное отделение выбрала только Юнис Гардинер, и то только потому, что ее родители хотели, чтобы она прошла курс домоводства, а сама она — чтобы было больше возможностей заниматься гимнастикой и спортивными играми, что обеспечивала именно современная программа. Усердно готовясь к

конфирмации, Юнис по-прежнему была, с точки зрения мисс Броди, чуточку слишком набожной. Теперь она не соглашалась делать сальто за пределами гимнастического зала, душила носовые платки лавандовой водой, наотрез отказалась попробовать накрасить губы помадой тетушки Роуз Стэнли, проявляла подозрительно здоровый интерес к международному спорту, и, когда, воспользовавшись первой и последней возможностью увидеть выступление Павловой, мисс Броди повела свой выводок в «Эмпайр тиатер», Юнис отпросилась под предлогом того, что в это же время должна присутствовать на «другом».

— На чем «другом»? — поинтересовалась мисс Броди. Она всегда с подозрением относилась к словам, в которых чуяла ересь.

— Ну, это в церкви, мисс Броди.

— Да-да, но что это за «другое»? «Другое» — прилагательное, а ты употребляешь это слово как существительное. Если ты имеешь в виду какое-то общее мероприятие, то, конечно, иди на это общее мероприятие, а мы проведем свое «общее мероприятие» с участием великой Анны Павловой, женщины, одержимой собственным призванием, при первом появлении которой на сцене все остальные танцовщики начинают

казаться слонами. Ноты, конечно, можешь идти на свое мероприятие. А мы увидим, как Анна Павлова танцует «Умирающего лебедя» — это явление, принадлежащее вечности.

Весь тот семестр она пыталась склонить Юнис к тому, чтобы та стала хотя бы миссионером-первопроходцем в каком-нибудь богом забытом и опасном уголке земли, так как для мисс Броди было невыносимо думать, что кто-то из ее девочек вырастет, не посвятив себя важному предназначению. «Ты кончишь тем, что станешь вожатой скаутской дружины в каком-нибудь пригороде вроде Корсторфайна», — стращала она Юнис, которую втайне эта идея весьма привлекала, тем более что жила она именно в Корсторфайне. Семестр прошел под знаком легенд о Павловой и ее преданности призванию, о ее диких истериках и нетерпимости ко всему второразрядному. «Она закатывает скандалы кордебалету, — рассказывала мисс Броди, — но великая актриса имеет на это право. Она бегло говорит по-английски с очаровательным акцентом. А после спектакля, дома, медитирует, созерцая лебедей, которых держит у себя в усадьбе на озере».

«Сэнди, — сказала Анна Павлова, — вы единственная после меня истинно преданная ис-

кусству балерина. Ваш „Умирающий лебедь“ — совершенство, он так чувствен, а прощальное касание сцены коготками…»

«Я знаю», — ответила Сэнди (сознательно предпочитая правду ложно-скромному «О, я лишь делаю, что могу»), позволив себе расслабиться за кулисами.

Павлова понимающе кивнула и устремила взгляд, исполненный трагической тоски по родине и преданности искусству, поверх головы Сэнди.

«Каждый артист *знает*, не так ли? — проговорила она и голосом, в котором уже зрела угроза истерики, с очаровательным акцентом добавила: — Никто так и не понял меня. Никогда. Никогда».

Сэнди сняла с ноги балетную туфлю и небрежно швырнула ее в другой конец кулис, где ее почтительно поднял и принес обратно кто-то из кордебалета. Прежде чем снять другую, Сэнди сказала Павловой: «Уверена, что *я* вас понимаю».

«Да, это правда, — воскликнула Павлова, стискивая руку Сэнди, — потому что вы — настоящая актриса и вам нести факел искусства дальше».

Мисс Броди сказала:

— Павлова созерцает лебедей, чтобы совер-

шенствовать свой лебединый танец, она изучает их. Вот что значит истинное призвание. Когда вырастете, вы все должны стать женщинами, посвятившими жизнь собственному призванию, точно так же, как я посвятила свою вам.

За несколько недель до смерти, когда в доме престарелых, сидя в постели и опираясь на подушки, мисс Броди узнала от навестившей ее Моники Дуглас, что Сэнди ушла в монастырь, она произнесла:

— Какая потеря. Это совсем не то призвание, какое я имела в виду. Ты не допускаешь, что она сделала это, чтобы досадить мне? Я начинаю думать: уж не Сэнди ли предала меня?

Директриса пригласила Сэнди, Дженни и Мэри на чай прямо накануне пасхальных каникул и задала им обычные вопросы о том, чем бы они хотели заняться в старшей школе и на какое отделение хотели бы поступить: современное или классическое. Мэри Макгрегор классическое было заказано, поскольку ее отметки не отвечали положенным требованиям. Ее это сообщение явно привело в уныние.

— Почему тебе так хочется поступить на классическое отделение, Мэри? Ты для него не предназначена. Неужели твои родители этого не

понимают?

— Мисс Броди так хочет.

— К мисс Броди это не имеет никакого отношения, — сказала мисс Макей, удобней устраивая в кресле свой внушительный антифасад. — Значение имеют лишь твои отметки и то, что думаете по этому поводу ты сама и твои родители. А в твоем случае отметки не соответствуют требованиям.

Когда желание учиться на классическом отделении выразили Сэнди и Дженни, она спросила:

— Полагаю, потому, что его предпочитает мисс Броди? Какой толк будет вам от латыни и греческого, когда вы выйдете замуж или пойдете работать? Немецкий пригодится куда больше.

Но девочки твердо стояли на своем, и, смирившись с их выбором, директриса начала откровенно втираться к ним в доверие, восхваляя мисс Броди:

— Прямо не знаю, что бы мы и делали без мисс Броди. Ее ученицы всегда выделяются на фоне остальных, а в последние два года, я бы сказала, *решительно* выделяются.

Потом она принялась прощупывать их. Ах, мисс Броди водит их в театр, в картинные галереи, на прогулки, приглашает к себе на чай? Как

это мило с ее стороны.

— Мисс Броди сама платит за ваши театральные билеты?

— Иногда, — ответила Мэри.

— Не за всех и не каждый раз, — добавила Дженни.

— Мы ходим на галерку, — подхватила Сэнди.

— Что ж, это очень щедро со стороны мисс Броди. Надеюсь, вы цените это.

— О да, — хором ответили девочки, бдительно следя за тем, чтобы не сболтнуть чего-нибудь, что может быть истолковано неблагоприятно для мисс Броди. Это не укрылось от внимания директрисы.

— Как замечательно, — проговорила она. — А на концерты вы с мисс Броди ходите? Ведь мисс Броди, насколько я знаю, очень музыкальна.

— Да, — ответила Мэри, взглядом ища помощи у подруг.

— В прошлом семестре мы с мисс Броди слушали в опере «Травиату», — вспомнила Дженни.

— Мисс Броди действительно любит музыку? — снова спросила мисс Макей, обращаясь к Сэнди и Дженни.

— Мы видели Павлову, — сказала Сэнди.

— Мисс Броди любит музыку? — повторила

вопрос мисс Макей.

— Мне кажется, мисс Броди больше интересует искусство, мэм, — ответила Сэнди.

— Но музыка тоже род искусства.

— Я имела в виду картины и рисунки, — пояснила Сэнди.

— Теперь понятно, — сказала мисс Макей. — А вы, девочки, берете уроки фортепьяно?

Все сказали «да».

— У кого? У мистера Лаутера?

Они отвечали уклончиво, поскольку уроки фортепьяно не входили в программу и для этих трех девочек организовывались в частном порядке на дому. Но при упоминании мистера Лаутера даже бестолочь Мэри догадалась, к чему клонит мисс Макей.

— Я так понимаю, мисс Броди аккомпанирует вам во время уроков пения. Так почему же ты считаешь, Сэнди, что она предпочитает музыке изобразительные виды искусства?

— Так сказала сама мисс Броди. Музыкой она интересуется, а живопись — ее страсть. Так она говорит.

— А какие *у вас* культурные интересы? Полагаю, для страстей вы еще слишком молоды.

— Истории, мэм, — сказала Мэри.

— Мисс Броди рассказывает вам истории?

— Да, — ответила Мэри.

— И о чем же?

— Об истории, — дуэтом поспешно вставили Сэнди и Дженни, потому что это был вопрос, который, как они предвидели, когда-нибудь им непременно зададут, и заранее, тщательно обдумав, приготовили ответ, какой в буквальном смысле не противоречил бы истине.

Переставляя пирог со стола на поднос, мисс Макей молча посмотрела на них, явно впечатленная тем, как они подготовились к встрече.

Больше вопросов она не задавала, но произнесла следующую сумбурно-примечательную речь:

— Вам очень повезло с мисс Броди. Мне хотелось бы, чтобы ваши контрольные по арифметике были более успешными. Ученицы мисс Броди всегда меня чем-нибудь поражают. Вам придется усердно потрудиться над самыми обычными, невозвышенными предметами, чтобы сдать переходные экзамены. Мисс Броди дает вам великолепную подготовку к высшей ступени. Культура не может компенсировать недостаток прочных знаний. Я рада видеть, что вы преданы мисс Броди. Ваша преданность должна быть отдана скорее школе, чем какой-то одной личности.

Не все, о чем шел разговор, было доложено мисс Броди.

— Мы рассказали мисс Макей, как вам нравится искусство, — тем не менее сообщила Сэнди.

— Это правда, — согласилась мисс Броди, — но слово «нравится» здесь едва ли уместно; живопись — моя страсть.

— Я так и сказала, — уточнила Сэнди.

Мисс Броди посмотрела на нее так, словно хотела произнести то, что на самом деле дважды уже говорила ранее: «Когда-нибудь, Сэнди, ты зайдешь слишком — на мой взгляд — далеко».

— По сравнению с музыкой, — добавила Сэнди, невинно моргнув маленькими поросячьими глазками.

К концу пасхальных каникул этот насыщенный эротическими открытиями учебный год увенчался встречей Дженни на берегу реки Уотер-оф-Лейт с мужчиной, весело выставлявшим себя напоказ.

— Иди сюда, посмотри-ка на это, — обратился он к ней.

— На что? — спросила Дженни, подходя ближе и полагая, что мужчина нашел выпавшего из гнезда птенчика или какое-нибудь необычное растение. Увидев же, что это было на самом

деле, она бросилась прочь и, целая и невредимая, никем не преследуемая, но задыхающаяся, прибежала домой, где ее вскоре окружили возмущенные родственники, принявшиеся заботливо отпаивать ее сладким чаем. В тот же день позже, поскольку о происшествии сообщили в полицию, задать вопросы Дженни к ним явилась потрясающая женщина-полицейский.

Эти события так разбередили девчачье воображение, что остаток пасхальных каникул прошел в бешеной круговерти, которая продолжалась и весь летний семестр. Первый результат оказался для Сэнди неблагоприятным. Ей вот-вот должны были позволить гулять одной в таких уединенных местах, как то, где у Дженни произошла злополучная встреча, но теперь строго запретили вообще выходить на улицу без сопровождения взрослых. Однако это был лишь побочный эффект инцидента. В остальном он лишь приятно взбудоражил девочек. Событие обсуждалось в двух аспектах: во-первых, сам мужчина и природа того, что он выставил напоказ, во-вторых — женщина-полицейский.

Первый сюжет довольно быстро иссяк.

— Мерзкое существо, — сказала Дженни.

— Грязное животное, — согласилась Сэнди.

А вот тема женщины в полицейской форме оказалась неисчерпаемой, и хотя сама Сэнди ни этой, ни какой бы то ни было другой женщины в форме не видела (тогда женщин только-только начинали принимать в полицию), она забросила и Алана Брека, и мистера Рочестера, и всех прочих литературных персонажей и всю свою любовь перенесла на так и не увиденную ею женщину из полиции, которая беседовала с Дженни; своим бурным интересом она сумела и в подруге поддерживать энтузиазм.

— Как она выглядела? На ней была каска?

— Нет, кепи. А из-под кепи выглядывали короткие светлые вьющиеся волосы. Форма была темно-синяя. И она сказала: «Ну, расскажи мне все».

— И что ты ей рассказала? — в четвертый раз спросила Сэнди.

И Дженни в четвертый раз ответила:

— Ну, я сказала: «Тот мужчина шел вдоль берега под деревьями и что-то держал в руке. А когда увидел меня, громко засмеялся и подозвал меня посмотреть на это. Я спросила — на что? А потом подошла поближе и увидела…» Но я не могла сказать этой полицейской, *что* я увидела, ты же понимаешь. И тогда она подсказала: «Ты увидела

нечто гадкое?» Я ответила: «Да». Потом она спросила меня, как выглядел тот человек, и…

Но все это Сэнди уже слышала, а ей нужны были новые подробности о сотруднице полиции, и она старалась подобрать ключик к подруге. Воспроизводя слова полицейской, Дженни произнесла слово «гадкое» как «хаткое», что было на нее совсем не похоже.

— Как она на самом деле сказала: «гадкое» или «хаткое»? — поинтересовалась Сэнди во время четвертого пересказа.

— Хаткое.

Это вызвало чрезвычайно неприятное чувство у Сэнди и на несколько месяцев отвратило ее от мыслей о сексе. Такое произношение слова настолько не нравилось ей, что по телу начинали ползать мурашки, поэтому она донимала Дженни требованиями подумать хорошенько и признать, что на самом деле полицейская произнесла его правильно.

— Многие люди говорят «хаткое», — возражала Дженни.

— Я знаю, но они мне не нравятся. Они — ни рыба, ни мясо.

Это мучило Сэнди, и она решила создать новый речевой образ сотрудницы полиции. Другим по-

водом для беспокойства служило то, что Дженни не знала имени полицейской и даже того, как следует к ней обращаться: «констебль», «сержант» или просто «мисс». Сэнди решила назвать ее сержантом Энн Грей. Сама Сэнди являлась правой рукой Энн Грей в полицейском департаменте, и вместе они были твердо настроены искоренить секс в Эдинбурге и его окрестностях. В воскресных газетах, к которым Сэнди имела свободный доступ, она нашла профессиональные выражения вроде «имела место интимная близость» или «истица была в положении», оттуда же она узнала, что женщин, которые привлекались к суду по преступлениям на сексуальной почве, не называли ни «мисс», ни «миссис», а только по фамилиям: «Уиллис была оставлена под стражей»; «Роубак оказалась в положении».

Итак, Сэнди, сдвинув на затылок синее полицейское кепи, сидела на ступеньке рядом с сержантом Энн Грей и сквозь просвет между деревьями, росшими вдоль Уотер-оф-Лейта, наблюдала за тем местом, где грязное животное предложило Дженни: «Иди сюда, посмотри-ка на это» — и где Сэнди на самом деле никогда не была.

«И вот еще что, — сказала Сэнди, — мы должны

побольше узнать о деле Броди и о том, не в положении ли она вследствие своей связи с Гордоном Лаутером, учителем пения из женской школы Марсии Блейн».

«Интимная близость, безусловно, имела место, — ответила сержант Энн, очаровательная в этой темно-синей форме, со светлыми короткими вьющимися волосами, обрамлявшими форменное кепи. — Все, что нам нужно, это несколько уличающих документов».

«Предоставьте это мне, сержант Энн», — попросила Сэнди, поскольку как раз в то время они с Дженни сочиняли любовную переписку между мисс Броди и учителем пения. Сержант Энн благодарно сжала руку Сэнди, и они посмотрели друг другу в глаза: между ними установилось такое взаимопонимание, что слова были излишни.

После каникул, вернувшись в школу, Дженни и Сэнди сохранили в секрете от одноклассниц происшествие на Уотер-оф-Лейте, потому что мать Дженни сказала, что об этом надо помалкивать. Но то, что следует доверительно поделиться сенсацией с мисс Броди, сомнений не вызывало.

И тем не менее что-то заставило Сэнди в первый же день после каникул остановить Дженни:

— Не говори мисс Броди.

— Почему? — удивилась Дженни.

Сэнди пыталась придумать причину. Это было связано с неопределенностью статуса отношений мисс Броди с жизнерадостным мистером Лаутером, а также с тем, что, войдя в класс, мисс Броди первым делом сообщила: «Я провела Пасху в маленькой романской деревушке Крэмонд». Именно там, в одиночестве, в большом доме с экономкой жил мистер Лаутер.

— Не говори мисс Броди, — сказала Сэнди.

— Почему? — удивилась Дженни.

Сэнди продолжала искать причину. Какое-то отношение это имело и к тому, что произошло тем утром, когда мисс Броди послала было Монику Дуглас в кабинет рисования за новыми альбомами и угольными карандашами, а потом отозвала назад и послала вместо нее Роуз Стэнли. Когда Роуз вернулась, нагруженная альбомами и коробками с угольками, ее сопровождал Тедди Ллойд, точно так же нагруженный. Освободившись от поклажи, он спросил мисс Броди, хорошо ли она провела каникулы. Она протянула ему руку и сказала, что осваивала Крэмонд, не надо, мол, пренебрежительно относиться к окрестным маленьким портовым городкам.

— Вот уж не думал, что в Крэмонде есть что

осваивать, — улыбнулся мистер Ллойд, золотистый локон упал ему на глаза.

— В нем немало очарования, — возразила она. — А вы куда-нибудь ездили?

— Я писал, — хриплым голосом ответил он. — Семейные портреты.

Роуз все это время рассовывала в шкафу новые альбомы и наконец справилась с этим. Когда она повернулась, мисс Броди обняла ее за плечи и поблагодарила мистера Ллойда так, словно они с Роуз были единым целым.

— Н-з-чт, — отозвался мистер Ллойд, имея в виду «не за что», и ушел. И в тот момент Дженни прошептала в ухо Сэнди: «Роуз изменилась за время каникул, не находишь?»

С этим нельзя было не согласиться. Ее светлые волосы были подстрижены короче и сияли. Щеки стали более бледными и худыми, она больше не таращила глаза, а, наоборот, слегка прикрывала их ресницами, будто позировала для особой фотографии.

— Может, у нее наступила *перестройка организма?* — предположила Сэнди. Мисс Броди называла это *менархе,* но когда девочки пытались употреблять это слово между собой, их начинал разбирать смех и становилось неловко.

Позднее, по окончании уроков, Дженни сказала:

— Я все же расскажу мисс Броди про того мужчину.

Сэнди ответила:

— Не надо.

— Но почему? — спросила Дженни.

Сэнди попыталась, но так и не смогла объяснить почему, просто было что-то неуловимо значимое в самой мисс Броди, в том, что она провела каникулы в Крэмонде, и в том, что послала к мистеру Ллойду именно Роуз. Поэтому она сказала:

— Тебе же сотрудница полиции велела постараться забыть об этом, а будешь рассказывать мисс Броди — невольно вспомнишь.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Дженни.

И они забыли о мужчине с Уотер-оф-Лейта, а о женщине из полиции с течением времени вспоминали все чаще.

Во время последних двух месяцев, что им оставалось провести вместе, мисс Броди стала — само очарование. Она не поучала, не бранила и, даже когда ее к тому вынуждали, не раздражалась ни на кого, кроме Мэри Макгрегор. Той весной они с классом полностью оккупировали скамейки под

вязом, откуда открывался вид на нескончаемую аллею майских деревьев в темно-розовом цвету и было слышно, как по невидимой за деревьями дороге цокают лошадиные копыта в такт вращающимся колесам деревенских повозок, налегке возвращающихся домой по завершении утренних дел. Неподалеку, как привет из будущего года, группа девочек-старшеклассниц повторяла начальный курс латыни. Как-то раз, тронутая прелестью весны, преподавательница латыни начала нараспев читать текст на мотив народной песенки под перестук копыт пони и скрип тележных колес, и мисс Броди, восхищенно подняв вверх указательный палец, призвала учениц тоже послушать.

Nundinarum adest dies,
Mulus ille nos vehet.
Eie, curre, mule, mule,
I tolutari gradu[31].

Той весной мать Дженни ждала ребенка; до-

---

[31] Примечания: 31

Наступает день ярмарки,
Нас отвезет туда мул.
Эй, мул, мул, беги резвее,
Беги рысью.

ждей, заслуживавших упоминания, не было вовсе, трава, солнце и птицы, стряхнув зимнюю сосредоточенность на себе, начали думать о других. Здесь, под вязом, мисс Броди оживляла любовный роман своей молодости, вышивая по старой канве новыми яркими нитями: оказалось, когда ее покойный жених приезжал в отпуск, он часто катал ее в рыбацкой лодке, и они проводили свои самые счастливые часы на гальке среди скал неподалеку от маленького портового городка. «Иногда Хью пел, у него был красивый тенор. А иногда становился молчалив, устанавливал мольберт и рисовал. Он был очень талантлив в обоих этих искусствах, но, думаю, в глубине души он все же был художником».

Тогда девочки впервые услышали о художественных наклонностях Хью. Сэнди это озадачило, она решила посоветоваться с Дженни, и им обеим пришло в голову, что мисс Броди подгоняет историю новой любви под историю старой. Начиная с того момента эти две девочки слушали ее с удвоенным вниманием, остальной класс — с обычным.

Сэнди завораживал этот метод — составлять из одних и тех же фактов разные мозаики, и она разрывалась между восхищением такой техникой и

настоятельной необходимостью доказать виновность мисс Броди в неподобающем поведении.

«Как там насчет уличающих документов?» — спрашивала сержант Энн Грей в непринужденно-дружеской манере. Она и впрямь была волнующе очаровательна.

Сэнди и Дженни завершили любовную переписку мисс Броди с учителем пения к середине семестра. Во время промежуточных каникул они гостили в маленьком городке Крейл на берегу Файфа у тетушки Дженни, которая проявила подозрительный интерес к их тетради, поэтому они, прихватив ее с собой, на автобусе, следовавшем вдоль берега, доехали до соседней деревни, сели у входа в пещеру и там закончили труд. Задача, стоявшая перед ними, была чрезвычайно деликатной: представить мисс Броди одновременно и в благоприятном, и в неблагоприятном свете, ибо теперь, когда их последний семестр под руководством мисс Броди подходил к концу, на меньшее они пойти не могли.

Требовалось доказать, что интимная близость имела место. Но не на обычной кровати. Подобная мысль годилась лишь для оживления уроков рукоделия, мисс Броди имела право на более высокий статус. Они поместили мисс Броди на Троне

Артура[32], благородным абрисом напоминающем львиную спину, где крышей служило лишь небо, а ложем — папоротники. Необозримые луга простирались у ее ног, освещаемые вспышками молний и оглашаемые раскатами грома. Именно здесь нашел ее Гордон Лаутер, робкий и улыбчивый мужчина с длинным телом и короткими ногами, с золотисто-рыжей шевелюрой и усами.

— Не нашел, а взял ее, — уточнила Дженни, когда они впервые обсуждали этот эпизод.

— Взял? Нет, так нехорошо. Лучше: она отдалась ему.

— Она отдалась ему, — повторила Дженни, — хотя охотнее отдалась бы другому.

В последнем из цикла писем, законченного в середине семестра, говорилось:

> «Восхитительный мой, только мой Гордон, твое письмо несказанно тронуло меня, как ты можешь себе представить. Но, увы, я вынуждена раз и навсегда отклонить предложение стать миссис Лаутер. По двум причинам. Во-первых, я предана своим девочкам, как мадам

[32] Примечания: 32

Самый высокий (250 м.) из семи холмов, на которых расположен Эдинбург.

Павлова своему искусству, во-вторых, в моей жизни есть другой мужчина, чья ответная любовь ко мне не знает границ Времени и Пространства. Это Тедди Ллойд! Между нами никогда не было близости. Он женат на другой. Однажды, в кабинете рисования, мы растворились в объятиях друг друга и познали истину. Но я горжусь тем, что отдалась тебе тогда, среди папоротников Трона Артура, когда нас осеняла ревущая гроза. Если у меня будет ребенок, я отдам его на попечение какого-нибудь доброго пастуха и его жены; уверена, что мы сможем обсудить это спокойно, как люди, которых связывают лишь платонические отношения. Я имею право — для облегчения своей участи — иногда позволять себе неверность, потому что нахожусь в поре Расцвета. Поэтому мы сможем провести еще немало беззаботных дней в рыбацкой лодке на морских волнах.

Хочу довести до твоего сведения, что твоя экономка внушает мне беспокойство, она — как Джон Нокс. Боюсь, она весьма ограниченная особа, о чем сви-

детельствует ее невежество в вопросах культуры и ситуации в Италии. Умоляю, скажи ей, чтобы она не говорила: „Вы сами знаете дорогу наверх“, когда я навещаю тебя в Крэмонде. Она обязана провожать меня к тебе и докладывать о моем прибытии. И колени у нее прекрасно гнутся. Она только притворяется, что это не так.

Я обожаю слушать, как ты поешь „Эй, Джонни Коуп“. Но сделай мне завтра предложение даже сам герольдмейстер лорд-лайон, я бы отклонила его.

И в заключение позволь мне тепло поздравить тебя с твоей половой жизнью, а равно и с твоим певческим искусством.

С глубочайшей радостью,

Джин Броди».

Закончив это послание, они перечитали всю переписку от начала до конца, но никак не могли решить: бросить ли эти компрометирующие документы в море или закопать. Забросить что-нибудь с берега в море, как они знали, гораздо труднее, чем кажется. Поэтому Сэнди нашла в глубине пещеры сырую ямку, полузаваленную

камнем, и они затолкали в нее тетрадь с любовной перепиской, и больше они эту тетрадь никогда не видели. После этого они отправились назад в Крейл по упругому дерну, исполненные новых планов и неподдельной радости.

— В этой склянке достаточно пороху, чтобы взорвать всю эту школу, — невозмутимым голосом сказала мисс Локхарт.

4

Она стояла за лабораторным столом в белом льняном халате, накрыв обеими руками стеклянную банку, на три четверти заполненную темно-серым порошком. Ничего другого, кроме мертвой тишины, которая воцарилась в классе, она и не ожидала, потому что всегда начинала первый урок естествознания этими словами, держа перед собой банку с порохом; первый урок был, собственно, даже не уроком, а демонстрацией наиболее впечатляющих объектов из имевшихся в кабинете. Все взгляды были прикованы к склянке. Мисс Локхарт взяла ее и осторожно поставила в шкаф со множеством других похожих сосудов, заполненных разного цвета кристаллами и порошками.

— Это бунзеновские горелки, это — пробирка, это — пипетка, это — бюретка, реторта, плавильный тигель…

Так она творила таинственный культ и, безусловно, была самой потрясающей учительницей старшей школы. Впрочем, они все были по-своему самыми потрясающими учителями школы. Здесь вообще была новая жизнь, можно сказать,

новая школа. Здесь не было тощих наставниц вроде мисс Скелетон или тех дам, что заносчиво вышагивали по коридору мимо мисс Броди, цедя свое «доброе утро» со зловещей ухмылкой на губах. Казалось, здешним учителям не было никакого дела до чьей бы то ни было частной жизни, не имеющей отношения к преподаваемому предмету, будь то математика, латинский язык или естественные науки. К новым ученицам-первогодкам преподаватели относились так, словно те были не реально существующими людьми, а удобными для манипуляций алгебраическими символами, и поначалу ученицам мисс Броди это казалось очень занятным. Замечательными в течение первой недели были и ошеломительное разнообразие новых предметов, и необходимость перебегать из одного кабинета в другой в соответствии с расписанием. Учебный день был теперь волшебным образом наполнен для них незнакомыми формами и звуками, не имевшими ничего общего с обычной жизнью: благородными геометрическими фигурами — окружностями и треугольниками, загадочными значками греческого алфавита и чудн***ы***м шипеньем и «плевками» греческих звуков, слетающих с губ учительницы, — «грапсстэ… псух…».

Несколько недель спустя, когда все эти придыхания и звуки начали обретать смысл, уже трудно было восстановить то ощущение увлекательной игры, какое они вызывали тогда, и представить себе, что греческий язык когда-то шипел и «плевался», а слово «mensarum»[33] звучало обрывком бессмысленного детского стишка. Вплоть до третьего класса современное отделение отличалось от классического только набором изучавшихся языков: современных на современном отделении и древних на классическом. Девочки, учившиеся на современном отделении, изучали немецкий и испанский, и когда на переменах они повторяли задания, коридоры оглашались удивительными звуками, напоминавшими какофонию наплывающих друг на друга иностранных радиоволн.

Некая мадемуазель, брюнетка с завитыми волосами, носившая полосатую блузку с настоящими запонками, говорила по-французски с таким иностранным выговором, какой никому никогда так и не удалось по-настоящему воспроизвести. Кабинет естествознания порой пах точно так же, как Кэнонгейт во время их тогдашней прогулки с мисс Броди: резкое амбре, поднимавшееся от

---

[33] Примечания: 33
Родительный падеж множественного числа слова «стол».

бунзеновских горелок, смешивалось с проникавшим снаружи сладковатым осенним дымком сжигаемых листьев. Уроки в кабинете естествознания — который строго-настрого запрещалось называть лабораторией — именовались экспериментами, что придавало каждой девочке ощущение, будто и сама мисс Локхарт не ведает, каким может быть результат, будто случиться может все что угодно и будто школа вообще может взлететь на воздух, когда они колдуют у себя на уроке.

Тогда, на первой неделе, они проводили эксперимент с магнием, который сгорал в пробирках, нагреваемых над пламенем бунзеновской горелки, ярким пламенем, разбрызгивая ослепительно белые искры. Эти магниевые вспышки по всему кабинету выстреливали из пробирок и улавливались стеклянными сосудами большего диаметра, которые девочки держали над пробирками. Мэри Макгрегор, объятая ужасом, помчалась по единственному проходу между лабораторными столами, наткнулась на очередную вспышку, побежала назад, но и здесь ей в глаза полыхнул язычок белого пламени. В панике она металась между столами, пока ее не поймали и не успокоили, а мисс Локхарт, которая уже достаточно

узнала Мэри, чтобы, как и все, испытывать раздражение при одном взгляде на ее лицо — два глаза, нос, рот и ничего более, — сказала, чтобы она не была такой глупой.

Однажды, много позже, когда Роуз Стэнли навещала Сэнди в монастыре и они заговорили о покойной Мэри Макгрегор, Сэнди призналась:

— Каждый раз, когда со мной случается какая-нибудь беда, я жалею, что не относилась к Мэри добрее.

— Откуда нам было знать? — отозвалась Роуз.

А мисс Броди, когда они сидели у окна в ресторане отеля «Брейд-Хиллз», сказала Сэнди:

— Хотелось бы мне знать, кто меня предал. Я часто думаю, не бедная ли это Мэри. Вероятно, мне надо было быть к ней добрее.

В то время клан Броди вполне мог утратить индивидуальность, не только потому, что мисс Броди перестала контролировать девочек каждый день, отныне заполненный интенсивным впитыванием знаний, которые обрушивали на них бездушные специалисты, но и потому, что директриса вознамерилась рассредоточить их.

Для этого она выработала особый план, но он провалился. Он был уж слишком целеустремленным: одним ударом избавиться от мисс Броди и

разрушить единство всей этой группы.

Она приблизила к себе Мэри Макгрегор, положившись на ее доверчивость и подкупность, но недооценив ее тупость. Вспомнив, что Мэри, как и остальные девочки мисс Броди, хотела поступить на классическое отделение, однако получила отказ, мисс Макей передумала и теперь позволила ей как минимум заниматься латынью.

В знак благодарности она ожидала от нее информации, касающейся мисс Броди. Но поскольку единственной причиной, по которой Мэри хотела учить латынь, было желание угодить мисс Броди, директриса от нее ничего не добилась. Когда она приглашала Мэри на чай, та просто не понимала, чего от нее хотят, и считала, что все учителя — и мисс Броди, и все другие — заодно.

— Теперь, когда ты учишься в школе высшей ступени, ты не так часто будешь видеться с мисс Броди, — выговаривала мисс Макей.

— Понятно, — отвечала Мэри, воспринимая это замечание скорее как приказ, чем как наводящий вопрос.

Мисс Макей придумала новый план, но и он не сработал. В школе высшей ступени существовала система жесткой конкуренции между четырьмя сестринствами: Холируд, Мелроуз, Аргайл и Биг-

гар[34]. Мисс Макей позаботилась о том, чтобы девочки Броди были по возможности распределены по разным сестринствам. Дженни попала в Холируд, Сэнди и Мэри Макгрегор — в Мелроуз, Моника и Юнис — в Аргайл, а Роуз Стэнли — в Биггар. Таким образом, они должны были соревноваться между собой во всех сферах: как в школьных стенах, так и на расположенных в пригородах продувных хоккейных полях, которые, словно могилы мучеников, были открыты всем природным стихиям. Девочкам внушали, что командный дух — самое главное и что каждое сестринство обязано защищать честь своего герба и дружно собираться по субботам утром, чтобы поддерживать боевой дух команды. Дружеские отношения между девочками разных сестринств, разумеется, не должны от этого страдать, но командный дух…

Этого требования было вполне достаточно для девочек клана. За два года, проведенных с мисс Броди, они отлично усвоили его смысл.

— Выражения типа «командный дух», — бывало, говаривала она, — всегда призваны пресекать любые проявления индивидуальности, любви и

[34] Примечания: 34

Названия четырех исторических аббатств в Эдинбурге и его окрестностях.

личной преданности. «Командного духа» нельзя требовать от женщин, особенно женщин, верных своему призванию, чьи достоинства с незапамятных времен решительно противоречили этой идее. Флоренс Найтингейл понятия не имела о командном духе и видела собственное предназначение в том, чтобы спасать людей, независимо от того, к какой «команде» они принадлежат. Клеопатра, если вы, как положено, читали Шекспира, знать не знала ни о каком командном духе. Или возьмем Елену Троянскую. Или английскую королеву. Да, она посещает международные соревнования, но только потому, что обязана, это пустая формальность, а на самом деле ее интересуют лишь здоровье короля и античное искусство. А куда командный дух завел бы Сибил Торндайк? *Она* — уникальная, великая актриса, это у труппы — командный дух. Павлова…

Может быть, мисс Броди уже тогда предвидела тот момент, когда ее команда из шести представительниц окажется перед лицом четырех конкурирующих духов: Аргайла, Мелроуза, Биггара и Холируда. Трудно сказать, насколько мисс Броди действовала осознанно, насколько — лишь повинуясь интуиции, но в этом, первом испытании ее власть над девчачьими душами одержала

верх. Ни одна из старост школьных сестринств не являла собой примера, способного выдержать сравнение с Сибил Торндайк или Клеопатрой. Организация девочек-скаутов привлекала «бродианок» не больше, чем пресловутый командный дух. Не только они, но и по меньшей мере еще десяток девочек, прошедших через руки мисс Броди, держались в стороне от игровых площадок, участвуя в спортивных мероприятиях только в пределах, предписанных программой. Ни одна из них, если не считать Юнис Гардинер, даже не помыслила записаться в какую-нибудь команду, чтобы испытать свой командный дух. Что же касается Юнис, она была столь спортивна, что у нее просто не было выбора, — это признавали все.

Почти каждую субботу днем мисс Броди угощала свой старый клан чаем и слушала рассказы об их новой жизни. Что касается ее самой, то, по ее словам, она была невысокого мнения о способностях новых своих учениц, и ее рассказы о них вызывали у девочек веселый смех, еще теснее сплачивали их в ощущении избранности. Рано или поздно она непременно начинала расспрашивать, чем они занимаются на уроках рисования, которое преподавал им теперь златокудрый однорукий Тедди Ллойд.

Об уроках рисования всегда было что рассказать. В первый день мистеру Ллойду оказалось трудно поддерживать в классе порядок. После многих напряженных занятий разными незнакомыми предметами девочки сразу же почувствовали расслабляющую атмосферу кабинета рисования и распустились сверх всякой меры. Мистер Ллойд кричал на них хриплым голосом, требуя тишины, и это раззадоривало еще больше.

Держа высоко над головой единственной правой рукой блюдце и постепенно опуская его, он пытался объяснить им природу и способ начертания овала. Но его романтическая внешность и хриплые окрики «Тишина!» вызывали лишь хихиканье разного тембра и громкости.

— Девочки, если вы сейчас же не замолчите, я разобью это блюдце об пол, — выдохнул он наконец.

Но они, как ни старались, не могли успокоиться.

И он действительно шмякнул блюдцем об пол.

В мгновенно наступившей мертвой тишине он велел Роуз Стэнли встать и, указывая на разлетевшиеся осколки, проговорил:

— Ты, с профилем, — собери.

И ушел в дальний конец длинной комнаты, где до конца урока занимался чем-то своим, между тем как восхищенные его выходкой девочки, с неожиданно пробудившимся интересом изучив профиль Роуз Стэнли, наконец угомонились и принялись рисовать установленную на фоне драпировки бутылку. Дженни же заметила подруге: у мисс Броди действительно хороший вкус.

— Ну конечно, ведь у него артистический темперамент, — воскликнула мисс Броди, когда девочки рассказали ей об эпизоде с разбитым блюдцем. А услышав, как он назвал Роуз «ты, с профилем», посмотрела на Роуз особым взглядом, который не укрылся от наблюдавшей за ней Сэнди.

Интерес Дженни и Сэнди к возлюбленным мисс Броди вошел в новую стадию после того, как они зарыли в землю свое последнее сочинение и перешли в школу высшей ступени. Теперь они уже не рассматривали все подряд в эротическом контексте, а скорее, старались проникнуть в глубину сердечных переживаний. Казалось, что время, когда их интересовал только секс, осталось далеко-далеко позади. Дженни сравнялось двенадцать. Ее мать только что родила мальчика, но даже это не вызвало у них ни малейшего

желания покопаться в истоках сего события.

— В старшей школе совсем не остается времени на половые исследования, — заметила Сэнди.

— А меня они, похоже, вообще перестали интересовать, — откликнулась Дженни.

Странным образом это оказалось правдой: она больше никогда не испытывала того, раннего эротического волнения, пока совершенно неожиданно это не случилось с ней снова почти в сорокалетием возрасте, когда она уже была актрисой — весьма посредственной — и женой театрального импресарио. Как-то в Риме, пережидая дождь под портиком знаменитого здания, она оказалась рядом с малознакомым мужчиной и с удивлением снова почувствовала радостно-беззаботное сексуальное возбуждение, всеохватывающее — то ли физическое, то ли душевное — состояние, не поддающееся точному определению; наверняка она могла сказать лишь, что в нем был тот давно утраченный простодушный восторг, какой она последний раз переживала в одиннадцатилетнем возрасте. И она подумала, что влюбилась в того мужчину, которого, как она полагала, по-своему тоже влекло к ней из его собственного мира, чьи внутренние связи были ей совершенно неведомы. Из этого ничего не могло

выйти, так как Дженни состояла во вполне благополучном браке уже шестнадцать лет, однако этот короткий эпизод неизменно, когда бы она ни вспоминала его впоследствии, вызывал у нее изумление и заставлял задумываться о таящихся повсюду скрытых возможностях.

— Экономка мистера Лаутера, — сказала мисс Броди как-то в субботу днем, — ушла от него. Это в высшей степени неблагодарно с ее стороны — вести хозяйство в его крэмондском доме ничего не стоит. Мне, как вы знаете, она никогда не нравилась. Думаю, она не могла смириться с моим положением друга и конфидентки мистера Лаутера, мои визиты ее явно раздражали. Мистер Лаутер сейчас пишет музыку к одной песне и нуждается в поддержке.

В следующую субботу она сказала девочкам, что сестры-рукодельницы, мисс Эллен и мисс Элисон Керр, временно подрядились вести хозяйство мистера Лаутера, поскольку живут неподалеку от Крэмонда.

— Похоже, эти сестры очень любопытны, — заметила мисс Броди. — У них слишком тесные отношения с мисс Скелетон и Шотландской Церковью.

Один час каждую субботу они посвящали гре-

ческому языку: она настояла, чтобы Дженни и Сэнди, изучая его, параллельно учили и ее.

— Это традиционная практика, — сообщила она. — В былые времена многие семьи могли позволить себе послать в школу только одного ребенка, и по вечерам этот единственный домашний учитель делился с братьями и сестрами знаниями, какие приобрел утром. Мне давно хотелось выучить греческий, а вам такая система поможет закреплять знания. Джон Стюарт Милль[35] в пятилетием возрасте имел обыкновение вставать на рассвете, чтобы учить греческий, а тем, чем Джон Стюарт Милль мог заниматься в раннем детстве на рассвете, я в расцвете лет вполне могу заниматься днем по субботам.

Она делала успехи, хотя немного путалась в произношении, потому что Дженни и Сэнди, по очереди передававшие ей накопленные за неделю знания, порой расходились в толкованиях. Но, так или иначе, она была решительно настроена войти в новую жизнь своих девочек и делить ее с ними, высмеивая все, что не относилось, с ее точки зрения, к гуманитарной сфере или не входило в сферу ее влияния.

---

[35] Примечания: 35
Известный английский мыслитель и экономист (1806–1873).

Например, она говорила:

— Очень остроумно утверждать, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками или что окружность это фигура на плоскости, состоящая из одной линии, каждая точка которой расположена на одинаковом расстоянии от центра. Но это банальные истины. Каждому и так понятно, что такое прямая и окружность.

В конце первого семестра, после экзаменов, просматривая задачи, которые были им предложены, она зачитывала вслух наиболее уязвимые вопросы, комментируя их с великим презрением: «Мойщик окон несет стандартную шестидесятифунтовую лестницу длиной 15 футов, на одном конце которой висит ведро с водой весом в 40 фунтов. На каком расстоянии от концов он должен держать лестницу, чтобы нести ее горизонтально? Где находится центр тяжести его груза?»

Прочтя это, мисс Броди еще раз посмотрела на условия задачи так, словно не могла поверить своим глазам. Не раз она давала понять девочкам, что решение подобных задач не принесло бы никакой пользы ни Сибил Торндайк, ни Анне Павловой, ни покойной Елене Троянской.

Но клан Броди пока все же находился под большим впечатлением от новых предметов. В

последующие годы, когда язык физики и химии, алгебры и геометрии утратил для них изначальную загадочность и каждый из этих предметов превратился всего лишь в отдельный сегмент рутинной школьной программы, по-своему скучный и требующий больших усилий, все было уже не так. Даже Моника Дуглас, которая позднее обнаружила такие блестящие способности к математике, уже практически никогда не испытывала такого восторженного удовлетворения, как тогда, когда первый раз вычла икс из игрека, а разность — из «а»; никогда больше не выглядела она такой счастливой.

Роуз Стэнли во время первого семестра на уроках биологии самозабвенно резала червей, а спустя два семестра вздрагивала при одной только мысли об этом и вовсе забросила биологию. Юнис Гардинер так увлеклась Промышленной революцией со всеми ее достижениями и издержками, что учительница истории, коммунистка-вегетарианка, возлагала на нее большие надежды, но они рухнули через несколько месяцев, когда Юнис вернулась к чтению романов о жизни Марии, королевы Шотландской. Сэнди со своим отвратительным почерком часами выписывала в тетрадке греческие буквы ровными

строчками, а Дженни так же восторженно зарисовывала лабораторное оборудование в тетради по химии. Даже бестолочь Мэри Макгрегор с изумлением обнаружила, что понимает «Галльские войны» Цезаря, не требовавшие особых усилий со стороны ее ущербного воображения и с точки зрения языка бывшие для нее доступней, чем английские правописание и фонетика, пока однажды из эссе, которое ей было задано написать, не выяснилось, что она все время считала этот документ относящимся к временам Сэмюэла Пипса[36]; а после этого Мэри еще раз подтвердила свою репутацию дурехи, когда, измученная наводящими вопросами, призналась покатывавшемуся со смеху классу, что в ее понимании латынь и стенография — одно и то же.

Мисс Броди отважно, не уступая девочкам в энтузиазме, который сама же в них и посеяла, сражалась со всем этим в течение нескольких первых месяцев, когда школа высшей ступени еще держала в плену обаяния ее клан. Одержав победу в битве против командного духа, она не успокоилась. Даже тогда было очевидно, что

[36] Примечания: 36

Английский чиновник морского ведомства и писатель (1633–1703). Оставил содержательные «Дневники» за 1659–1969 годы, где, наряду с прочим, описал лондонскую чуму 1665 года.

главная ее забота состояла в том, чтобы девочки лично не привязались к кому-нибудь из преподавателей старшей школы, однако она тщательно избегала прямых выпадов, поскольку сами эти преподавательницы были полностью равнодушны к ее выводку.

К летнему семестру любимыми уроками девочек стали те, что они бездумно проводили в гимнастическом зале, где раскачивались на параллельных брусьях, свисали вниз головой со шведской стенки или, перебирая руками, коленками и ступнями, карабкались к потолку по канату, как обезьяны по тропическим лианам, пытаясь угнаться за проворной Юнис Гардинер, а учительница физкультуры, худая, как струнка, седоволосая женщина, показывала им, что делать, и выкрикивала команды с сильным шотландским акцентом, перемежая их короткими приступами кашля, из-за которого ее впоследствии отправили в санаторий в Швейцарию.

К началу летнего семестра, чтобы разогнать то и дело накатывавшую скуку и совместить насущные требования рабочего дня с любовью к мисс Броди, Сэнди и Дженни начали в шутку применять к ней вновь полученные знания. «Если мисс Броди взвесить в воздухе, а затем в воде…»

А когда мистер Лаутер на уроке пения бывал немного не в себе, они напоминали друг другу, что погруженная в него мисс Броди вытеснила из Гордона Лаутера количество субстанции, весом равное ее собственному.

В конце весны тысяча девятьсот тридцать третьего года субботние уроки греческого у мисс Броди подошли к концу, поскольку вступили в противоречие с интересами мистера Лаутера, которого в его крэмондском доме, где девочки еще не бывали, весьма охотно обслуживали учительницы рукоделия мисс Эллен и мисс Элисон Керр. Жили они неподалеку, и им нетрудно было после работы по очереди приходить к нему, готовить ужин и оставлять все, что нужно, для завтрака; это не только не было трудно, это доставляло им удовлетворение как совершение доброго деяния, а также давало достойный способ подзаработать. По субботам либо мисс Эллен, либо мисс Элисон сортировали белье мистера Лаутера для стирки и наводили порядок в доме. Иногда в субботу утром они приходили вдвоем: мисс Эллен присматривала за женщиной, которая делала генеральную уборку, а мисс Элисон закупала продукты на неделю. Никогда еще в своей жизни они не были такими деловитыми и не чувствовали себя та-

кими полезными, особенно с тех пор, как умерла их старшая сестра, которая всегда говорила им, чем занять себя в свободное время, когда оно выпадало, поэтому мисс Элисон так и не смогла привыкнуть к тому, что ее называли мисс Керр, а мисс Эллен в отсутствие указаний покойной мисс Керр так и не решилась сходить в библиотеку и выбрать себе книгу.

Но сестра священника, скелетоподобная мисс Скелетон, исподтишка начала прибирать к рукам функции их покойной сестры. Как выяснилось впоследствии, она одобрила их договоренность с Гордоном Лаутером и подбивала сестер перевести ее на постоянную основу — ради их блага, а также из собственных соображений, связанных с мисс Броди.

До того момента визиты мисс Броди к мистеру Лаутеру ограничивались воскресеньями. Утром в этот день она всегда ходила в церковь, по расписанию знакомясь с разными конфессиями и сектами, включая Свободные церкви Шотландии, государственную церковь Шотландии, методистскую и епископальную церкви, а также любые другие, какие ей удавалось открыть для себя, за исключением римско-католической. Ее предубеждение против римско-католической

церкви зиждилось на убеждении, будто это церковь, требующая нерассуждающего поклонения, и будто католиками становятся только люди, не желающие думать самостоятельно. В некотором роде это было странно, потому что ее темпераменту подходила именно католическая церковь; вероятно, она, при строгости католической церковной дисциплины, могла бы вобрать в себя то воспаряющий, то срывающийся в пучину дух мисс Броди и смягчить его, она могла бы даже сделать ее вполне обычным человеком. Но, возможно, как раз поэтому мисс Броди и сторонилась ее и, несмотря на страстную любовь к Италии, когда речь заходила о католичестве, мобилизовала всю свою эдинбургскую непреклонность, хотя обычно та не особенно бросалась в глаза. Итак, она совершала обход разных некатолических церквей, не пропуская почти ни одного воскресного утра. Она ничуть не сомневалась — и всем давала это понять, — что Бог всегда на ее стороне, куда бы ни направила она свои стопы, и поэтому не испытывала никаких сомнений и не чувствовала себя ханжой в вопросах веры, при том что одновременно спала с учителем пения. Точно так же, как к опрометчивым действиям человека может привести преувеличенное чувство вины,

к ним же приводил мисс Броди недостаток этого чувства.

Побочные эффекты подобного состояния ее духа кружили голову ее приближенным девочкам, ибо они чувствовали, что отпущение собственных грехов, право на которое она присвоила, некоторым образом распространяется и на них; и только позднее, мысленно возвращаясь назад, они поняли, чем на самом деле был роман мисс Броди с мистером Лаутером, так сказать, в свете фактов. Все то время, что они находились под ее влиянием, она и ее поступки были для них вне категорий «правильного» — «неправильного». Понадобилось двадцать пять лет, чтобы Сэнди, наконец избавившись от ползучего ощущения всеобщей дисгармонии, смогла оглянуться назад и осознать, что некритичное отношение мисс Броди к самой себе не было лишено своего благотворного и расширяющего возможности смысла. Но к тому времени Сэнди уже предала мисс Броди, а сама мисс Броди покоилась в могиле.

Именно после утренних походов по церквам мисс Броди ехала в Крэмонд, чтобы отобедать и провести день с мистером Лаутером. С ним же она проводила и воскресные вечера, а зачастую и ночи, считая, что исполняет свой долг — если

не приносит себя в жертву, — поскольку сердце ее по-прежнему принадлежало отвергнутому ею учителю рисования.

Мистер Лаутер, со своим длинным туловищем и короткими ногами, был робким, почти всем улыбался из-под золотисто-рыжих усов и почти всех располагал к себе кротостью, мало говорил и много пел.

Когда стало известно, что сестры Керр перевели попечение над этим застенчивым улыбчивым холостяком на постоянную основу, мисс Броди выдумала, что он худеет. Об этом открытии она объявила в тот момент, когда Дженни и Сэнди заметили, что сама мисс Броди постройнела, и, поскольку они приближались к тринадцатилетию и за такими вещами следили особенно внимательно, принялись гадать, может ли она быть привлекательной и желанной для мужчин. Они видели ее теперь в новом свете и решили, что она обладает неброской романтической красотой, а похудела из-за неутоленной страсти к мистеру Ллойду и благородного отречения от него в пользу мистера Лаутера и что это ей очень идет.

Теперь мисс Броди говорила:

— Мистер Лаутер в последнее время исхудал. Не

доверяю я этим сестрицам Керр, они по скупости плохо кормят его, скупость у них в крови. Того, что они оставляют ему по субботам, едва хватает до конца воскресенья, не говоря уж об остальных днях недели. Если бы только мистер Лаутер согласился уехать из этого большого дома и снять квартиру в Эдинбурге, о нем было бы гораздо легче заботиться. А забота ему необходима. Но его не уговорить. Невозможно уговорить мужчину, который не возражает, а только улыбается.

Она решила надзирать за сестрами Керр по субботам, когда они готовили для мистера Лаутера на неделю вперед.

— Им хорошо за это платят, — говорила мисс Броди. — Я буду ездить и следить, чтобы они покупали то, что надо, и в нужных количествах.

Кому-то подобное заявление могло бы показаться наглым, но девочкам такое и в голову не приходило. Они горячо убеждали мисс Броди вмешаться и приструнить сестер Керр, отчасти предвкушая интересные последствия, отчасти из уверенности, что мистер Лаутер своей обезоруживающей улыбкой сгладит любые трения. Сестры Керр были до крайности трусливы, а главное — мисс Броди одна стоила обеих сестер вместе взятых, она была квадратом гипотенузы

прямоугольного треугольника, а они — всего лишь квадратами его катетов.

Сестры Керр отнеслись к вторжению мисс Броди абсолютно безропотно, а поскольку они всегда смиренно подчинялись любому, кто желал навязать им свою власть, то позднее без колебаний отвечали на заинтересованные вопросы мисс Скелетон. Мисс Броди твердо вознамерилась откормить мистера Лаутера, а так как это требовало ее ежесубботнего присутствия в Крэмонде, то и ее клан стали попарно, по одной паре в неделю, приглашать в резиденцию мистера Лаутера, где он, улыбаясь и поглаживая девочек по головкам или дергая хорошенькую Дженни за кудряшки, взглядом искал одобрения или ожидал укора или еще чего-нибудь со стороны кареглазой Джин Броди. Пока она поила их чаем, он улыбался, а иногда, отодвинув чашку с блюдцем, переходил к роялю и начинал петь. Он пел:

Марш, марш, Эттрик и Тевьотдейл,
Какого вы черта не держите строй?
Марш, марш, Эскдейл и Лиддесдейл,

Синие шапки[37]*, смелее в бой.*

Закончив пение, он всегда застенчиво улыбался и, снова поднося чашку ко рту, смотрел из-под рыжих бровей на Джин Броди, пытаясь понять, что она думает о нем в данный момент. Для него она была просто Джин, но этот факт клан Броди считал правильным хранить в тайне от посторонних.

Мисс Броди сообщила Сэнди и Дженни:

— Я живо разобралась с этими сестрицами Керр. Они морили его голодом. Теперь я сама слежу за заготовкой провизии. Не забывайте: я происхожу от Уилли Броди, человека состоятельного, изготовителя корпусной мебели и проектировщика виселиц, члена городского совета Эдинбурга и содержателя двух любовниц, которые в общей сложности родили ему пятерых детей. Во мне говорит его кровь. Он обожал игру в кости и петушиные бои. В конце концов его объявили в розыск за ограбление акцизного ведомства — не то чтобы он нуждался в деньгах, ночными грабежами он занимался исключительно из любви к риску. Разумеется, его арестовали,

[37] Примечания: 37

Шотландский крестьянин, шотландец *(англ. разг.).* От круглой шерстяной шотландской шапочки — головного убора крестьянина или солдата.

за границей, и отправили на родину, в тюрьму Толбут, но ему просто не повезло. Он умер весело, на виселице собственной конструкции, в тысяча семьсот восемьдесят восьмом году. Как бы то ни было, но я сделана из того же теста и не потерплю никакого вздора со стороны мисс Эллен и мисс Элисон Керр.

Мистер Лаутер спел:

Матушка, готовь мне тесную постель,
Умер мой возлюбленный,
Зачем мне жить теперь?

И взглянул на мисс Броди. Но она смотрела на чашку с отбитым краем.

— Должно быть, это Мэри Макгрегор постаралась, — проговорила она. — Мэри была здесь в прошлое воскресенье с Юнис, и они мыли посуду. Это наверняка ее работа.

За окном на летней лужайке сверкали искорки маргариток. Лужайка была широкой и простиралась далеко, лесок в конце ее был едва виден, и этот лес тоже принадлежал мистеру Лаутеру, так же как и поля, раскинувшиеся за ним. Робкий, музыкальный, кроткий мистер Лаутер был человеком отнюдь не бедным.

Теперь, глядя на мисс Броди, Сэнди размышляла не только о том, может ли она быть желанной, но и о том, есть ли в ней хотя бы намек на женскую уступчивость, поскольку представить в ней наличие этого качества было труднее всего. Она была скорее доминирующей личностью, чем женщиной во плоти, как Норма Шерер[38] или Элизабет Бергнер[39]. Мисс Броди было сорок три года, и теперь, заметно похудев по сравнению с тем временем, когда стояла перед их классом или сидела под вязом, она стала намного изящней, хотя рядом с мистером Лаутером все равно казалась весьма крупной женщиной: тот был худощав и ниже ростом. Он смотрел на нее с обожанием, она на него — строго и по-хозяйски.

К концу летнего семестра, когда всем девочкам клана Броди исполнилось или вот-вот должно было исполниться тринадцать, мисс Броди в часы их еженедельных парных визитов стала расспрашивать их об уроках рисования. Девочки всегда с пристальным интересом следили за уроками Тедди Ллойда и за всем тем, что он делал, обращали внимание на все детали, чтобы быть

---

[38] Примечания: 38
Одна из крупных кинозвезд 1930-х годов.

[39] Примечания: 39
Немецкая актриса театра и кино.

готовыми оживленно поддерживать разговор с мисс Броди, когда придет их очередь навещать ее у Гордона Лаутера в Крэмонде.

Это был огромный дом с фронтоном и причудливой башенкой. Лесистая тропа, которая вела к нему от дороги, была такой извилистой, а лужайка перед фасадом такой узкой, что дом невозможно было охватить взглядом с такого близкого расстояния, совершенно не соответствовавшего его размерам: чтобы разглядеть эту башенку, приходилось вытягивать и выгибать шею. Задняя стена дома была гладкой и невзрачной, комнаты — просторными и мрачными, окна затемняли подъемные жалюзи. У основания лестничных перил покоились две резные львиные головы, от которых лестница спиралью устремлялась вверх и терялась где-то в вышине. Вся мебель была массивной, резной, украшенной инкрустациями из серебра и розового стекла. В библиотеке на нижнем этаже, где мисс Броди принимала девочек, имелось множество застекленных книжных шкафов, внутри которых царил такой мрак, что прочесть названия книг, не уткнувшись в стекло носом, было невозможно. В одном углу стоял рояль, летом на нем всегда красовался букет роз.

Исследование этого дома было захватывающим приключением, и пока мисс Броди с энтузиазмом занималась на кухне приготовлением невероятного количества еды на следующий день — особенно часто это случалось в те месяцы, когда ее одержимость откармливанием мистера Лаутера только начиналась, — девочки были вольны, держась за руки, с благоговейным трепетом бродить по всему дому, подниматься по внушительной лестнице, открывать двери и заглядывать в спальни, покрытые пленкой пыли; особенно их завораживали те две комнаты, которые позабыли должным образом обставить, в одной кроме огромного письменного стола не было ничего, даже ковра, в другой лишь с потолка свисала электрическая лампочка да на полу стоял большой голубой кувшин. В этих комнатах в любое время года царил ледяной холод. Когда гостьи возвращались из своих экспедиций, мистер Лаутер часто ожидал их в холле у подножия лестницы, робко улыбаясь и молитвенно сложив руки, словно в надежде, что они остались довольны походом. А когда они уезжали домой, он вынимал из букета две розы и дарил по одной каждой.

Создавалось впечатление, что мистер Лаутер,

хоть и родился в этом доме, никогда не чувствовал себя в нем как дома. Прежде чем к чему-нибудь прикоснуться или открыть шкаф, он всегда вопросительно смотрел на мисс Броди, как будто ему не разрешалось здесь ничего трогать без спросу. Девочки решили, что умершая за четыре года до того мать мистера Лаутера всю жизнь держала его в ежовых рукавицах и поэтому он так и не смог почувствовать себя в доме хозяином.

Он молча с благодарностью взирал на мисс Броди, развлекавшую очередных двух приглашенных девочек, — это было, когда она уже приступила к осуществлению плана откармливания мистера Лаутера. План принял такие гигантские масштабы, что ее маниакальная страсть к закупке продуктов не сходила с языка мисс Эллен и мисс Элисон Керр, а также преподавателей младшей школы. Однажды, во время очередного визита, Сэнди и Дженни наблюдали, как она только к пятичасовому чаю подала мистеру Лаутеру восхитительный салат из лобстера, несколько сандвичей с печеночным паштетом и пирог, за которым последовала огромная пиала каши со сливками. Все было сервировано на отдельном, предназначенном лишь для него подносе, чтобы было видно, что он — на особой

диете. Сэнди, затаив дыхание, наблюдала: сможет ли мистер Лаутер одолеть кашу после всего остального. Но тот с безропотной покорностью поглощал блюдо за блюдом, пока мисс Броди расспрашивала девочек:

— Что вы сейчас проходите по рисованию?

— Готовимся к конкурсу на лучший плакат.

— Мистер Ллойд, он… в добром здравии?

— О да! С ним так интересно. Две недели назад он показывал нам свою мастерскую.

— Какую мастерскую, где? У него дома? — спросила мисс Броди, хотя прекрасно знала, где находится мастерская.

— Да, это огромная длинная мансарда, она…

— Вы видели его жену, какая она? Что она говорила, угощала ли вас чаем? А какие у него дети? Что вы там делали?..

Она даже не пыталась скрывать от жующего хозяина острый интерес к учителю рисования. Мистер Лаутер продолжал есть, но взгляд у него делался скорбным. Сэнди и Дженни знали, что ответов на те же вопросы она требовала от Мэри Макгрегор и Юнис Гардинер на предыдущей неделе и от Роуз Стэнли и Моники Дуглас неделей раньше. Но мисс Броди не надоедало слушать разные версии одного и того же рассказа, если он

касался Тедди Ллойда, и теперь, когда у мистера Ллойда — в его большом и обшарпанном, теплом и чуждом условностям доме на севере Эдинбурга — побывали Сэнди и Дженни, мисс Броди пребывала в большом возбуждении от самого факта общения с девочками, которые недавно дышали одним воздухом с Ллойдом.

— Сколько у него детей? — спрашивала она, держа на весу чайник.

— Пять, кажется, — ответила Сэнди.

— Думаю, шесть, — уточнила Дженни, — если считать младенца.

— Там полно детей, — отмахнулась Сэнди.

— Ну конечно, они же католики, — объяснила мисс Броди, обращаясь к мистеру Лаутеру.

— Там же был еще самый маленький, — не унималась Дженни, — ты забыла посчитать малыша. Вместе с ним — шесть.

Мисс Броди разлила чай по чашкам и бросила взгляд на тарелку Гордона Лаутера.

— Гордон, — сказала она, — а пирог?

Он покачал головой и мягко, словно успокаивая ее, ответил:

— О нет, нет.

— Да, Гордон! Он очень полезный. — И она заставила его съесть честерский пирог, перейдя

на чуточку более эдинбургский тон, чем обычно, словно хотела тем самым возместить ему отсутствие любви, безраздельно отданной Тедди Ллойду.

— Вам необходимо поправиться, Гордон, — настаивала она. — Вы должны набрать два стоуна до моего отъезда в отпуск.

Он улыбнулся всем по очереди и, опустив голову, заработал челюстями. Мисс Броди между тем продолжала:

— А миссис Ллойд? Можно ли сказать о ней, что она — женщина в расцвете лет?

— Наверное, еще нет, — усомнилась Сэнди.

— Вероятно, период расцвета миссис Ллойд уже миновал, — высказала предположение Дженни. — У нее распущенные волосы до самых плеч, поэтому трудно сказать. Из-за них она выглядит молодо, хотя на самом деле это может быть и не так.

— На самом деле она выглядит так, будто никакого расцвета у нее и не будет, — уточнила Сэнди.

— Слово «будто» в этом предложении излишне. Как зовут миссис Ллойд?

— Дидра, — ответила Дженни. Мисс Броди задумалась, словно это имя было для нее внове,

хотя в последний раз она, так же как и мистер Лаутер, слышала его всего за неделю до того от Мэри и Юнис, а еще неделей раньше — от Роуз и Моники. За окном на деревья мистера Лаутера начал моросить дождь.

— Кельтское имя, — произнесла мисс Броди.

Сэнди слонялась возле кухонной двери, ожидая, когда выйдет мисс Броди, чтобы вместе отправиться на прогулку у моря. Мисс Броди колдовала над гигантским свиным окороком, прежде чем засунуть его в столь же гигантскую кастрюлю. Теперешние вылазки мисс Броди в сферу кулинарии ничуть не снижали ее прежнего величия, ибо все, что она стряпала для мистера Лаутера, казалось грандиозным, был ли то семейных размеров пудинг, которого ему хватало на всю неделю, говяжья или баранья лопатка или огромный цельный лосось с сердитым глазом.

— Я должна приготовить это мистеру Лаутеру на ужин, — объяснила она Сэнди, — и проследить, чтобы он все съел до моего отъезда домой.

Она всегда старалась поддерживать в девочках уверенность в том, что на ночь уезжает домой и оставляет мистера Лаутера одного в его огромном доме. Пока у девочек не было оснований считать по-другому, да и впоследствии таких оснований

не появилось. Немного позже мисс Скелетон привела к директрисе мисс Эллен Керр, чтобы та лично подтвердила, что нашла ночную сорочку мисс Броди под подушкой на двуспальной кровати мистера Лаутера. Она обнаружила ее аккуратно сложенной под дальней подушкой, у стены, когда меняла постельное белье.

Мисс Макей, женщина проницательная, чуявшая, что добыча близка, однако понимавшая, что она еще вне пределов ее досягаемости, потребовала ответа:

— Почему вы уверены, что ночная сорочка принадлежит мисс Броди? — Она стояла, положив руку на спинку кресла и подавшись вперед — вся внимание.

— Каждый имеет право делать собственные выводы, — вставила мисс Скелетон.

— Я обращаюсь к мисс Эллен.

— Да, каждый имеет право делать собственные выводы, — робко повторила мисс Эллен, и ее туго обтянутые кожей в красных прожилках щеки вспыхнули. — Она была крепдешиновая.

— Это не доказательство, — возразила мисс Макей, усаживаясь за стол. — Идите и возвращайтесь, когда у вас появятся убедительные доказательства. Что вы сделали с сорочкой? Вы

предъявили ее мисс Броди?

— О нет, мисс Макей, — ответила мисс Эллен.

— Надо было предъявить, сказать: «Мисс Броди, можно вас на минутку? Как вы можете объяснить вот это?» Вот что вам следовало сделать. Сорочка все еще там?

— О нет, она исчезла.

— Какое бесстыдство, — не выдержала мисс Скелетон.

Все это пересказала Сэнди сама директриса позднее, когда, с отвращением глядя на нее маленькими глазками и пытаясь уклониться от ответа на прямой вопрос, заданный этой женщиной с грубым лицом, Сэнди по разным другим соображениям ощутила потребность предать мисс Броди.

— Но прежде чем отбыть сегодня вечером домой, я должна позаботиться о еде для своего дорогого друга, — говорила мисс Броди тогда, летом тысяча девятьсот тридцать третьего года, прислонившейся к кухонной двери Сэнди, которая переминалась с ноги на ногу — ей не терпелось побегать у моря. Дженни тоже пришла, и они вместе стали поджидать мисс Броди, глядя на необозримый кухонный стол, заваленный купленной утром провизией. А в столовой, на обе-

денном столе, стояли гигантские вазы с фруктами и громоздившимися поверх них коробочками фиников, словно то было Рождество и кухня принадлежала готовившемуся к празднику отелю.

— А у мистера Лаутера от всего этого не случится запора? — спросила Сэнди.

— Нет, если он будет есть побольше овощей, — ответила Дженни.

Пока они ждали, когда мисс Броди с присущим ей героизмом закончит сдабривать приправами огромный окорок, из библиотеки донеслась протяжная песнь, которую исполнял мистер Лаутер — весьма скорбным голосом, аккомпанируя себе на рояле:

Живущий всяк в сем дольнем мире
Творцу с весельем гимн поет
И радость светлую несет
К великолепныя порфиры…

Мистер Лаутер был регентом хора и старостой церкви; тогда настоятель, мистер Скелетон, брат мисс Скелетон, еще не намекнул ему на необходимость отказаться от обеих этих обязанностей в связи с обнаружением ночной сорочки под подушкой на его кровати.

Наконец поставив кастрюлю с окороком на

медленный огонь и накрыв ее крышкой, мисс Броди подхватила псалом глубоким, почти контральтовым голосом, придав ему более плотское звучание:

Входите же со славой на устах в Его врата

И с радостью в сердцах — в Его пределы.

Дождь прекратился, теперь в соленом воздухе просто стояла влажная взвесь. Все то время, что они прогуливались вдоль берега под мерный шум прибоя, мисс Броди расспрашивала девочек о домашнем укладе семьи Тедди Ллойда, о том, какого сорта чаем их поили, насколько просторна и светла его мастерская и о чем они говорили.

— В мастерской он выглядел очень романтично, — признала Сэнди.

— В чем это выражалось?

— Я думаю, в том, что у него только одна рука, — сказала Дженни.

— Но рука у него всегда одна.

— Зато пользовался он ею больше, чем обычно.

— Он ею постоянно размахивал, — уточнила Дженни. — Из окна мастерской открывается чудесный вид. Это предмет его гордости.

— Мастерская находится в мансарде, я правильно поняла?

— Да, она тянется вдоль всего дома. Он нарисовал еще один семейный портрет, немного смешной: первым стоит он сам, очень высокий, потом его жена, а дальше — все его дети по росту, самый маленький сидит на полу. Получается диагональ, которая пересекает полотно.

— Что же в этом смешного? — спросила мисс Броди.

— Они все смотрят прямо перед собой и все очень серьезные, — сказала Сэнди. — Наверное, это сделано нарочно, чтобы вызвать смех.

Мисс Броди немного посмеялась. Вдали, на горизонте, красиво садилось солнце, отражаясь в море кровавыми полосами и набухая зловещим, как предвестье Божьей кары, багрянцем и золотом, словно, не коснувшись повседневной жизни, наступал конец света.

— Там есть еще портрет, — напомнила Дженни, — пока не законченный, портрет Роуз.

— Он написал портрет Роуз?

— Да.

— Роуз ему позировала?

— Да, около месяца.

Мисс Броди очень разволновалась:

— Роуз мне ничего не говорила об этом.

Сэнди спохватилась:

— Ой, я забыла. Это должно было быть для вас сюрпризом. Вы ничего не должны были пока знать.

— Как? Мне собираются показать этот портрет?

Сэнди выглядела смущенной, так как не была уверена, как именно Роуз намеревалась сделать из своего портрета сюрприз для мисс Броди.

— О, мисс Броди, на самом деле она хотела сделать вам сюрприз, пока сохраняя в тайне, что она позирует мистеру Ллойду.

Только тут Сэнди сообразила, что так оно и есть.

— А… — Мисс Броди казалась весьма довольной. — Это очень умно со стороны Роуз.

Сэнди почувствовала укол ревности: ум в Роуз не предполагался.

— А в чем она ему позирует? — спросила мисс Броди.

— В школьной форме, — ответила Сэнди.

— Она сидит боком, — добавила Дженни.

— В профиль, — поправила мисс Броди.

Мисс Броди остановила шедшего навстречу рыбака, купила лобстера для мистера Лаутера и

продолжила:

— Роуз будут много рисовать. В том числе и мистеру Ллойду она будет еще не раз позировать, ведь она принадлежит к сливкам общества.

Это было произнесено с вопросительной интонацией. Девочкам стало ясно, что она изо всех сил старается из их разрозненных замечаний составить цельную картину.

Дженни согласно поддакнула:

— О да, мистер Ллойд хочет нарисовать Роуз еще и в красном бархате.

А Сэнди добавила:

— У миссис Ллойд есть для этого кусок красного бархата, они уже пробовали задрапировать в него Роуз.

— Вас пригласили приходить еще? — спросила мисс Броди.

— Да, всех, — ответила Сэнди. — Мистер Ллойд считает, что мы — очень славная и веселая компания.

— Не кажется ли вам знаменательным, — заметила мисс Броди, — что именно вас шестерых выбрал мистер Ллойд, чтобы пригласить в мастерскую?

— Ну, мы же — клан, — сказала Дженни.

— А других девочек из школы он приглашал к

себе? — Ответ мисс Броди знала заранее.

— Нет, только нас.

— Это потому, что вы — мои. Скроены по моему образу и подобию, а я сейчас в расцвете лет.

Сэнди и Дженни не придавали особого значения тому факту, что учитель рисования пригласил их к себе всей группой, но теперь подумали, что в его отношении к клану Броди действительно было что-то особенное. Здесь крылась тайна, над которой стоило поломать голову, но уже сейчас было ясно, что, думая о них, он думал о мисс Броди.

— Он всегда спрашивает о вас, — сказала Сэнди. — Первым делом, как только увидит.

— Да, Роуз мне это говорила, — ответила мисс Броди. Внезапно, словно перелетные птички, Сэнди и Дженни, не сговариваясь, безо всякого предупреждения сорвались с места и принялись бегать по прибрежной гальке навстречу наполнившему воздух красками закату, потом возвращались к мисс Броди, которая рассказывала им о своих планах на предстоящие каникулы: оставив полнеющего мистера Лаутера кормиться дальше с помощью все тех же двух мисс Керр, она собиралась отправиться за границу, но на сей раз не в Италию, а в Германию, где канцлером стал Гитлер, профетическая фигура типа Томаса Кар-

лейля, притом более надежная, чем Муссолини. «Немецкие коричневорубашечники, — говорила она, — то же самое, что итальянские чернорубашечники, только они заслуживают большего доверия».

Летние каникулы Дженни и Сэнди проводили на ферме, где, честно признаться, уже через две недели имя мисс Броди поминалось ими нечасто; они с удовольствием ворошили сено и пасли овец. Это пока шли занятия, трудно было представить себе, что мир мисс Броди может быть почти забыт так же, как миры школьных сестринств Холируда, Мелроуза, Аргайла и Биггара.

— Интересно, понравится ли мистеру Лаутеру сладкое мясо, если я приготовлю его с рисом? — риторически вопросила мисс Броди.

5

— Смотрите, она похожа на мисс Броди! — воскликнула Сэнди. — Ужасно похожа на мисс Броди. — Но, сообразив, что, пока ее сорвавшееся с губ замечание дошло до ушей мистера и миссис Ллойд, оно обрело некий особый смысл, добавила: — Хотя, конечно, это Роуз, на Роуз это гораздо больше похоже, ужасно похоже на Роуз.

Тедди Ллойд передвинул новый портрет так, чтобы свет падал на него по-другому. Но лицо на портрете все равно походило налицо мисс Броди.

Дидра Ллойд сказала:

— Кажется, я никогда не встречалась с мисс Броди. У нее светлые волосы?

— Нет, — своим хриплым голосом ответил Тедди Ллойд, — темные.

Сэнди видела, что головка на портрете светловолосая, это, безусловно, был портрет Роуз. Она сидела в профиль, у окна, в школьной форме, ее ладони покоились на коленях. Так в чем же тут сходство с мисс Броди? Возможно, в профиле или форме лба; или во взгляде голубых глаз Роуз, весьма напоминавшем властный взгляд карих глаз мисс Броди. Так или иначе, лицо на портрете

было очень похоже на лицо мисс Броди.

— Да, конечно, это Роуз, — подтвердила Сэнди, и Дидра Ллойд удивленно посмотрела на нее.

— Тебе нравится портрет? — спросил Тедди Ллойд.

— Да, он замечательный.

— Ну и отлично, все остальное не важно.

Тем не менее Сэнди продолжала крохотными глазками пристально вглядываться в полотно, и Тедди Ллойд небрежным движением единственной руки набросил на него покрывало.

Для Сэнди Дидра Ллойд оказалась первой женщиной, одевавшейся в пейзанском стиле, который оставался в моде в течение следующих тридцати, а то и более лет. На ней была длинная темная юбка, сильно присборенная, ярко-зеленая блуза с закатанными рукавами, ожерелье из крупных раскрашенных деревянных бусин и цыганские серьги. Блуза была подпоясана широким красным кушаком. На ногах — темно-коричневые чулки и босоножки из темно-зеленой замши. В этом и разных других нарядах того же стиля Дидра была изображена на холстах, расставленных в разных частях мастерской. У нее был приятный, со смешинкой голос.

— У нас есть и новый портрет Роуз, — сообщила

она. — Тедди, покажи Сэнди тот, новый портрет.

— На него еще рано смотреть.

— Ну а «Красный бархат»? Покажи. Прошлым летом Тедди сделал восхитительный портрет Роуз, мы задрапировали ее в красный бархат и картину так назвали — «Красный бархат».

Тедди Ллойд достал холст из-за нескольких других прислоненных к стене и поставил на мольберт ближе к свету. Сэнди посмотрела на картину своими такими крохотными глазками, что было бы удивительно, если бы они кому-то внушили доверие.

Лицо на портрете было похоже на лицо мисс Броди. Сэнди сказала:

— Мне нравятся краски.

— А этот портрет напоминает мисс Броди? — спросила Дидра Ллойд голосом, в котором, казалось, вот-вот зазвенит смех.

— Мисс Броди — женщина в расцвете лет, — проговорила Сэнди, — но теперь, когда вы спросили, я вижу, что какое-то отдаленное сходство действительно есть.

Дидра Ллойд ответила:

— Роуз в то время было всего четырнадцать, но на портрете она выглядит очень зрелой. Впрочем, она и вправду очень зрелая.

Темно-красный бархат был уложен так, что производил сразу два неожиданных эффекта: во-первых, казалось, рука у Роуз только одна, как у самого художника, во-вторых, пышные складки делали грудь более развитой, чем она была на самом деле даже теперь, когда Роуз исполнилось пятнадцать. Кроме того, портрет снова вызывал ассоциацию с мисс Броди, и это было в нем главным, в этом крылась главная тайна. У Роуз было широкоскулое бледное лицо. Скулы мисс Броди были узкими, а глаза, нос и рот — крупными. Невозможно было понять, как Тедди Ллойду удалось наложить смуглокожий римский облик мисс Броди на бледное лицо Роуз, но он это сделал.

Сэнди еще раз обвела взглядом расставленные в мастерской недавно выполненные портреты — жены Тедди Ллойда, его детей, неизвестных натурщиц. Ни в одном не было сходства с мисс Броди.

Потом она заметила рисунок, он лежал поверх стопки других на рабочем столе. Это была мисс Броди. Она стояла на Лаунмаркете, прислонившись к фонарному столбу и кутаясь в шаль, как фабричная работница. При более пристальном рассмотрении это оказалась Моника Дуглас — девочка с высокими скулами и длинным носом.

— Я не знала, что и Моника вам позировала, — сказала Сэнди.

— Я сделал лишь несколько предварительных набросков. Ты не находишь, что этот антураж ей весьма подходит? А вот эскиз портрета Юнис в костюме Арлекина. Мне показалось, она будет в нем отлично выглядеть.

Сэнди рассердилась. Эти две, Моника и Юнис, ни словом не обмолвились им, что позировали учителю рисования. Впрочем, теперь, когда им уже по пятнадцать, они многое утаивали друг от друга. Она внимательней всмотрелась в рисунок.

В костюме Арлекина Юнис выступала в школьном спектакле. Маленькая, ладная, с острыми чертами лица, на рисунке она все равно была похожа на мисс Броди. Сбитая с толку, озадаченная, Сэнди все же была зачарована экономностью метода Тедди Ллойда, как четырьмя годами раньше — вариациями мисс Броди на тему истории своей любви, когда она первому, времен войны возлюбленному придавала черты учителя рисования и учителя пения, тогда только входивших в ее орбиту. Тедди Ллойд использовал тот же экономный метод, и впоследствии Сэнди всегда считала, что при наличии выбора самый экономный ва-

риант и есть самый лучший, так как позволяет наиболее рационально воспользоваться всеми имеющимися под рукой средствами. Исходя именно из этого принципа она и действовала, когда пришло время предать мисс Броди.

Дженни плохо сдала последние экзамены и в те дни преимущественно сидела дома, наверстывая упущенное и готовясь к переэкзаменовке. У Сэнди создалось отчетливое ощущение, что клан, не говоря уж о самой мисс Броди, отбивается от рук, и она думала, что, возможно, даже лучше, чтобы он распался вовсе.

Где-то внизу заплакал один из маленьких Ллойдов, за ним — другой, потом все хором. Дидра Ллойд, взмахнув подолом пейзанской юбки, побежала смотреть, что случилось. Ллойды были католиками, и религия обязывала их иметь много детей, независимо от их собственного желания.

— Мне хотелось бы когда-нибудь, — проговорил Тедди Ллойд, собирая эскизы, перед тем как повести Сэнди пить чай, — нарисовать вас всех, девочек Броди, каждую в отдельности, а потом всех вместе. — Он вскинул голову, чтобы убрать с глаз золотистый локон. — Очень интересно написать вас всех вместе и посмотреть, что за групповой портрет у меня получится.

Сэнди подумала, что в таком желании, вероятно, подспудно кроется попытка сохранить единство клана Броди ценой только начавших проявляться индивидуальностей его представительниц. Она повернулась к нему и с внезапно вспыхнувшим раздражением, какое в последнее время посещало ее нередко, ответила:

— Полагаю, все мы будем выглядеть как одна большая мисс Броди.

Он счастливо рассмеялся и посмотрел на нее пристальней, словно видел впервые. Она ответила ему таким же пристальным взглядом маленьких глаз, в котором можно было различить дерзкий шантаж осведомленностью. Он поцеловал ее долгим влажным поцелуем и хрипло сказал:

— Пусть это послужит тебе уроком: чтобы не мерила художника неподходящими мерками.

Она бросилась к двери, тыльной стороной ладони вытирая губы, но он своей единственной рукой поймал ее:

— Нет никакой необходимости убегать. Просто ты — едва ли не самое уродливое маленькое существо, какое я видел в жизни, — после чего вышел, бросив ее в мастерской, и ей не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним

вниз. Из гостиной донесся голос Дидры Ллойд:

— Иди сюда, Сэнди.

За чаем она пыталась осмыслить чувства, какие вызвала у нее только что случившаяся сцена, но это оказалось трудно, поскольку присутствовавшие за столом дети без конца требовали ее внимания. Старший мальчик, которому было восемь, включил радиоприемник и под аккомпанемент оркестра Генри Холла принялся, жеманно пародируя английскую интонацию, петь «О, сыграй мне, цыган». Трое остальных галдели каждый на свой лад. Поверх всего этого шума Дидра уговаривала Сэнди называть ее по имени, а не «миссис Ллойд». Поэтому у Сэнди не было возможности разобраться, какие чувства всколыхнули в ней поцелуй Тедди Ллойда и его слова, и решить, было это оскорбительно для нее или нет. Сам мистер Ллойд развязно предложил:

— А меня за пределами школы можешь называть Тедди.

Между собой девочки и так уже называли его Тедди-маляр. Сэнди по очереди обвела взглядом всех Ллойдов.

— Я столько слышала от девочек о мисс Броди, — между тем говорила Дидра. — Нужно непременно пригласить ее на чай. Как ты дума-

ешь, она придет?

— Нет, — ответил Тедди.

— Почему? — спросила Дидра абсолютно безразличным тоном и, не вставая с низкого табурета, на котором сидела, пустила по кругу тарелку с печеньем; она была такая томная, с такими длинными изящными руками.

— Эй, дети, прекратите гвалт, а то выгоню из комнаты, — прикрикнул Тедди.

— Приведи мисс Броди к нам на чай, — попросила Сэнди Дидра.

— Она не придет, — отозвался Тедди. — Правда, Сэнди?

— Она страшно занята, — ответила Сэнди.

— Дай мне сигарету, — сказала Дидра.

— Она все еще опекает Лаутера? — поинтересовался Тедди.

— Ну… да, немного…

— У Лаутера, должно быть, есть свой подход к женщинам, — проговорил Тедди, махнув единственной рукой. — Половина нашего женского коллектива проявляет о нем заботу. Почему он не наймет экономку? У него же куча денег: ни жены, ни детей и аренду платить не нужно — дом у него собственный. Почему бы ему не нанять толковую экономку?

— Думаю, ему нравится мисс Броди, — сказала Сэнди.

— Но что она в нем нашла?

— Он ей поет, — неожиданно резко ответила Сэнди.

Дидра рассмеялась:

— Должна сказать, ваша мисс Броди — женщина с причудами. Сколько ей лет?

— Джин Броди, — проговорил Тедди, — удивительная женщина в расцвете лет. — Он встал, отбросил назад прядь волос и вышел из комнаты.

Дидра задумчиво выпустила облачко дыма и погасила сигарету. Сэнди заявила, что ей пора уходить.

В последние два года мистер Лаутер доставлял мисс Броди массу тревог. Одно время казалось, что он подумывает жениться на мисс Элисон Керр, потом — что он обратил благосклонность на мисс Эллен, при этом он всегда оставался по-настоящему влюбленным в мисс Броди, которая отказывала ему во всем за исключением постели и заботы о его питании.

Он пресытился едой, от которой толстел, становился вялым и терял голос. Ему хотелось иметь жену, с которой можно играть в гольф и для кото-

рой петь. Он мечтал провести медовый месяц на Эйгге, одном из Гебридских островов, неподалеку от заповедника «Остров Рам», а потом вернуться с женой в Крэмонд.

В разгар этих его метаний Эллен Керр и нашла дорогую ночную сорочку под подушкой рядом с подушкой самого мистера Лаутера, на его двуспальной кровати, на которой — в довершение всех бед — он еще и родился.

Однако мисс Броди ответила отказом на его предложение. Он впал в меланхолию из-за отставки с постов регента хора и старосты прихода, а девочки думали — из-за того, что, по его мнению, мисс Броди не могла смириться с его короткими ногами и все еще сохла подлинным ногам Тедди Ллойда.

Все это мисс Броди исподволь внушала девочкам по мере того, как они взрослели, переходя из тринадцатилетнего возраста в четырнадцатилетний, а потом и пятнадцатилетний. Она не говорила им, даже в завуалированной форме, о том, что спала с учителем пения, потому что продолжала испытывать их, чтобы понять, кому она может полностью доверять, как она сама выражалась. Она не хотела, чтобы у их родителей возникли тревожные подозрения. Мисс

Броди всегда заботилась о том, чтобы произвести впечатление на родителей своих девочек, заслужить их одобрение и благодарность. Поэтому она делилась с девочками только тем, что казалось целесообразным в данный момент, и по-прежнему высматривала среди них ту, на которую могла положиться целиком, чье любопытство пересилило бы желание произвести сенсацию и которая в жажде дальнейших откровений мисс Броди никогда не разгласила бы того, что ей уже известно. Предосторожность требовала ограничиться одной девочкой; две были бы уже опасны. Она расчетливо остановила выбор на Сэнди, но даже и после этого говорила с ней обо всем, кроме своих интимных дел.

Летом тысяча девятьсот тридцать пятого года всю школу обязали носить на лацкане блейзера красно-бело-голубую розетку в ознаменование Серебряного юбилея[40]. Роуз Стэнли потеряла розетку — вероятно, в мастерской Тедди Ллойда, сказала она. Это случилось вскоре после визита Сэнди в дом учителя рисования.

— Что ты собираешься делать во время летних

---

[40] Примечания: 40

В 1935 году в Англии широко праздновалось двадцатипятилетие правления короля Георга V; красный, синий и белый — цвета английского флага.

каникул, Роуз? — спросила мисс Броди.

— Папа везет меня на две недели в горы. А потом — не знаю. Может быть, буду время от времени позировать мистеру Ллойду.

— Отлично, — сказала мисс Броди.

Делиться с Сэнди сокровенной информацией мисс Броди начала после следующих летних каникул. Той ранней солнечной осенью они по окончании уроков нередко играли в гольф.

— Все мои честолюбивые замыслы, — говорила мисс Броди, — связаны с тобой и Роуз. Другим девочкам говорить об этом не нужно, чтобы не возбуждать зависть. Я возлагала некоторые надежды на Дженни, она такая хорошенькая, но Дженни стала какой-то скучной, тебе так не кажется?

Вопрос был не без подтекста, потому что подразумевал то, что уже зрело в голове Сэнди. За последний год Дженни наскучила ей, и Сэнди осталась в одиночестве.

— Не кажется? — повторила мисс Броди, возвышаясь над Сэнди, готовившейся выбить мяч из бункера. Сэнди произвела резкий удар нибликом[41] и, послав мяч чуть дальше полукруга,

---

[41] Примечания: 41

Клюшка с кованой головкой для игры при трудных препятствиях.

сказала:

— Да, есть немного.

— Были у меня надежды и на Юнис, — минуту спустя продолжила мисс Броди, — но она, кажется, увлечена каким-то мальчиком, с которым ходит в бассейн.

Сэнди еще не вышла из бункера. За ходом мысли мисс Броди порой, когда она начинала пророчествовать, уследить было трудно. В этих случаях следовало проявить терпение, чтобы понять, к чему она клонит. Сэнди подняла голову и посмотрела на мисс Броди, стоявшую на гребне бункера, в свою очередь располагавшегося на гребне холмистого поля. Та выглядела восхитительно — в серо-лиловом твидовом костюме, с теплым загаром, все еще покрывавшим кожу после недавних каникул, проведенных в Египте. Разговаривая с Сэнди, она смотрела на раскинувшийся у подножия холма Эдинбург.

Сэнди вышла из бункера.

— Юнис, — говорила мисс Броди, — остепенится и выйдет замуж за какого-нибудь человека свободной профессии. Возможно, мое воспитание окажется для нее небесполезным. Мэри… ну, Мэри… На нее я никогда не возлагала никаких надежд. Правда, когда вы были еще маленьки-

ми, мне приходило в голову, что из Мэри что-то получится. В каком-то смысле она была даже трогательной. Только уж больно она меня раздражает; я бы скорее предпочла иметь дело с негодяем, чем с дураком. Не сомневаюсь, Моника с отличием получит степень бакалавра, но нет у нее духовной интуиции… и именно потому…

Настала очередь мисс Броди бить по мячу. Она решила помолчать, пока зрительно не определит расстояние и не нанесет удар, после чего продолжила:

— …и именно потому у нее дурной характер, она ничего не понимает, кроме своих значков, символов и расчетов. Ничто не делает людей такими невыдержанными, как отсутствие духовной интуиции, Сэнди, вот почему мусульмане такие невозмутимые — они в избытке наделены духовной интуицией. Мой переводчик в Египте никак не мог смириться с тем, что пятница у них считается Божьим днем. «Каждый день — Божий», — сказал он. Мне эта мысль показалась очень глубокой, я почувствовала себя посрамленной. Мы уже распрощались накануне моего отъезда, но — ты представляешь себе? — я уже сижу в поезде и вижу: по перрону идет мой переводчик с дивным букетом цветов для меня. В

нем было истинное достоинство. Сэнди, у тебя ничего не получится, если ты будешь горбиться над короткой клюшкой, отведи плечи назад и склоняйся ровно, от пояса. Он был замечательной личностью и умел великолепно держаться.

Подобрав мячи, они пошли к следующей метке.

— Вы когда-нибудь играли с мисс Локхарт? — спросила Сэнди.

— А она играет в гольф?

— Да, и очень неплохо. — Однажды в субботу Сэнди, к своему удивлению, увидела на поле для гольфа учительницу естествознания разыгрывающей партию с Гордоном Лаутером.

— Отличный удар, Сэнди. Я мало что знаю о мисс Локхарт, — сказала мисс Броди. — Предоставляю ее склянкам и газам. Все эти женщины, преподающие в старшей школе, неисправимые материалистки, они являются членами Фабианского общества[42] и пацифистками. Именно против подобных убеждений выступаем мы — мистер Лаутер, мистер Ллойд и я, — когда оста-

[42] Примечания: 42

Политическая социал-реформистская организация английских интеллигентов, проповедовавшая постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем частичных реформ.

ется время от борьбы с узколобыми недоучками, работающими в младшей школе. Сэнди, я уверена, что у тебя близорукость, ты всегда щуришься, когда смотришь на человека. Тебе нужны очки.

— Ничего подобного, — раздраженно ответила Сэнди, — так только кажется.

— Это действует на нервы, — сказала мисс Броди. — Знаешь, Сэнди, дорогая, все мои честолюбивые помыслы связаны с тобой и Роуз. У тебя есть интуиция, быть может, не совсем духовная, но ты девочка глубокая, а у Роуз — инстинкт, да, у Роуз инстинкт.

— Быть может, не совсем духовный, — ехидно вставила Сэнди.

— Да, — согласилась мисс Броди, — ты права. Но будущее у Роуз есть именно благодаря ее инстинкту.

— Благодаря своему инстинкту она знает, как позировать для портретов, — добавила Сэнди.

— Вот это-то я и имею в виду, когда говорю о твоей интуиции, — подхватила мисс Броди. — Мне ли не знать, ведь пора расцвета подарила мне и интуицию, и инстинкт.

Чтобы в полной мере разобраться в собственном нынешнем состоянии, Сэнди ходила к Сент-Джайлсскому собору или Толбуту и, стоя

перед ними, размышляла об этих символах мрачного и внушающего ужас спасения, по сравнению с которыми даже сожжение на костре проклятых церковью представлялось воображению веселой забавой. Ни дома, ни в школе никто и никогда в ее жизни не отзывался о кальвинизме иначе как о шутке, некогда принятой всерьез. В то время Сэнди не осознавала, что для ее социального окружения внешние проявления особенностей, свойственных ее городу, не характерны настолько, насколько они характерны для социальных кругов эдинбуржцев чуть более высокого или — даже в большей степени — чуть более низкого, чем ее собственный, уровня. Она вообще не ощущала принадлежности к какому бы то ни было классу. Во внешнем проявлении образ первых пятнадцати лет ее жизни ничем не отличался от образа жизни любого подростка, выросшего в любом предместье любого города Британских островов. Ее школа с системой конкурирующих друг с другом сестринств могла с тем же успехом находиться в Илинге[43]. Теперь же она понимала лишь то, что некое особое качество жизни, присущее одному Эдинбургу и никакому другому

[43] Примечания: 43
Предместье Лондона.

городу на земле, существовало всегда, но было ей совершенно неведомо, и сколь бы ни было оно ей чуждо, ощущение того, что ее в свое время его лишили, не отпускало; каким бы оно ни было чуждым, она желала знать, что оно собой представляет, и освободиться от защиты, коей ограждали ее от него люди сведущие.

Тем, чего оказалась лишена Сэнди, была религия Кальвина или, точнее говоря, открытое ее признание. Ей было необходимо обрести это положенное по праву рождения признание, чтобы потом осознанно отвергнуть его. Насыщенность родных мест кальвинизмом была пропорциональна его официальной непризнанности. В некотором роде наиболее откровенными и твердыми в своих убеждениях людьми, известными Сэнди, были мисс Скелетон и сестры Керр, которые безоговорочно верили, что еще до рождения почти каждому человеку Бог уготовил неприятный сюрприз после смерти. Позднее, прочитав труды Кальвина, Сэнди обнаружила, что, хоть общепринятое понимание кальвинизма зачастую бывает ошибочным, в этом конкретном тезисе никакой ошибки нет: кальвинизм действительно подразумевает, что Бог находит удовольствие в том, чтобы при земной жизни внушать людям

ложное ощущение радости и веры в спасение, — тем ужасней будет для них финальный сюрприз.

Сэнди не могла четко сформулировать эти волнующие постулаты, однако чуяла, что они носятся в воздухе, ощущала потому, например, с каким вызовом знакомые ей люди не соблюдали священный день отдохновения, или по эксцессам поведения мисс Броди в расцвете лет. Теперь, обретя право гулять в одиночку, она бродила по ранее запретным для нее местам Эдинбурга, разглядывала потемневшие от времени памятники, прислушивалась к несусветным ругательствам пьяных мужчин и женщин, сравнивала их лица с лицами знакомых ей людей из Морнингсайда и Мерчистона[44] и, испытывая новые для себя, тревожные уколы кальвинистского чувства вины, видела, что особенной разницы между теми и другими нет.

Она начала смутно догадываться, в чем кроются причины деяний мисс Броди: видимо, та предпочла доказывать свою богоизбранность особым образом жизни, доставлявшим ей более экзотическое, хоть и не менее самоубийственное удовольствие, чем обыкновенное пьянство, к

---

[44] Примечания: 44
Районы Эдинбурга, где в основном живут люди среднего достатка.

каковому прибегали другие старые девы, дойдя до последнего предела.

Стало ясно: мисс Броди предназначила Роуз с ее инстинктом в любовницы Тедди Ллойду, а Сэнди с ее интуицией — в информаторы, чтобы держать ее в курсе развития романа. Именно ради этой конечной цели Роуз и Сэнди были в свое время выбраны ею в *сливки общества.* От всей этой затеи попахивало серой, но именно это и привлекало Сэнди в нынешнем состоянии ее духа. Ведь это пока лишь голая идея. Никакой спешки не предполагалось, ибо мисс Броди любила осуществлять планы медленно, смакуя удовольствие — в первую очередь от приготовлений, — а кроме того, хоть планы эти были совершенно ясны и ей самой, и Сэнди, девочки были еще слишком юны. Тем не менее к тому времени, когда им исполнилось по шестнадцать, мисс Броди уже говорила им всем: «Из Сэнди получится превосходный тайный агент, великая шпионка», а в приватных разговорах с Сэнди начала утверждать: «Роуз будет выдающейся любовницей. Она выше общепринятых моральных принципов, к ней они не применимы. Это факт, не предназначенный для ушей тех, кто не наделен интуицией». Более года Сэнди проникалась духом этого замысла, так

как часто бывала у Ллойдов и могла сообщать мисс Броди, как идут дела с портретом Роуз, столь похожей на нем на мисс Броди.

— Роуз, — говорила мисс Броди, — как героиня романа Д. Г. Лоуренса: у нее есть инстинкт.

Но интерес учителя рисования к Роуз наделе оказался чисто профессиональным: она была отличной натурщицей; Роуз обладала инстинктом… довольствоваться своей ролью, и в конце концов спать с Тэдди Ллойдом стала Сэнди, а сообщила об этом мисс Броди Роуз.

Но до того, как это случилось, мисс Броди, забросив мистера Лаутера в его крэмондском доме, тратила все свое свободное время на беседы с Роуз и Сэнди; они обсуждали проблемы искусства, вопросы позирования художнику и будущее Роуз в качестве натурщицы, говорили о необходимости для Роуз реализовать внутреннюю силу, какой она обладает, потому что сила эта является ниспосланным ей даром, благодаря которому Роуз представляет собой исключение из всех правил, то самое исключение, подтверждающее правило. Мисс Броди тщательно следила за тем, чтобы избегать всякой конкретики, и Роуз лишь наполовину догадывалась, что имеет в виду мисс Броди, поскольку в то время, как понимала Сэнди, она,

следуя пресловутому инстинкту, уже привлекала своей сексуальностью внимание мальчиков-старшеклассников, которые неловко топтались с велосипедами на безопасном расстоянии от ворот школы Марсии Блейн. Роуз пользовалась огромной популярностью среди этих мальчиков, что являлось единственным источником легенд о ее незаурядной сексуальности, хотя она никогда не говорила о сексе, а тем более не предавалась ему. Она все делала инстинктивно, даже мисс Броди слушала так, словно соглашалась с каждым ее словом.

— В семнадцать или восемнадцать лет, Роуз, ты переживешь момент великого самоосуществления.

— Да, честно признаться, я и сама так считаю, мисс Броди.

Страсть Тедди Ллойда к Джин Броди была совершенно очевидна на всех сделанных им портретах представительниц ее клана. Во время одного из летних семестров он написал их групповой портрет; все они были изображены в панамах, надетых у каждой на свой лад, однако из-под каждой смотрело магически перевоплощенное из Роуз, Сэнди, Дженни, Мэри, Моники и Юнис лицо Джин Броди. Но более всех походила на нее

все же Роуз: в силу инстинкта она была хорошей натурщицей, недаром Тедди Ллойд платил ей пять шиллингов за сеанс, что для Роуз, пристрастившейся к кино, было отнюдь нелишне.

В те времена Сэнди с сердечным сочувствием относилась к мисс Броди, видя, как та заблуждается в оценке Роуз. Это было тогда, когда мисс Броди стала вдруг выглядеть прекрасной и хрупкой, точно так же как это случалось с темным тяжеловесным Эдинбургом, неожиданно превращавшимся в невесомо-парящий город, когда жемчужно-белый свет падал на одну из его изящно прочерченных улиц. Вот и властные черты мисс Броди начинали казаться Сэнди чистыми и нежными в обманчивом свете женского каприза; никогда в последующие годы она не испытывала такого умиления, как тогда, когда вспоминала о мисс Броди как о милой глупышке.

Но мисс Броди как лидер клана, мисс Броди как римская матрона, мисс Броди как просветитель-реформатор все еще оставалась личностью выдающейся. С точки зрения школьных условностей ассоциированность с мисс Броди была не всегда удобна. Уже одного отсутствия командного духа и того факта, что клан Броди предпочитал гольф хоккею или нетболу, если у него вообще

имелись предпочтения в спорте, было достаточно, чтобы клан воспринимался стоящим особняком, даже если бы девочки не приминали тульи панам и не заворачивали поля неположенным способом. Вырваться из клана Броди было невозможно хотя бы потому, что в глазах окружающих они все равно остались бы его членами. Номинально кто-то из них принадлежал к Холируду, кто-то — к Мелроузу, Аргайлу или Биггару, но всем в школе было отлично известно: девочки клана Броди лишены командного духа и им совершенно безразлично, какое сестринство получит призовой вымпел. Им было запрещено относиться к этому заинтересованно. Их равнодушие было теперь возведено в принцип, который должно было уважать так же, как другие уважали систему сестринств. Что касается самих шести девочек, то, не пристань к ним эта репутация, каждая из них к моменту шестнадцатилетия, то есть к выпускному классу высшей ступени, давно бы уже избрала свой путь.

Но изменить ничего уже было невозможно, и они старались извлечь максимум пользы из своего положения, тем более что у окружающих оно вызывало зависть. Все считали, что клан Броди живет веселее остальных — взять хотя бы

визиты в Крэмонд, в мастерскую Тедди Ллойда, посещения театров и чайные посиделки у мисс Броди. Это и впрямь было так. И мисс Броди, даже с точки зрения девочек, не входивших в ее клан, всегда представлялась личностью, окруженной чарующим ореолом.

Борьба мисс Броди с администрацией школы по поводу ее системы обучения с годами становилась все более суровой, и она вменила своим девочкам в качестве морального долга еще теснее сплачиваться вокруг нее, когда эта борьба достигала критической точки. В этих случаях она находила их после уроков, например, околачивающимися за школьными воротами с велосипедистами — те тут же поспешно срывались с места и уезжали, — и приглашала к себе поужинать на следующий день.

Они провожали ее до трамвайной остановки.

— Мне снова предложили поискать работу в одной из этих новомодных передовых школ. Но я не стану работать ни в какой такой вывихнутой школе с претензиями. Я останусь на этой фабрике образования. Здесь нужны крепкие дрожжи. Дайте мне любую восприимчивую и податливую девочку годами помладше — и она моя на всю жизнь. У шайки, которая пытается меня выжить,

ничего не выйдет.

— Конечно, нет, — подтверждали все. — Разумеется, у них ничего не выйдет.

Директриса все еще не оставляла попыток прощупывать девочек Броди, дабы выведать, что им известно. От бессилия она порой подвергала их наказаниям, когда находила благовидный предлог, но такое случалось нечасто.

— Если они не смогут отделаться от меня на основании моих принципов обучения, то попытаются оклеветать меня, — сказала однажды мисс Броди. — К несчастью, следует признать: мои отношения с бедным мистером Лаутером могут при желании дать им повод очернить меня. Как все вы знаете, я отдала много сил заботам о здоровье мистера Лаутера. Мне нравится мистер Лаутер. Почему бы и нет? Разве не предписано нам свыше любить друг друга? Я — самый близкий друг Гордона Лаутера, его конфидентка. Боюсь, в последнее время я не уделяла ему должного внимания, но я для него по-прежнему — все, и стоит мне пошевелить мизинцем, он тут же встанет со мною рядом. Кое-кто извращает характер наших отношений…

Мисс Броди не уделяла учителю пения должного внимания уже несколько месяцев, и девочки

более не проводили субботних дней в Крэмонде. Поразмыслив, Сэнди пришла к выводу: мисс Броди перестала спать с Гордоном Лаутером, поскольку удовлетворяла теперь свое плотское влечение «по доверенности», предназначив Роуз в любовницы Тедди Ллойду.

— Все то хорошее, что я сделала в Крэмонде, было опорочено, — утверждала мисс Броди. — Но я это переживу. Если бы я хотела, я могла бы завтра же выйти за него замуж.

На следующее утро после того, как она это провозгласила, в газете «Скотсмен» появилось объявление о помолвке Гордона Лаутера с мисс Локхарт, учительницей естествознания. Этого никто не ожидал. Мисс Броди испытала потрясение и жестоко страдала, считая, что ее предали. Но со временем, похоже, оправилась, убедив себя, что истинная любовь ее жизни — Тедди Ллойд, которого она сама отвергла, а Гордон Лаутер просто оказался ей временно полезным. Она, как и все преподаватели, внесла деньги на чайный сервиз, каковой был вручен чете на итоговом собрании семестра. Мистер Лаутер, стоя на возвышении, произнес речь, в которой назвал коллег «своими девочками», при этом он время от времени бросал робкие взгляды на мисс Броди,

любовавшуюся облаками за окном. Иногда он взирал на будущую жену, спокойно стоявшую подле директрисы посреди зала и ожидавшую, когда он закончит речь, чтобы присоединиться к нему. Мисс Локхарт внушала ему, как и всем прочим, доверие: она не только прекрасно играла в гольф и водила машину, своей банкой пороху она могла взорвать всю школу, но никогда об этом даже не помышляла.

Мисс Броди, не сводившая карих глаз с облаков, выглядела очень красивой и хрупкой, и Сэнди пришло в голову — вероятно, она отвергла Тедди Ллойда только потому, что сознавала: эту красоту не удастся поддерживать постоянно, она то начинала светиться в ней, то гасла.

В следующем семестре, когда мистер Лаутер вернулся после медового месяца, проведенного на острове Эйгг, освободившуюся энергию мисс Броди направили на осуществление плана, касавшегося Сэнди с ее интуицией и Роуз с ее инстинктом; а оставшуюся сверх этого — на политические размышления.

6

Мисс Макей, директриса, не сдавалась и продолжала прощупывать клан Броди. Она понимала, что делать это напрямую — бесполезно, поэтому шла окольными путями в надежде обманом выманить у девочек какой-нибудь кусочек информации, какую можно было бы использовать, чтобы заставить мисс Броди уйти. Раз в семестр девочек приглашали к мисс Макей на чай.

Однако теперь оставалось очень мало такого, что они могли бы ей рассказать, не впутав в дело себя. К тому времени их дружбе с мисс Броди сравнялось уже семь лет, она проникла в их плоть и кровь, поэтому невозможно было порвать ее, не нанеся при этом травмы себе.

— Вы по-прежнему поддерживаете отношения с мисс Броди? — спрашивала мисс Макей, сияя улыбкой — у нее были новые зубы.

— Ну, в общем… да…

— Да, время от времени…

Когда настала очередь Сэнди пить чай у директрисы, та доверительно — ибо обращалась со старшеклассницами как с равными, точнее, как с равными, но все же носившими пока школьную

форму, — проговорила:

— Милая мисс Броди, она по-прежнему сидит под вязом и рассказывает малышам удивительную историю своей жизни. Я помню, когда мисс Броди только еще пришла в школу, она была энергичной молодой учительницей, но теперь… — Мисс Макей вздохнула и покачала головой. Она имела обыкновение пересыпать речь мудрыми изречениями, произнося их на шотландском наречии, чтобы они казались еще мудрее. В данном случае она сказала: — Чего нельзя исправить, то следует терпеть. Боюсь, лучшие годы мисс Броди уже позади. Сомневаюсь, чтобы ее класс в этом году сдал переходные экзамены. Но не думай, что я критикую мисс Броди. Она, конечно, любит пропустить стаканчик, не сомневаюсь, но, в конце концов, какое кому дело, если это не отражается на работе и на вас, девочках.

— Она не пьет, — возразила Сэнди, — только шерри в день своего рождения — полбутылки на семерых.

Было почти видно, как мисс Макей мысленно вычеркивает пьянство из списка предполагаемых грехов мисс Броди.

— О, я ничего другого и не имела в виду, — сказала она.

Теперь, когда им было по семнадцать, девочки мисс Броди научились отделять ее самое от мисс Броди — учительницы. Всесторонне обсудив ее между собой, они вынуждены были в итоге признать, что она, без сомнения, привлекательна как женщина. Ее глаза блестели, нос имел благородную горбинку, в волосах не было и намека на седину, и они женственно вились на затылке. Учитель пения, вполне довольный жизнью с мисс Локхарт, которая была теперь потеряна для школы, всегда, когда бы ни увидел мисс Броди, смотрел на нее из-под рыжих бровей с восхищением и приятными воспоминаниями.

Одной из самых горячих ее поклонниц была новая девочка по имени Джойс Эмили Хэммонд, в последней надежде отданная родителями в школу Блейн после того, как им пришлось забрать ее из целого ряда дорогих частных учебных заведений к северу и к югу от границ Шотландии из-за якобы неисправимой склонности к хулиганству, которое, однако, пока проявилось только в том, что она раз или два запустила бумажными шариками в мистера Лаутера, травмировав при этом лишь его чувства, но не его самого. Она настаивала, чтобы ее называли Джойс Эмили, по утрам приезжала в школу на большой черной машине

с шофером, хотя возвращаться домой должна была самостоятельно, и жила в огромном доме с конюшнями в ближайшем пригороде Эдинбурга. Родители Джойс Эмили, хоть и были богаты, попросили взять ее в школу с испытательным сроком, чтобы зря не тратиться на новую школьную форму. Поэтому Джойс Эмили все еще носила прежнюю, темно-зеленую, между тем как все остальные ученицы ходили в темно-лиловой, и хвасталась тем, что у нее в шкафу висят пять комплектов формы разных цветов из предыдущих школ, а также реликты, оставленные ею на память о бывших гувернантках: внушительный клок волос, собственноручно отрезанных ею от накладной косы одной, книжка сберегательного банка при почтовом отделении, принадлежавшая другой, по имени мисс Миши, и обгорелые останки наволочки, на которой покоилась голова третьей, мисс Чемберс, когда Джойс Эмили развела под ней огонь.

Девочки слушали ее болтовню, но в общем не одобряли новенькую, не только из-за ее зеленых чулок и юбки, ее блестящей машины и шофера, но и потому, что жизнь была уже до краев заполнена подготовкой к экзаменам и спортивными соревнованиями. Больше всего Джойс Эмили

хотелось примкнуть к клану Броди, поскольку она ощущала его обособленность, но эти девочки как никто другой не желали принимать ее в свои ряды. За исключением Мэри Макгрегор они были одними из самых блестящих девочек в школе, что служило камнем преткновения для мисс Макей в ее попытках дискредитировать мисс Броди.

Более того, у клана Броди были внешкольные интересы. Юнис имела приятеля, с которым они занимались плаванием и нырянием. Моника Дуглас и Мэри Макгрегор вместе ходили по трущобам, раздавая нищим бакалейные товары, хотя, по слухам, Мэри отпускала при этом нелепые замечания вроде: «А почему они не едят пирожных?» (На самом деле она, услышав жалобы на непомерные цены на мыло, как-то сказала: «А почему они не сдают свою одежду в прачечную?») У Дженни уже прорезался актерский талант, и она пропадала в школьном драмкружке на бесконечных репетициях. Роуз позировала Тедди Ллойду, Сэнди иногда ходила вместе с ней, внимательно наблюдала и порой забавлялась мыслью спровоцировать Тедди Ллойда еще раз поцеловать ее, чтобы проверить, можно ли это сделать, всего лишь дерзко посмотрев на него маленькими глазками. В дополнение к этим за-

нятиям девочки навещали мисс Броди по две или по три, а иногда и все вместе, после уроков. Именно тогда, в тысяча девятьсот тридцать седьмом, она особенно пестовала Роуз, с пристрастием расспрашивала Сэнди и внимательно слушала ее ответы, чтобы понять, как идет подготовка к великому любовному роману, который вот-вот должен был вспыхнуть между Роуз и учителем рисования.

Так что некогда им было заниматься оторвой, которую родители, пользуясь своим влиянием, спихнули на школу, пусть даже оторвой она, судя по всему, была лишь номинально. А вот мисс Броди находила для нее время. Ее девочкам это не очень нравилось, но их устраивало, что мисс Броди не заставляла их общаться с Джойс Эмили, к себе на чай и в театры она приглашала ее отдельно от них.

Одним из поводов для хвастовства Джойс Эмили было то, что ее брат, студент Оксфорда, отправился в Испанию участвовать в гражданской войне. Эта черноволосая, весьма взбалмошная девчонка тоже хотела поехать туда, чтобы носить белую блузку и черную юбку и маршировать с ружьем. Никто не воспринимал это всерьез. Гражданская война в Испании была чем-то,

происходившим лишь в газетах и раз в месяц обсуждавшимся в школьном дискуссионном клубе. Все, включая и Джойс Эмили, были антифранкистками, если они вообще имели какие-то политические убеждения.

Однажды было замечено, что Джойс Эмили уже несколько дней не ходит в школу, а вскоре на ее месте за партой сидел уже кто-то другой. Никто не знал, куда она подевалась, пока спустя полтора месяца не стало известно, что она сбежала в Испанию и погибла, когда поезд, на котором она ехала, разбомбили. В школе по ней отслужили укороченную панихиду.

Мэри ушла из школы и поступила на курсы машинописи и стенографии, Дженни — в школу драматического искусства. Заканчивать выпускной, шестой класс остались только четыре девочки Броди. В школе они теперь почти не появлялись, у них было свободное расписание, предусматривавшее посещение множества лекций и большой объем работы в библиотеке, — все это за пределами школьного здания, куда они забегали лишь на минуту-другую. С ними советовались, к ним прислушивались, и у них создавалось ощущение, что, стоит им захотеть, и они могут управлять всей школой.

Юнис собиралась изучать современные языки, но через год передумала и подалась в медсестры. Монике было на роду написано заниматься точными науками, а Сэнди — психологией. Роуз оставалась в школе не по какой-либо практической причине, а потому, что ее отец считал необходимым для нее получить максимум знаний, которые может дать школа, даже если впоследствии она поступит в художественное училище или — в худшем случае — станет натурщицей или модельером одежды. Отец Роуз — вдовец, крупный мужчина, столь же красивый своей мужской красотой, как Роуз женской, гордо именовавший себя сапожником, а на самом деле владевший обширной сетью мастерских по пошиву обуви, — играл очень большую роль в ее жизни. Познакомившись несколькими годами ранее с мисс Броди, он, как очень многие другие мужчины, вопреки ожиданиям отнюдь не считавшие ее смешной, сразу же проявил к ней горячий мужской интерес, но мисс Броди не допускала и мысли о том, чтобы стать миссис Стэнли, так как ни в коей мере не видела в нем человека высокой культуры. Она считала его недостаточно возвышенным духовно. Тем не менее девочкам, хоть они и боялись в этом

признаться, он всегда нравился. Роуз же, как известно, наделенная инстинктом в высшей степени, настолько отдалась на его волю, что, унаследовав от отца практичное и жизнерадостное отношение к действительности, удачно вышла замуж вскоре после окончания школы. Она стряхнула с себя все, что вкладывала в своих девочек мисс Броди, как собака, выбравшись из пруда, стряхиваете шерсти воду.

Но мисс Броди тогда еще не могла знать, как все обернется в будущем, тем более что пока Роуз продолжала пользоваться огромным успехом у старшеклассников и университетских студентов-первокурсников. Так что однажды она сказала Сэнди: «Из того, что ты мне сообщила, я делаю вывод, что Роуз и Тедди Ллойд скоро станут любовниками». И тут Сэнди поняла: все это не было лишь отвлеченной теорией и игрой в духе мисс Броди, когда большую часть жизни составляют оторванные от реальности разговоры и придумывание всяческих игр вроде досужих гаданий о том, будет ли война, и прочих вымыслов, которые одни люди запускают в воздух, как голубей, а другие, подхватив, говорят: «Да, конечно, это неминуемо». Но в данном случае, как выяснилось, речь шла не о теории; мисс Броди

действительно верила в это. Вглядевшись в нее, Сэнди осознала, что эта женщина была одержима жаждой уложить Роуз в постель мужчины, в которого была влюблена сама. В этой идее как таковой не было ничего нового, новой была сама реальность. Сэнди вспомнила, как восемью годами ранее мисс Броди, сидя под вязом, рассказывала им свою первую, простодушную историю любви, и ей стало интересно: насколько усложнилась за минувшие годы личность самой мисс Броди, а насколько изменилось ее собственное представление о ней.

В течение всего последнего года Сэнди продолжала встречаться с Ллойдами. Она ходила по магазинам с Дидрой Ллойд и купила себе домотканую фольклорную блузу, как у той. Она слушала их разговоры и мысленно разлагала их психику на значки и символы, как стало модно в те времена среди молодых людей, читавших книги по психологии, когда они наблюдали за людьми старшего возраста, этих книг не читавшими. Иногда, в те дни, когда Роуз позировала обнаженной, Сэнди сидела в мастерской рядом с художником, следя за странным преображением плоти на холсте, где возникала неизвестная нагая фигура, в то же время напоминавшая Роуз,

а пуще того — мисс Броди. Ее очень заинтересовал душевный склад художника, столь страстно увлеченного мисс Броди и не считавшего ее смешной.

«Из того, что ты мне сообщила, я делаю вывод, что Роуз и Тедди Ллойд скоро станут любовниками». Сэнди осознала, что мисс Броди действительно верила в это. Она рассказывала мисс Броди, как причудливо во всех его портретах проявляется ее образ. Рассказывала снова и снова, потому что мисс Броди обожала это слушать. Сэнди сообщила ей, что Тедди Ллойд подумывает бросить преподавание и готовит персональную выставку, что критики поощряют его к тому, но его обескураживает необходимость содержать большую семью.

— Я — его муза, — говорила мисс Броди. — Но я отвергла его любовь, чтобы посвятить свой расцвет воспитанию девочек, оказавшихся на моем попечении. Я его муза, но Роуз должна занять мое место.

Она считает себя Рукой Судьбы, думала Сэнди, полагает, будто она — Бог Кальвина, будто ей ведомы концы и начала. А еще Сэнди подозревала, что эта женщина, не сознавая того, является лесбиянкой. Мисс Броди поддавалась класси-

фикации и согласно многим другим теориям, прописанным в книгах по психологии, но ни одна из них не была способна стереть ее образ с полотен однорукого Тедди Ллойда.

Когда Сэнди стала монахиней, ее начали периодически навещать члены клана Броди, поскольку это было все же какое-никакое занятие, к тому же она написала книгу по психологии, да и вообще все любят навещать монахинь, это вызывает душевный подъем, катарсис, благотворный дух которого можно увезти домой, особенно если монахиня говорит с вами, вцепившись в прутья решетки. Роуз приехала к ней, когда была уже давно замужем за успешным бизнесменом, чьи деловые интересы варьировались от производства консервов до банковских коммерческих операций. Разговор зашел о мисс Броди.

— Она часто говорила о призвании, — сказала Роуз, — однако имела в виду вовсе не тот род призвания, какому посвятила себя ты. А не кажется ли тебе, что собственное призвание она по-своему осуществляла в нас?

— О да, думаю, так и было, — ответила Сэнди.

— Почему ее выгнали? — спросила Роуз. — Из-за интимной связи?

— Нет, из-за политики.

— Вот уж не знала, что ее интересовала политика.

— Только косвенно, — сказала Сэнди, — но это послужило поводом.

Моника приехала к Сэнди, потому что переживала жизненный кризис. Она была замужем за ученым и однажды, в порыве гнева, запустила в его сестру тлеющим куском угля, после чего ученый безоговорочно потребовал развода.

— Я плохо разбираюсь в подобных коллизиях, — призналась Сэнди. Но Моника особенно и не уповала на ее помощь, поскольку знала Сэнди давно, а люди, которых знаешь давно, редко могут помочь. Поэтому разговор перекинулся на мисс Броди.

— Удалось ли ей в конце концов уложить Роуз в постель Тедди Ллойда? — спросила Моника.

— Нет, — ответила Сэнди.

— А сама она любила Тедди Ллойда?

— Да, — ответила Сэнди. — И он ее любил.

— Значит, в некотором роде это действительно было самоотречением?

— Да. Что ни говори, но ведь она была женщиной в расцвете лет.

— Тогда ты считала, что все ее разговоры о самоотречении — шутка, — напомнила Моника.

— Ты тоже, — парировала Сэнди.

Летом тысяча девятьсот тридцать восьмого года, после того как последняя из девочек Броди закончила школу Марсии Блейн, мисс Броди отправилась в Германию и Австрию; Сэнди читала книги по психологии и ходила к Ллойдам позировать для собственного портрета. Время от времени к ним присоединялась и Роуз.

Когда Дидра Ллойд повезла детей на отдых в деревню, Тедди пришлось остаться в Эдинбурге — он вел летний курс в художественной школе. Сэнди продолжала ему позировать два раза в неделю. Роуз иногда присутствовала на этих сеансах, а иногда нет.

Однажды, когда они были одни, Сэнди сказала Тедди Ллойду, что все его портреты, даже портрет самого маленького, младенца Ллойда, несет сходство с мисс Броди, и посмотрела на него дерзким, шантажирующим взглядом. Он поцеловал ее так же, как тогда, тремя годами ранее, когда ей было пятнадцать, и большую часть тех летних пяти недель они предавались любви в пустом доме, лишь изредка открывая дверь Роуз, а чаще всего не обращая никакого внимания на надрывающийся звонок.

В течение всего этого времени писал он очень

мало, и Сэнди сказала:

— Все равно я у тебя тоже получаюсь похожей на мисс Броди.

Он начал писать ее заново, но все повторилось.

Она спросила:

— Ты одержим этой женщиной? Неужели ты не видишь, что она смешна?

Он ответил: да, он видит, что мисс Броди смешна, но попросил Сэнди перестать заниматься его психоанализом — это противоестественно для восемнадцатилетней девушки.

В начале сентября мисс Броди позвонила Сэнди и попросила зайти к ней. Она только что вернулась из Германии и Австрии, где, по ее словам, воцарился теперь образцовый порядок. После войны, когда они сидели в отеле «Брейд-Хиллз», мисс Броди призналась Сэнди, что «Гитлер *действительно* был весьма скверным человеком», но в то время она была преисполнена впечатлений от своих путешествий и совершенно уверена в том, что новый режим спасет мир. Сэнди было скучно это слушать, ей вовсе не казалось, что мир нуждается в спасении ради того лишь, чтобы облегчить жизнь беднякам в эдинбургских трущобах. Мисс Броди заявила, что войны не будет.

Но Сэнди и без того так думала. Потом мисс Броди перешла к сути разговора:

— Роуз говорит, ты стала его любовницей.

— Да. А разве имеет значение, я или Роуз?

— Что это на тебя напало? — воскликнула мисс Броди чисто по-шотландски, словно речь шла о том, что Сэнди подарила фунт джема английскому герцогу.

— Он меня интересует, — ответила Сэнди.

— Интересует он тебя, подумать только, — воскликнула мисс Броди. — Ты же умная девочка, девочка с интуицией. Он ведь католик, и я не понимаю, как ты могла сойтись с человеком, который не может думать самостоятельно. Для этого подходила только Роуз. У Роуз есть инстинкт, но нет интуиции.

А Тедди Ллойд продолжал воспроизводить образ Джин Броди в своих работах.

— У тебя есть инстинкт, — сказала ему Сэнди, — но нет интуиции, иначе бы ты понимал, что эту женщину нельзя воспринимать всерьез.

— Знаю, нельзя, — ответил он. — А ты слишком рассудительна и раздражительна для своего возраста.

После возвращения его семьи их встречи стали опасными и оттого более волнующими. Чем боль-

ше Сэнди убеждалась в том, что он по-прежнему любит Джин Броди, тем больше интересовала ее загадка души, способной любить такую женщину. К концу года ее интерес к нему как к мужчине иссяк, но она по-прежнему была глубоко погружена в анализ его психики и, помимо разного прочего, как сердцевину из шелухи, выделила религию. Ее мысли были заполнены его религией, как ночное небо — видимыми и невидимыми телами. Она оставила мужчину, но взяла с собой его религию и со временем стала монахиней.

Однако той осенью, пока она все еще исследовала его сознание, холст за холстом воспроизводившее образ мисс Броди, Сэнди встречалась с мисс Броди несколько раз. Поначалу та просто мирилась со связью между Сэнди и учителем рисования, но вскоре уже ликовала по этому поводу и без устали расспрашивала Сэнди о подробностях, которых та ей не открывала.

— Его портреты все еще похожи на меня? — спрашивала она.

— Да, очень похожи, — отвечала Сэнди.

— Тогда все в порядке, — успокаивалась мисс Броди. — И, в конце концов, Сэнди, тебе просто на роду написано быть великой любовницей, хотя раньше я так и не думала. Правда бывает

причудливей вымысла. Признаюсь, я предназначала ему Роуз и иногда сожалею о том, что поощряла малышку Джойс Эмили отправиться в Испанию сражаться за Франко, она бы ему тоже великолепно подошла, девочка с инстинктом…

— Она поехала воевать на стороне Франко? — удивилась Сэнди.

— Так предполагалось. Я заставила ее здраво взглянуть на вещи. Увы, ей не довелось сражаться вообще, бедная девочка.

Когда Сэнди, как было заведено, осенью пришла повидаться с мисс Макей, директриса сказала этой выпускнице с весьма трудным характером и неестественно маленькими глазами:

— Надеюсь, ты иногда встречаешься с мисс Броди? Не забываешь старых друзей?

— Мы виделись раз или два, — ответила Сэнди.

— Боюсь, она вбивала разные идеи в ваши юные головки. — И мисс Макей многозначительно подмигнула Сэнди, словно хотела сказать: теперь, когда Сэнди уже не учится в школе, о поведении мисс Броди можно говорить откровенно.

— Да, кучу, — подтвердила Сэнди.

— Интересно, каких, например? — поинтересовалась мисс Макей, подавшись вперед и явно волнуясь. — Потому что все это продолжается,

из класса в класс, а теперь она сколотила новый клан, и эти девочки, этот новый клан Броди, так выбивается из общей школьной тональности! Они так не по годам развиты. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да, — ответила Сэнди. — Но на сексе вы ее не подловите. А о политике вы не думали?

Мисс Макей развернула свое кресло так, что оказалась лицом к лицу с Сэнди. Разговор принимал деловой оборот.

— Моя дорогая, — сказала она, — ты о чем? Я не подозревала, что она интересуется политикой.

— А она ею и не интересуется, — ответила Сэнди. — Так, между прочим. Но она прирожденная фашистка, вам это не приходило в голову?

— Если ты советуешь, Сэнди, я поговорю об этом с ее ученицами и посмотрю, что тут может всплыть. Вот уж не знала, что ты так серьезно интересуешься мировыми проблемами, я более чем довольна…

— Мировые проблемы как таковые меня совершенно не интересуют, — пояснила Сэнди, — просто я хочу остановить мисс Броди.

Было очевидно — директриса сочла это весьма непорядочным со стороны Сэнди, но не преминула заметить мисс Броди, когда пришло время: «А

ведь этот совет дала мне одна из ваших любимых девочек, девочек вашего клана, мисс Броди».

В конце года Сэнди покидала Эдинбург и, придя попрощаться с Ллойдами, обвела взглядом расставленные в мастерской холсты, «остановить» мисс Броди на которых ей так и не удалось. Она выразила Тедди Ллойду восхищение экономностью его метода. Он, в свою очередь, горячо похвалил экономность ее метода, чем вызвал недоумение Дидры, а Сэнди подумала: знай он, как я остановила мисс Броди, он бы понял, что мой метод еще экономней, чем он думает. Теперь она была более пламенной поборницей христианской морали, чем сам Джон Нокс.

Мисс Броди вынудили уйти из школы в конце летнего семестра тысяча девятьсот тридцать девятого года под предлогом того, что она якобы проповедует фашистские идеи. Услышав об этом, Сэнди вспомнила фотографии марширующих чернорубашечников на стенах их класса. К тому времени она обратилась в католичество, в рядах которого обнаружила немало фашистов, куда менее безобидных, чем мисс Броди.

«Разумеется, — писала ей мисс Броди, сообщая о своем изгнании, — этот политический во-

прос был лишь предлогом. Они много раз пытались доказать мою личную аморальность, но всегда терпели провал. По этому поводу мои девочки твердо хранили молчание. Что бесило моих коллег по-настоящему, так это мой метод воспитания и обучения, достигший совершенства в пору моего расцвета. Я была предана своим девочкам, ты это знаешь. Тогда мои недруги выбрали в качестве оружия этот политический предлог. Однако что причиняет мне самую мучительную боль и поражает до глубины души, так это тот факт — если, конечно, верить мисс Макей, — что предал меня и положил начало расследованию кто-то из моего собственного клана.

Не сомневаюсь, что тебя это тоже изумит. Тебе я могу все это сказать, потому что из всех вас одна ты вне подозрений: у тебя не было **причины** предавать меня. Первым делом я подумала о Мэри Макгрегор. Вероятно, она по своей глупости затаила обиду на меня — она такая несносная молодая женщина. Думала я и о Роуз. Возможно, она злилась из-за

того, что для мистера Л. я всегда оставалась первой. Юнис… Не могу поверить, что это могла быть Юнис, но я часто проявляла твердость по отношению к ее обывательским взглядам. Она ведь даже хотела стать вожатой девочек-скаутов, помнишь? И ее привлекал командный дух. Неужели Юнис вынашивала злобу против меня? Есть еще Дженни. Ну, ты как никто знаешь, что, решив стать актрисой, она отбилась от рук и изменилась до неузнаваемости. Сделалась такой скучной. Как ты думаешь, может быть, ее злило, когда я говорила, что она никогда не станет даже Фэй Комптон, не говоря уж о Сибил Торндайк? Ну и, наконец, Моника. Я почти склонна подозревать Монику. За ее математическими мозгами слишком мало души, и вполне вероятно, что в припадке ярости против моих проповедей Красоты, Истины и Добра, которые находятся за пределами ее понимания, она отступилась от меня и предала.

Тебя, Сэнди, я, как видишь, исключаю из числа подозреваемых, поскольку у тебя не было никакой причины предавать

меня, более того, именно тебе я отдала все лучшее, что во мне было, подарила тебе свое полное доверие и даже мужчину, которого люблю. Подумай, если можешь, кто бы это мог быть. Я должна знать, кто из вас меня предал…»

Сэнди ответила как предрасположенный к уклончивости папа римский:

«Если Вы нас не предавали, то невозможно, чтобы и Вас кто-то из нас предал. Слово „предательство“ неприменимо к…»

Снова мисс Броди написала ей после гибели Мэри Макгрегор в ловушке горящего отеля, по которому та металась взад-вперед:

«Если это возмездие, ниспосланное бедняжке Мэри зато, что она предала меня, то я этого никак не хотела…»

А Дженни написала:

«Боюсь, период расцвета для мисс Броди миновал. Единственное, чего она хочет,

это узнать, кто ее предал. Это так непохоже на прежнюю мисс Броди, она ведь всегда была настолько полна готовности дать отпор».

Имя и воспоминания о мисс Броди перелетали из уст в уста, словно летние ласточки, но к зиме, как и положено ласточкам, улетели. Подруги по клану Броди навещали Сэнди только, летом — монастырь стоял за городом, на лоне природы.

Когда к Сэнди, носившей теперь имя сестры Елены из монастыря Преображения Господня, приехала Дженни, она рассказала ей, что в Риме внезапно влюбилась в мужчину, но из этого ничего не выйдет.

— Мисс Броди, этой грешнице, такое бы понравилось, — сказала она.

— О, по-своему она была совершенно невинна, — ответила Сэнди, сжимая прутья решетки.

Юнис, приехав, сказала:

— В прошлом году мы ездили на Эдинбургский фестиваль. Я нашла могилу мисс Броди, положила на нее цветы и рассказала мужу множество историй про нее: как мы с ней сиживали под вязом и все такое прочее. Он сказал, что нам с ней наверняка было потрясающе весело и что она была удивительно занятной.

— Это правда, если подумать.

— Конечно, была, — согласилась Юнис и добавила: — Когда пребывала в поре своего расцвета.

Моника приехала снова.

— Перед смертью мисс Броди думала, что это ты ее предала, — сказала она.

— Предать можно лишь в случае, если верность является долгом, — ответила Сэнди.

— А разве по отношению к мисс Броди у нас не было долга?

— Только до некоторой степени, — сказала Сэнди.

Это было в тот самый день, когда Сэнди посетил некий пытливый молодой человек, которого заинтересовала ее странная книга по психологии «Преобразование банального», привлекшая в монастырь столько новых визитеров, что Сэнди еще отчаянней вцеплялась в прутья решетки, разговаривая с ними.

— Что больше всего повлияло на вас в школьные годы, сестра Елена? — спросил он. — Была ли это литература, или политика, или, может быть, чья-то личность? Возможно, это был кальвинизм?

Сэнди ответила:

— Это была мисс Джин Броди в ее лучшие годы.

Перевод И. Я. Дорониной

Девицы со скудными средствами

Посвящается Элану Маклину

1

Давным-давно, в 1945 году, все приличные люди в Англии, за немногими исключениями, были бедны. Улицы больших городов изобиловали обшарпанными, давно не ремонтировавшимися или вовсе разрушенными домами, грудами каменных осколков от бомбежки, рядом с которыми остовы домов зияли, словно гигантские зубы, в которых уже высверлили, но еще не запломбировали дупла. Некоторые искореженные бомбами здания напоминали руины древних замков, пока, приблизившись, не разглядишь обои самых разных, совершенно обычных комнат, выставленных на всеобщее обозрение, будто на театральной сцене; иногда виднелась цепочка уборной, свисающая над пустотой с потолка пятого или шестого этажа. Большей частью выживали лестничные клетки, словно формы нового искусства, ведущие вверх и вверх, к непонятно какой цели, и это предъявляло непривычные требования воображению. Все приличные люди бедны: таково, во всяком случае, было всеобщее убеждение, а лучшие из тех, кто богат, — бедны духовно.

Не было никакого смысла переживать из-за окружающей обстановки — это было бы все равно что расстраиваться из-за Большого каньона или какого-то события на земле вне пределов человеческого в***и***дения. Люди продолжали обмениваться огорчениями по поводу дурной погоды или дурных новостей или по поводу Мемориала Альберта[45], который так и не задела ни одна бомба, и он даже не пошатнулся за все время налетов — от начала и до конца.

Клуб Мэй Текской[46] скромно расположился почти напротив Мемориала Альберта, в одном из высоких домов, все-таки выдержавших войну, хотя и с величайшим трудом: несколько бомб разорвалось совсем рядом, а некоторые — в садах за домами, оставив в зданиях трещины снаружи и расшатавшиеся соединения внутри; и несмотря на это, жить здесь покамест было еще возможно. Разбитые стекла в окнах заменили новыми, дребезжавшими в расшатанных рамах. Совсем недавно черную, как битум, краску затемнения

---

[45] Примечания: 45

Мемориал Альберта — огромный мемориал в честь принца Альберта, построенный в 1863–1876 гг. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[46] Примечания: 46

Мэй (Мария) Текская *(May/Mary of Teck, 1867–1953)* — королева, супруга Георга V, короля Великобритании с 1910 по 1936 гг.

счистили с окон лестничных площадок и ванных комнат. Окна приобрели первостепенное значение в тот последний, решительный год войны: они с первого же взгляда давали понять, обитаем дом или нет; а в течение лет предыдущих они имели не меньшее значение, оказавшись главной зоной опасности между домашней жизнью и войной, происходившей снаружи. Все и каждый не уставали повторять: «Не забудьте про окна! Не подходите к окнам! Осторожно, берегитесь стекол!»

В клубе Мэй Текской с 1940 года окна разбивались трижды, но прямого удара здание ни разу не получило. Окна комнат верхнего этажа в нем выходили на волнообразно поднимающиеся и опускающиеся верхушки деревьев в парке Кенсингтон-гарденз на другой стороне улицы, а Мемориал Альберта можно было увидеть, если вытянуть шею и чуть повернуть голову. Верхние спальни смотрели вниз, на противоположный тротуар парковой стороны улицы и на крохотных человечков, что двигались там парами и в одиночку, некоторые катили перед собой коляски с булавочными головками младенцев или шли с еле различимыми свертками продуктов или точечками продуктовых сумок в руках. Все и

каждый имели при себе продуктовые сумки в надежде, что им повезет увидеть магазин, где что-то вдруг продается помимо товаров по карточкам.

Из дортуаров нижних этажей люди на улице выглядели гораздо крупнее и были видны дорожки в парке. Все приличные люди были бедны, некоторые были даже приличнее — ведь такое с приличными людьми случается, — чем эти девушки в Кенсингтонском клубе, которые выглядывали из окон рано утром, чтобы посмотреть, какая погода сегодня, или просто смотрели на зеленые летние вечера, как бы размышляя о тех месяцах, что ждут впереди, о любви, о любовных отношениях. Их глаза горели пылким стремлением, похожим чуть ли не на одухотворенность, но это была просто юность. Первое из правил устава, начертанного в какой-то отдаленный и наивный день эдвардианской эпохи, сегодня все еще более или менее было к ним применимо:

> «Клуб Мэй Текской существует для финансового благополучия и общественной защиты девиц и дам со скудными средствами, не достигших тридцати лет, которые обязуются жить отдельно от своих семейств, с тем чтобы впоследствии

получить должность в Лондоне».

* * *

Как сами они в той или иной степени сознавали, лишь немногие девушки того времени могли быть более восхитительны, более оригинальны, более трогательно прелестны и, между прочим, более необузданны, чем эти девицы со скудными средствами.

— У меня есть что тебе рассказать, — объявила Джейн Райт, обозреватель газеты.

По ту сторону телефонного провода голос Дороти Маркэм, владелицы процветающего модельного агентства, откликнулся:

— Дорогая, куда ты подевалась?

В тоне ее звучал необычайный энтузиазм — по привычке, сохранившейся с тех пор, как она была юной дебютанткой.

— У меня есть что тебе рассказать. Помнишь Николаса Фаррингдона? Помнишь, он приходил в наш старый Мэй-Тек сразу после войны, он тогда был чем-то вроде анархиста и поэта? Высокий такой мужчина с…

— Это он забрался тогда на крышу, чтобы спать там на свежем воздухе с Селиной?

— Ну да, Николас Фаррингдон.

— А-а, ну да, более или менее помню. Он что, объявился?

— Нет. Его замучили.

— Что?.. Мучили?

— Замучили в Гаити. Убили. Помнишь, он стал Братом…

— Но я только что была на Таити. Там все просто замечательно! И все замечательные! Откуда ты об этом узнала?

— Гаити. Абзац в новостях — только что пришли от «Рейтера». Я уверена — это тот самый Николас Фаррингдон, потому что там говорится — миссионер, бывший поэт. Я чуть не умерла. Видишь ли, я ведь его в то время хорошо знала. Думаю, все постараются замять, если захотят опубликовать статью о его мученичестве.

— Как это произошло? Это очень страшно?

— Ох, я не знаю, там только один абзац.

— Ты побольше разузнай по своим личным каналам. Я просто в шоке. И мне так много надо тебе рассказать.

«Административный комитет выражает недоумение в связи с протестом, высказанным членами клуба по поводу

обоев, выбранных для гостиной. Комитет считает нужным указать, что плата за проживание не покрывает текущих расходов клуба. Комитет также считает нужным выразить сожаление, что дух данного учреждения, по всей видимости, так сильно ослабел, что такой протест оказался возможен. Комитет отсылает членов клуба к своду правил данного учреждения».

Джоанна Чайлд была дочерью сельского пастора. Девушка отличалась неплохой сообразительностью и сильными, подчас смутными чувствами. Она готовилась стать преподавателем ораторского искусства и посещала занятия в школе драмы, в то же время она имела собственных учеников. К этой профессии Джоанну Чайлд влекли ее прекрасный голос и любовь к поэзии, которую она любила, как (такое вполне можно предположить) кошка любит птичек: поэзия, особенно тот ее вид, что поддается декламации, возбуждала ее, завладевала ею целиком; она бросалась на этот материал, играла с ним, пока он трепетал в ее мозгу и, когда она запоминала его наизусть, она произносила стихи вслух со всепоглощающим наслаждением. По большей

части она не отказывала себе в этом наслаждении, когда давала уроки красноречия в клубе, где благодаря этому заслужила весьма высокое о себе мнение. Вибрации декламационного голоса Джоанны, доносившиеся из ее комнаты или из рекреационного зала, где она часто репетировала, как полагали, придавали еще более утонченный стиль и тон клубу, когда сюда наносили визиты молодые люди. Поэтический вкус Джоанны стал поэтическим вкусом всего учреждения. Она испытывала глубокие чувства к определенным пассажам из Библии, не говоря уже о «Молитвеннике для всех», Шекспире, Джерарде Мэнли Хопкинсе и недавно открытом ею Дилане Томасе[47]. Ее совершенно не трогала поэзия Элиота или Одена[48], кроме двух лирических строк последнего:

Любовь моя, челом уснувшим тронь

---

[47] Примечания: 47

Джерард Мэнли Хопкинс — английский поэт, католический священник, профессор Дублинского университета. Дилан Томас — английский поэт, прозаик, публицист, автор сценариев для фильмов и радио, прославившийся не только своими стихами, повестями и очерками, но и чтением своих произведений по радио и со сцены.

[48] Примечания: 48

Томас Стернз Элиот — англо-американский поэт, историк культуры. Уистен Хью Оден — английский поэт.

Мою предать способную ладонь...[49]

Джоанна Чайлд была крупная девушка, со светлыми сияющими волосами, голубыми глазами и ярко-розовыми щеками. Читая объявление, подписанное леди Джулией Маркэм, председательницей комитета, она стояла вместе с другими молодыми женщинами перед доской, обтянутой зеленым сукном, и бормотала вполголоса: «Он гневается, гневается снова, ибо он знает — его время истекло»[50].

Немногие знали, что изначально эти слова относились к дьяволу, но реплика вызвала всеобщее веселье. Однако Джоанна на это вовсе не рассчитывала. Ей не было свойственно цитировать что-либо, подходящее к случаю, и в тоне беседы.

Джоанна, которая теперь уже достигла совершеннолетия, отныне станет на выборах голосовать за консерваторов, что в те времена в клубе Мэй Текской ассоциировалось со страстно желаемым образом жизни, о котором ни одна из обитательниц клуба, в силу юного возраста,

---

[49] Примечания: 49

Первые строки стихотворения У. Х. Одена «Колыбельная» (1937), перевод П. Грушко.

[50] Примечания: 50

Строка из трагедии У. Шекспира «Король Лир».

по собственному опыту ничего не помнила. В принципе все они одобряли то, за что ратовал комитет. Поэтому Джоанну встревожила веселая реакция на ее цитату — дружный смех, означающий понимание, что те дни, когда члены чего бы там ни было не могли выказать протест против обоев для гостиной, давно отошли в прошлое. Невзирая на принципы, все и каждая видели, что объявление просто чертовски смешное. Леди Джулия, должно быть, просто дошла до точки.

«Он гневается, гневается снова, ибо он знает — его время истекло».

Маленькая, темноволосая Джуди Редвуд, работавшая машинисткой-стенографисткой в Министерстве труда, сказала:

— Я так понимаю, что как члены клуба мы имеем полное право высказывать свое мнение об управлении клубом. Мне надо спросить у Джеффри.

Джуди была помолвлена с этим Джеффри. Он пока еще служил в вооруженных силах, но до того, как его призвали, успел получить квалификацию поверенного. Его сестра, Энн Бейбертон, стоявшая вместе с другими перед доской объявлений, откликнулась:

— Вот уж у кого я не стала бы спрашивать, так

это у Джеффри.

Энн Бейбертон сказала так, чтобы продемонстрировать, что она знает Джеффри много лучше, чем его знает Джуди; она сказала так, чтобы продемонстрировать любовное презрение к брату; она сказала так, потому что именно это и должна была сказать прилично воспитанная сестра про брата, которым она гордится; и помимо всего этого, в ее словах «Вот уж у кого я не стала бы спрашивать, так это у Джеффри» крылся и элемент раздражения, поскольку она понимала, что нет никакого смысла поднимать вопрос об обоях для гостиной. Энн презрительно затоптала окурок сигареты на полу огромного клубного вестибюля, выстланного розовой и серой викторианской плиткой. На что ей незамедлительно указала худенькая, среднего возраста женщина, одна из старших, если и не совсем из самых первых членов клуба, которая заметила:

— Здесь не разрешается бросать окурки на пол.

Казалось, эти слова не дошли до слуха собравшихся перед объявлением, во всяком случае не успешнее, чем тиканье старинных напольных часов, стоявших позади группы. Однако Энн откликнулась:

— Что, даже плевать на пол не разрешается?

— Конечно, не разрешается, — ответила старая дева.

— Ах, а я-то думала, разрешается, — огорчилась Энн.

Клуб Мэй Текской был основан королевой Марией до того, как она вышла замуж за короля Георга V, когда она еще была принцессой Мэй Текской. В один прекрасный день, где-то между помолвкой и венчанием, ее уговорили приехать в Лондон и объявить об официальном открытии клуба Мэй Текской, содержание которого обеспечивали различные благородные (и хорошо обеспеченные) особы.

Ни одной из первых девиц и дам в клубе не осталось. Но трое из последующих обитательниц получили разрешение жить здесь после установленного предельного возраста — тридцати лет. Им было теперь за пятьдесят: они пришли в клуб Мэй Текской еще до Первой мировой войны, а тогда, утверждали они, все обитательницы были обязаны переодеваться к обеду.

Никто не знал, почему этих трех женщин не попросили покинуть клуб после достижения ими тридцатилетнего возраста. Даже сама ректор не знала, не знал и комитет, почему эта тройка осталась. А теперь было слишком поздно, да и

неприлично, выселять их отсюда. Было слишком поздно даже упоминать в разговоре с ними проблему их проживания в клубе. С 1939 года сменявшие друг друга комитеты непременно приходили к выводу, что — в любом случае — старшие обитательницы могут оказывать положительное влияние на более молодых.

Во время войны дело было отложено в долгий ящик, поскольку клуб наполовину опустел; в любом случае взносы за проживание были совершенно необходимы, а бомбы столько вокруг уничтожили, особенно совсем поблизости, что вопрос о том, выстоят ли три старые девицы вместе с домом до конца, оставался открытым. К 1945 году они стали свидетельницами множества приходов новых девиц и дам и уходов старых, и каждое новое пополнение обычно относилось к ним с приязнью, ведь они легко становились предметом оскорблений и насмешек, если пытались во что-нибудь вмешиваться, и с той же легкостью — восприемницами самых интимных секретов, если держались в стороне. Признания редко содержали в себе всю правду, особенно те, что сообщали обитательницы верхнего этажа. Три старые девицы были спокон веку известны — и к ним так и обращались — как Колли (мисс

Коулмен), Грегги (мисс Макгрегор) и Джарви (мисс Джармен). Именно Грегги сказала Энн, когда все они стояли у доски объявлений:

— Здесь не разрешается бросать окурки на пол.

— Что, даже плевать на пол не разрешается?

— Конечно, не разрешается.

— Ах, а я-то думала, это разрешено.

Грегги издала притворный вздох великой терпимости и пробралась сквозь толпу обитательниц помоложе. Она подошла к распахнутой на широкое крыльцо двери — выглянуть в летний вечер, словно владелец магазина, ожидающий доставки товара. Грегги всегда вела себя так, будто она — владелица клуба.

Совсем скоро должен был прозвучать гонг на обед. Энн ногой зашвырнула окурок подальше, в темный угол.

Грегги крикнула ей, полуобернувшись:

— Энн, твой молодой человек идет!

— Вовремя, хоть раз в жизни, — произнесла Энн тем же притворно-презрительным тоном, какой приняла, когда говорила про своего брата: «Вот уж у кого я не стала бы спрашивать, так это у Джеффри». И она направилась к двери, небрежно покачивая бедрами.

Румяный, коренастый молодой человек в фор-

ме капитана английских вооруженных сил, улыбаясь, вошел в дверь. Энн стояла, глядя на него так, будто у него она уж точно не стала бы ничего спрашивать.

— Добрый вечер, — приветствовал он Грегги, как и подобает хорошо воспитанному молодому человеку приветствовать женщину такого возраста, стоящую у входа. И, признавая присутствие Энн, издал невнятный носовой звук, который, если бы его правильно произнесли, означал бы: «Привет!» Энн вообще ничего не произнесла в качестве приветствия. Они были уже почти помолвлены.

— Хочешь зайти, посмотреть на обои в гостиной? — предложила Энн.

— Нет, давай-ка рванем отсюда поскорее.

Энн вернулась с пальто, переброшенным через плечо.

— Пока, Грегги, — сказала она.

— Всего хорошего, — попрощался капитан.

Энн взяла его под руку.

— Желаю хорошо провести время, — напутствовала их Грегги.

Прозвучал гонг на обед, послышалось шарканье множества ног, спешащих прочь от доски объявлений, и постукивание каблучков с верх-

них этажей.

Поздним майским вечером на предыдущей неделе весь клуб — сорок с чем-то женщин, со всеми молодыми людьми, которые по случайности могли там оказаться, бросились, словно быстрокрылая стая перелетных птиц, в темный, прохладный воздух парка, пересекая его бесконечные акры по прямой, как летит ворона, в направлении Букингемского дворца, чтобы там, вместе с другими лондонцами, выразить свои чувства по поводу окончания войны с Германией. Они крепко держались друг за друга, по двое и по трое, боясь, что их затопчут. Если же их отрывали от подруг, они хватались за ближайших к ним одиночек, и за них тоже хватались ближайшие к ним одиночки. Они стали как бы частицами морской волны, они вздымались с нею и пели, а через каждые полчаса свет заливал далекий маленький балкон дворца и на нем появлялись четыре маленькие фигурки: король, королева и две принцессы. Монаршая семья поднимала правые руки, их ладони трепетали, словно под легким ветерком, они были похожи на свечи — три свечи в военной форме, а в четвертой можно было узнать королеву — по отделанной мехом гражданской, но военного времени королевской

одежде. Рокот толпы, похожий на звуки огромного органа, не сравнимый ни с одним из голосов, издаваемых живой материей, скорее похожий на грохот водопада или геологического сдвига, рос над парком, распространялся по Моллу. Только медики, бдительно стоявшие у машин «скорой помощи» от больницы Св. Иоанна, сохраняли хоть какую-то идентичность. Королевское семейство помахало толпе руками, повернулось, чтобы уйти, задержалось перед дверью, снова помахало и наконец исчезло. Множество незнакомых рук обнимало незнакомые тела. Множество союзов — некоторые даже оказались постоянными — образовалось в эту ночь, и множество младенцев от экспериментальных вариантов союза, восхитительных по оттенкам кожи и расовой структуре, появились на свет по завершении должного цикла из девяти месяцев после этой ночи. Звонили колокола. Грегги заметила, что все это вроде бы похоже на свадьбу и похороны одновременно — в мировом масштабе.

На следующий день все и каждый принялись размышлять, где именно его или ее личное место в новом порядке вещей.

Многие ощутили потребность, причем некоторые даже получали от этого удовольствие,

оскорблять друг друга, чтобы что-то доказать или проверить свою позицию.

Правительство напоминало широкой публике, что страна все еще воюет. Официально это было неопровержимо, однако за исключением тех, чьи родственники находились в дальневосточных лагерях для военнопленных или застряли в Бирме, эта война на самом деле ощущалась как нечто весьма отдаленное.

Несколько машинисток-стенографисток в клубе Мэй Текской начали подавать заявления о приеме на работу в более надежные места, то есть, так сказать, в частные предприятия, не связанные с войной, в отличие от недолговечных министерств, где большинство из них тогда работали.

Их братья и молодые люди, служившие в вооруженных силах, еще не демобилизовавшись (до этого было еще очень далеко), поговаривали о том, чтобы заняться каким-нибудь «живым» делом, использовать возможности мирного времени — например, завести грузовик и с него начать создание транспортного бизнеса.

— У меня есть что тебе рассказать, — сказала Джейн.

— Подожди минуточку, я только дверь закрою.

Ребятишки расшумелись, — ответила Энн. И тотчас же, вернувшись к телефону, сказала: — Ну, выкладывай.

— Ты помнишь Николаса Фаррингдона?

— Кажется, помню — только имя.

— Помнишь, я его в Мэй-Тек приводила в 1945-м? Он часто на ужин приходил. У него еще были шашни с Селиной.

— А-а, Николас! Который на крышу залез? Как давно это все было! Ты что, с ним виделась?

— Я только что видела в газете новость. Агентство «Рейтер» сообщает, что его убили во время очередного восстания в Гаити.

— Неужели? Какой ужас! А что он-то там делал?

— Ну, он ведь стал миссионером или кем-то вроде того.

— Не может быть!

— Еще как может. Ужасная трагедия. Я ведь его хорошо знала.

— Кошмар какой! И так все сразу вспоминается. А ты Селине рассказала?

— Ну, я не смогла ей дозвониться. Ты ведь знаешь, какая теперь Селина, она по телефону лично не отвечает, приходится пробиваться через тыщи секретарей, или как их там…

— Ты можешь из этого сделать хороший материал для своей газеты, Джейн, — посоветовала Энн.

— Я знаю. Просто жду, пока станут известны детали. Конечно, столько лет прошло с тех пор, как мы были знакомы, но это была бы интересная статья.

Двое молодых мужчин — поэты (в силу того факта, что сочинение стихов покамест было их единственным постоянным занятием) — возлюбленные двух мэй-текских девиц и в данный момент больше ничьи, облаченные в вельветовые брюки, сидели в кафе на Бейсуотер-роуд со своими молчаливо внимавшими им обожательницами и беседовали о новом будущем, одновременно перелистывая гранки книги отсутствующего приятеля. Один из мужчин сказал другому:

> *И как теперь нам дальше жить без варваров?*
>
> *Ведь варвары каким-то были выходом*[51].

[51] Примечания: 51

Заключительные строки стихотворения одного из крупнейших греческих поэтов XX в. Константиноса Кавафиса (1863–1933) «В ожидании варваров».

А другой улыбнулся, как бы скучающей улыбкой, но с сознанием, что мало кто во всем огромном метрополисе и его провинциях-данниках осведомлен о том, откуда проистекают эти строки. Этот другой, который улыбнулся, и был Николас Фаррингдон, тогда еще неизвестный или еще вряд ли имевший возможность таковым стать.

— Кто это написал? — спросила Джейн Райт, полноватая девушка, работавшая в издательстве и считавшаяся мозговитой, но как-то чуть ниже мэй-текского уровня — с социальной точки зрения.

Ни тот, ни другой мужчина не счел нужным ответить.

— Кто это написал? — снова спросила Джейн.

Поэт, сидевший поближе к ней, сказал:

— Некий поэт из Александрии.

— Из новых поэтов?

— Нет, но довольно новый для нашей страны.

— А как его имя?

Он не ответил. Молодые люди снова заговорили. Они беседовали об упадке и провале анархистского движения на острове, где оба родились, уже не заботясь о том, понятен их разговор остальным или нет. Им надоело в этот вечер заниматься просвещением юных девиц.

2

Джоанна Чайлд давала урок красноречия поварихе, мисс Харпер, в рекреационном зале клуба. Обычно, когда она не давала уроков, она репетировала, готовясь к очередному экзамену. Здание весьма часто оглашалось эхом ее ораторского красноречия. Она брала со своих учениц шесть шиллингов за час, но пять — если они были членами Мэй-Тека. Никто не знал, какова была ее договоренность с мисс Харпер, ибо всякий, обладавший ключами от шкафов с едой, заключал со всеми другими совершенно особые договоренности. Метод Джоанны состоял в том, что сначала она прочитывала каждую строфу, а потом ее ученица должна была эту строфу повторить.

Все находившиеся в гостиной могли слышать громогласный урок от начала и до конца, с отбиванием ударений и трепетанием строк «Гибели „Германии“»[52].

Нахмурено его лицо
Передо мной, и грохот, адская могила

---

[52] Примечания: 52
Поэма Дж. М. Хопкинса.

Там, позади; о где же, где, о где все это было?

Клуб гордился Джоанной Чайлд не только потому, что она откидывала назад голову и декламировала стихи, но и потому, что она — так хорошо сложенная, светловолосая и пышущая здоровьем — представляла собой поэтическое воплощение высокорослой, светловолосой пасторской дочери, которая никогда в жизни не пользуется ни крошечкой косметики, а во время войны, едва успев окончить школу, денно и нощно, без устали, работает в приходских организациях помощи бедным, а до того — лидер герл-скаутов, которая никогда в жизни не плачет: во всяком случае, никому об этом неизвестно и даже невообразимо, потому что она по природе своей — стоик.

А с Джоанной случилось вот что: окончив школу, она влюбилась в викария — младшего священника прихода. Это ни к чему не привело, и Джоанна решила, что это будет единственной любовью всей ее жизни.

Так ее воспитали. Она с детства слышала, а позже сама декламировала:

…Любовь не есть любовь,

Когда меняется при первом измененье,

Иль охлаждается при кратком отдаленье...[53]

Все свои представления о чести и любви она заимствовала из стихов. Она была смутно знакома с главными и второстепенными различиями между любовью земной и небесной, с их разнообразными атрибутами, но это знакомство было почерпнуто из бесед в пасторском доме, куда приезжали погостить теологически подкованные духовные лица; это было знакомство совершенно иного характера, чем расхожие домашние убеждения, вроде, например, аксиомы: «Сельские жители праведнее горожан», или представления, что приличная девушка может полюбить только один раз в жизни.

Джоанне же представлялось, что ее страстное томление по викарию будет недостойно называться любовью, если она позволит подобному чувству снова овладеть ею; а она начинала столь же страстно желать общества нового викария, заступившего на место прежнего и более подходящего для того, чтобы это чувство к чему-то привело (и даже более красивого). Раз уж ты

---

[53] Примечания: 53
У. Шекспир. Сонет 116.

допускаешь, что можешь заменить объект столь сильного чувства, ты подрываешь самую структуру любви и брака, всю глубокую философию шекспировского сонета: таково было одобренное, хотя и не выраженное словами мнение пасторского дома и бесчисленных акров интеллектуальных пространств его атмосферы. Джоанна подавляла свои чувства ко второму викарию и пыталась освободиться от них, активно занимаясь теннисом и военно-трудовой деятельностью. Она никак не поощряла второго викария, лишь молча грустила о нем до того воскресенья, когда увидела его за кафедрой, где он произносил проповедь по такому тексту:

> «…если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.
>
> И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено

в геенну»[54].

Шла вечерняя служба. Множество юных девушек пришло послушать молодого викария, многие — в военной форме. Особенно одна из вьюрков[55] глядела вверх, на викария, ее розовые щеки казались еще ярче, озаряемые вечерним светом из витражного окна церкви; ее слегка вьющиеся волосы выбивались из-под форменной шляпки. Джоанна с трудом могла себе представить более красивого мужчину, чем этот второй викарий. Он совсем недавно принял сан и в ближайшем будущем собирался отправиться служить в ВВС. Эта весна полнилась слухами и догадками: должен был открыться второй фронт против врага, некоторые говорили — в Северной Африке, другие — что в Скандинавских странах, в Прибалтике, во Франции. А тем временем Джоанна внимательно слушала проповедь молодого человека на кафедре, совершенно поглощенная его речью. Викарий был темноволос, высок ростом, глаза под черными прямыми бровями

[54] Примечания: 54
Матф. 5:29–30.

[55] Примечания: 55
Вьюрки — члены женской вспомогательной службы ВМС, названные так по совпадению сокращенного названия службы с названием птицы (wrens — вьюрки, WRNS — Women's Royal Naval Service).

очень глубокие, черты лица словно высечены резцом. Большой рот заставлял предположить, что он добр, великодушен и обладает чувством юмора — такое великодушие и чувство юмора бывают характерны для епископов, а в этом молодом человеке явно зарождался епископ. Он выглядел очень атлетичным. И он так же ясно давал понять, что Джоанна ему желанна, как первый викарий не давал ей этого понять. Поскольку она была старшей из дочерей пастора, Джоанна сидела на своей постоянной скамье и вроде бы не прислушивалась к тому, что говорил этот красивый парень. Она не поднимала к нему лицо, как делала та хорошенькая птичка-вьюрок. Правый глаз и правая рука, говорил он, означают то, что мы считаем самым для нас дорогим. Писание имеет в виду, говорил он, что если то, что мы любим более всего, вдруг оказывается соблазном… Как вам известно, говорил он, греческое слово, означающее «соблазн», часто встречающееся в Писании, имеет коннотацию «постыдный поступок», «оскорбление», «камень преткновения», так, например, когда св. Павел сказал…

Деревенские слушатели, коих было большинство на этом собрании, смотрели на викария, не сводя с него круглых, неподвижных глаз.

Джоанна решила вырвать свой правый глаз и отсечь свою правую руку — этот надвигающийся соблазн, оскорбление ее первой любви, этот камень преткновения — то есть этого достойного обожания человека на кафедре.

«Ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну, — колоколом звенел голос проповедника. — Геенна, конечно, — продолжал он, — понятие негативное. Давайте выразим это более позитивно. Более позитивно текст должен был бы читаться так: „Ибо лучше для тебя войти искалеченным в Царствие Небесное, чем не войти туда вовсе“». Он надеялся опубликовать эту проповедь в сборнике «Собрание проповедей», ведь он пока еще был неопытен в очень многих вещах, хотя позже и столкнулся с кое-какими реалиями уже будучи капелланом Военно-воздушных сил.

Итак, Джоанна решила войти искалеченной в Царствие Небесное. Но она никак не выглядела искалеченной. Она устроилась на работу в Лондоне и поселилась в клубе Мэй Текской. В свободное время она занималась ораторским искусством. Затем, под конец войны, пошла учиться, и все свое время посвятила этому занятию. Чувственное восприятие поэзии заместило

чувственное восприятие викария, и она стала брать учениц по шесть шиллингов за час, в ожидании скорого получения диплома.

Мимо злые конники ехали в поход,
Подстрелили
лань мою, и она умрет[56].

Никто в клубе Мэй Текской не знал об этой истории всей правды, но все и каждая полагали, что в ней было что-то эмоционально-героическое. Джоанну сравнивали с Ингрид Бергман, и она никогда не участвовала в спорах между членами клуба и персоналом из-за еды по поводу слишком высокой калорийности блюд, несмотря на то что нормирование продуктов велось по требованиям военного времени.

[56] Примечания: 56

Строки из стихотворения английского поэта и прозаика, сатирика и политического деятеля XVII в. Эндрю Марвелла «Нимфа оплакивает смерть своей лани».

3

Любовь и деньги — таковы были главные темы разговоров и в отдельных спальнях, и в дортуарах. Любовь занимала в них первое место, деньги же были на втором как подспорье для того, чтобы хорошо выглядеть и покупать купоны на одежду по официальной цене черного рынка — восемь купонов за один фунт стерлингов.

Клуб располагался в просторном викторианском доме, и с тех пор, когда он принадлежал частному семейству, внутри дома очень мало что изменилось. По планировке он походил на все женские общежития, отличавшиеся дешевизной и хорошим тоном и расцветшие в Англии именно тогда, когда их потребовала женская эмансипация. Однако никто в клубе Мэй Текской не называл его общежитием, кроме как в краткие моменты глубоко личного дурного расположения духа, да и то лишь младшие члены клуба, и только в тех случаях, когда их молодые люди давали им от ворот поворот.

На первом этаже располагались служебные кабинеты, столовая, рекреационный зал и гостиная, заново оклеенная обоями грязновато-коричне-

вого цвета. К несчастью, эти обои отыскались в огромных количествах в дальнем углу кладовки, иначе стены гостиной остались бы такими же серыми и обшарпанными, как и все остальные. Молодым людям обитательниц клуба за некоторую плату разрешалось здесь обедать. Разрешалось также принимать гостей и развлекать их в рекреационном зале, на террасе, куда выходила дверь зала, а также в гостиной, чьи грязновато-коричневые стены в те дни так оскорбляли глаз своим цветом и стилем: ведь члены клуба не могли и представить себе, что через несколько лет многие из них станут оклеивать стены своих квартир обоями такого же оттенка, который к тому времени будет считаться весьма элегантным.

Над всем этим, на втором этаже, где в дни частного богатства находилась огромная ванная, теперь устроили огромную общую спальню — дортуар. Дортуар был разгорожен занавесями на множество кабинок. Здесь жили самые молоденькие члены клуба — девушки от восемнадцати до двадцати лет, которые лишь недавно переехали сюда из таких же кабинок школьных дортуаров английской сельской глубинки и которые прекрасно разбирались во всех тонкостях

дортуарной жизни. На этом этаже девушки были еще не очень опытны в обсуждении мужчин. Все разговоры вращались вокруг того, хорошо ли он танцует и обладает ли чувством юмора. Самым большим успехом пользовались Военно-воздушные силы, и огромным преимуществом считался крест «За летные боевые заслуги». В 1945 году участие в битве за Англию[57] сильно старило человека в глазах обитательниц дортуара второго этажа. Дюнкерк[58] тоже ассоциировался с тем, что пережили в основном их отцы. Успехом пользовались воздушные герои высадки в Нормандии, теперь так привольно развалившиеся на диванных подушках в гостиной. Они выдавали развлечения по полной:

— А вы слышали анекдот про двух кошек, которые отправились в Уимблдон? Нет? Так вот. Одна кошка уговорила другую отправиться в Уимблдон, на теннис поглядеть. Через несколько сетов та ей говорит: «Ну, должна признаться, мне чертовски это надоело. Если честно, то мне никак

[57] Примечания: 57

Битва за Англию — воздушные бои с немецкой авиацией (особ, над Лондоном и Южной Англией) в 1940–1941 гг.

[58] Примечания: 58

Дюнкерк — порт во Франции, откуда в мае-июне 1940 г. проводилась массовая эвакуация английских и части французских и бельгийских войск.

не понять, что тебя так интересует в этой игре?» А подруга ей отвечает: «Так ведь в ракетке мой папочка!»

— Не может быть! — визжали слушательницы и должным образом корчились от смеха.

— Но это еще не конец анекдота. Позади тех двух кошек сидел полковник. Он смотрел теннисный матч, потому что шла война и ему совершенно нечего было делать. Ну, с этим полковником был его пес. Так вот, когда кошки начали болтать между собой, пес и говорит полковнику: «Вы слышите этих двух кошек, что сидят перед нами?» — «Нет, заткнись, — рассердился полковник, — я пытаюсь сосредоточиться на игре». — «Ладно, — говорит пес, — я просто думал, вас заинтересуют кошки, которые умеют говорить».

«Право же, какое великолепное чувство юмора!» — несколько позже доносилось из дортуара и внезапно взрывалось вспышкой щебета в темноте: «Какое великолепное чувство юмора!» Они были словно пробуждающиеся птицы, а вовсе не девицы, собирающиеся отойти ко сну, поскольку «Право же, какое великолепное чувство юмора!» почти столь же благозвучно прощебечет хор птиц в парке через пять часов — если, конечно, хоть кто-нибудь станет это слушать.

Этаж над дортуаром занимали комнаты персонала и спальни тех, кто мог позволить себе комнату с подселением вместо кабинки в дортуаре. Те, кто делил спальню с соседками (они жили по двое или по четверо в комнате), чаще всего были молодые женщины, оказавшиеся здесь проездом, или временные члены клуба, подыскивающие себе квартиру из нескольких комнат или однокомнатную. Здесь же, на третьем этаже, жили вдвоем в одной комнате две «девицы» из старших — Колли и Джарви. Они жили так уже восемь лет, потому что теперь копили деньги на старость.

Но на этаже над ними, казалось, по молчаливой договоренности собралось большинство холостых — незамужние женщины со сложившимися характерами, самых разных возрастов, которые сознательно решили не вступать в брак, и те, кто в один прекрасный день примет такое решение, но пока еще не осознал этого факта.

Когда-то на четвертом этаже располагалось пять больших спален. Теперь строители разгородили их на десять маленьких. Их обитательницами были самые разные женщины — от молодых, строгих и красивых девственниц, в которых женщине не суждено когда-нибудь полностью

пробудиться, до командирш под тридцать, слишком уже пробудившихся, чтобы когда-нибудь сдаться хоть кому-то из мужчин. Грегги, третья из старших «девиц», тоже имела комнату на четвертом этаже. Она была самая нестрогая и самая добрая из всех этих женщин.

На этом же этаже находилась комната сумасшедшей девушки, Паулины Фокс, которая имела обыкновение в определенные вечера тщательно наряжаться в длинные платья, которые в первые послевоенные годы часто и быстро переделывались. Она также надевала длинные белые перчатки и носила длинные волосы, которые вьющимися локонами падали ей на плечи. В такие вечера она говорила, что сегодня обедает со знаменитым актером Джеком Бьюкененом. Никто не выражал ей открытого недоверия, так что ее сумасшествие оставалось незамеченным.

Здесь же была и комната Джоанны Чайлд, из которой — в тех случаях, когда рекреационный зал бывал занят, — можно было слышать, как она репетирует, оттачивая свое красноречие.

Все цветы весною благовонной

Запах наш скрывают похоронный...[59]

На самом верху дома, в комнатах пятого этажа, жили самые привлекательные, самые утонченные, интеллектуальные и искрящиеся юмором девушки. Теперь, когда мир все более укоренялся в душах всех и каждого, их переполняли все более и более глубокие социальные стремления самого различного свойства. Пятеро девушек занимали пять комнат наверху. У троих были любовники, помимо друзей-мужчин, с которыми они не спали, но всячески культивировали дружбу с ними, имея в виду возможное замужество. Из двух оставшихся одна была уже почти помолвлена, а другая была Джейн Райт, полноватая, но интеллектуально обаятельная в силу того факта, что работала в издательстве. Она подыскивала себе мужа, а тем временем общалась с молодыми интеллектуалами. Выше не было уже ничего, кроме крыши, на которую теперь нельзя было попасть через люк в потолке туалетной комнаты: он превратился в бесполезный квадрат, поскольку его заложили кирпичом задолго до войны из-за того, что какой-то не то грабитель, не то любовник,

[59] Примечания: 59

Первые строки стихотворения «Все цветы» известного английского драматурга и поэта Джона Уэбстера.

проникнув через этот люк, набросился на девушку или просто неожиданно предстал перед нею, или его обнаружили в ее постели, как утверждали некоторые. Как бы то ни было, он оставил после себя легенду о множестве вопящих посреди ночи, и световой люк с тех пор был закрыт для широкой публики. Рабочим, которых время от времени призывали, чтобы починить что-то наверху, над домом, приходилось пробираться на крышу через чердак соседнего отеля. Грегги утверждала, что досконально знает всю эту историю — она знала про клуб абсолютно все. И действительно, ведь именно Грегги, вдохновленная ярким лучом воспоминаний, навела ректора на кучу грязно-коричневых обоев, валявшихся в кладовке, тех, что теперь оскверняли стены гостиной и со злобной ухмылкой глядели всем в глаза в солнечные дни. Девушки с верхнего этажа частенько подумывали о том, что неплохо было бы принимать солнечные ванны на плоской части крыши; они взбирались на стулья и рассуждали, как бы снова открыть люк, однако ничего из этого не выходило, и Грегги снова объясняла всем почему. И всякий раз Грегги выдавала им улучшенную версию этой истории.

— Если вдруг начнется пожар, мы все тут за-

стрянем, — сказала Селина Редвуд, которая была невероятно красива.

— Вы, очевидно, не обратили внимания на инструкции о чрезвычайных мерах на случай пожара, — заметила Грегги.

Она была права. Селина редко обедала дома и поэтому никогда этих инструкций не слышала. Ректор зачитывала инструкции о чрезвычайных мерах четыре раза в год сразу после обеда. Верхнему этажу в случае чрезвычайных обстоятельств предоставлялись два пролета лестницы черного хода, ведущей к абсолютно надежной пожарной лестнице, а также существовали противопожарные устройства, повсюду валявшиеся в здании клуба. В такие вечера в клубе не бывало гостей, а его членам напоминали также и о состоянии системы водоснабжения в старых домах, и о том, каково это — в наши дни вызывать слесарей-водопроводчиков. Им напоминали, что от них ожидается, что они будут неукоснительно возвращать на место вещи после танцев, устроенных в клубе. «Почему некоторые члены клуба, к сожалению, просто уходят со своими кавалерами в ночные клубы, оставляя все на долю других?» — вопрошала ректор.

Селина все это пропускала, никогда не являясь

к обеду в ректорские вечера. Из окна ее комнаты ей была видна — как раз на уровне верхнего этажа дома и чуть позади печных труб — плоская часть крыши, общая для клуба и ближайшего отеля, та самая, что могла бы стать идеальным местом для солнечных ванн. Из окон комнат доступ на какую бы то ни было часть крыши не представлялся возможным, но в один прекрасный день Селина обнаружила, что на крышу можно попасть через окно туалетной, узкого, как щель, ставшего еще уже из-за того, что в какой-то момент долгой истории этого дома оно было разделено пополам, когда встраивали туалетные комнаты. Надо было взобраться на стульчак, чтобы увидеть крышу. Селина измерила окно. Отверстие оказалось шириной в семь дюймов и длиной в четырнадцать. Окно было со створками.

— Думаю, я смогу пролезть в окно туалетной, — сказала Селина Энн Бейбертон, занимавшей комнату напротив ее собственной.

— А зачем тебе надо в него пролезать? — удивилась Энн.

— Оно ведет на крышу. С него надо только спрыгнуть — не очень высоко.

Селина была чрезвычайно стройна. А вопрос веса и измерений имел на верхнем этаже

чрезвычайное значение. Возможность — или невозможность — протиснуться через туалетное окно стала бы одним из проверочных испытаний, которые могли бы доказать, что политика приготовления еды в клубе без насущной необходимости допускает использование слишком многих ингредиентов, способствующих увеличению веса.

— Самоубийственно, — заявила Джейн Райт, которая чувствовала себя несчастной из-за своей полноты и каждый раз испытывала неодолимый ужас перед очередной трапезой, вечно решая, что из этой трапезы съесть, а что оставить несъеденным, потом все же приходя к обратному решению, поскольку ее работа в издательстве по преимуществу умственная, а это означает необходимость обеспечить мозгу питание более обильное, чем требуется другим людям.

Из пяти членов клуба, живших на верхнем этаже, только Селина Редвуд и Энн Бейбертон смогли протиснуться в туалетное окно, причем Энн удалось это сделать только нагишом и обмазав себе тело маргарином, чтобы оно стало скользким. После первой попытки, когда она, спрыгнув вниз, подвернула щиколотку, а потом содрала кожу, влезая обратно, Энн заявила, что

в дальнейшем будет использовать свою норму мыла, чтобы облегчить выход. Норма мыла по карточкам ограничивалась столь же строго, что и норма маргарина, но оно ценилось гораздо больше, ведь маргарин все-таки повышает вес. А крем для лица слишком дорог, чтобы тратить его на оконные авантюры.

Джейн Райт не могла понять, с чего это Энн так беспокоят лишние полтора дюйма на бедрах по сравнению с бедрами Селины, ведь она и так очень стройна и у нее уже имеется твердая перспектива выйти замуж. Джейн встала на стульчак и бросила Энн ее выцветший зеленый халатик — накинуть на скользкое тело, и спросила: как там, снаружи? Двое других обитательниц верхнего этажа тогда отсутствовали, уехав на весь уик-энд.

Энн и Селина заглядывали вниз из-за края плоской крыши в таком месте, где Джейн не могла их увидеть. Возвратившись, они доложили, что увидели сад позади дома, где Грегги проводила экскурсию для двух новых членов. Она показывала им место, где упала бомба, которая не разорвалась и ее достали и увезли саперы — целый взвод, — а во время этой операции все покинули здание. Грегги также показала нович-

кам и то место, где, по ее предположениям, все еще лежала другая неразорвавшаяся бомба.

— Ох уж эта Грегги с ее сенсациями. — Джейн была готова закричать. И добавила: — Сегодня творожная запеканка — вот так ужин! Представляете, сколько калорий?

Когда они просмотрели карту меню, оказалось, около 350 калорий.

— Десерт — вишневый компот, — сказала Джейн, — 94 калории, если нормальная порция, если бы не с сахарином, тогда — всего 64. А мы сегодня и так уже наели больше тысячи калорий. Вечно по воскресеньям одно и то же повторяется. Один только хлебный пудинг был…

— А я не ела хлебный пудинг, — заявила Энн. — Хлебный пудинг — самоубийственная штука.

— А я съедаю только по маленькому кусочку от всех блюд, — призналась Селина, — и, по правде говоря, чувствую себя постоянно голодной.

— Ну, я же занимаюсь умственной работой, — сказала Джейн.

Энн расхаживала по лестничной площадке, губкой стирая с себя маргарин.

— Мне пришлось использовать все мыло и весь свой маргарин, — произнесла она.

— В этом месяце я не смогу одолжить тебе мы-

ло, — сказала Селина.

Селина регулярно получала мыло от американского армейского офицера, который доставал его из источника множества вожделенных вещей, называемого ГВМ — гарнизонный военный магазин. Но она набрала уже довольно много мыла и перестала давать его в долг.

А Энн ответила:

— Очень мне нужно твое чертово мыло. Просто больше не проси у меня тафту, только и всего.

Под «тафтой» подразумевалось вечернее платье из тафты от Эльзы Скиапарелли, которое отдала ей баснословно богатая тетушка после того, как один раз его надела. Это потрясающее платье, возбуждавшее всеобщее внимание, где бы оно ни появлялось, использовалось всем верхним этажом для особых случаев — за исключением Джейн, которой оно было мало. За его аренду Энн получала разнообразное вознаграждение — например, купоны на одежду (бесплатно) или наполовину использованный кусок мыла.

Джейн вернулась к своей умственной работе, довольно громко хлопнув дверью. Она трепетно относилась к своей умственной работе и поднимала шум из-за включенного радио своих товарок по лестничной площадке и из-за мелко-

душия тех, кто начинал торговаться с Энн из-за «тафты», когда этот наряд требовался для того, чтобы поддержать нахлынувшую волну моды на вечеринке в длинных платьях.

— Тебе нельзя надевать его в «Милрой» — оно уже дважды там побывало… Его уже видели у Куаглино, Селина в нем у Куаглино была. Оно всему Лондону становится известно.

— Но на мне оно смотрится совершенно по-другому, Энн. Я отдам тебе весь лист талонов на сладости.

— Да не нужны мне твои чертовы талоны на сладости. Я все свои бабушке отдаю.

В таких случаях Джейн высовывала голову из двери:

— Прекратите эти мелочные споры! И перестаньте визжать. Я занимаюсь умственной работой.

В гардеробе Джейн имелся выходной костюм — черный жакет и юбка, переделанные из смокинга ее отца. После войны очень немногие смокинги в Англии сумели сохранить свой первоначальный вид. Но этот трофейный наряд Джейн был слишком велик остальным обитательницам этажа, чтобы они могли его одалживать, так что она была благодарна судьбе хотя бы за это. В чем именно

заключалась ее умственная работа, оставалось для клуба тайной, так как, когда ее спрашивали об этом, Джейн выкручивалась, пускаясь в пространные объяснения, противоречащие друг другу и наполненные непонятными деталями вроде стоимостей и печатников, листов и рукописей, гранок и контрактов.

— Ну, Джейн, тебе же должны оплачивать всю дополнительную работу, которую тебе приходится делать.

— Мир книг по сути своей этим не интересуется, — говорила Джейн.

Она всегда говорила об издательстве как о «мире книг». И у нее всегда было трудно с деньгами, так что можно было предположить, что платили ей плохо. Именно потому, что ей приходится очень аккуратно расходовать шиллинги на газовый камин у себя комнате, объясняла она, она не может зимой сидеть на диете, поскольку ей нельзя мерзнуть и надо хорошо питать свой мозг.

Благодаря своей работе в издательстве Джейн пользовалась в клубе некоторым уважением, каковое несколько подрывалось появлением в вестибюле (чуть ли не каждую неделю) бледного, худого иностранца, явно старше тридцати лет и с хлопьями перхоти на темном пальто, который

спрашивал в конторе, может ли он повидать мисс Джейн Райт, всегда добавляя: «Я хотел бы увидеться с ней приватно». Кроме того, из конторы по всему клубу распространился слух, что большинство входящих телефонных звонков Джейн были именно от него.

— Это клуб Мэй Текской?

— Да.

— Могу я поговорить с мисс Джейн Райт наедине?

Однажды дежурившая секретарша сказала ему:

— Звонки членов клуба всегда приватны. Мы не подслушиваем разговоры.

— Очень хорошо. Я бы узнал, слушаете вы или нет. Я жду щелчка, прежде чем начинать говорить. Будьте добры запоминать.

Джейн пришлось потом извиниться за него в конторе:

— Он иностранец. Это связано с миром книг. Я не виновата.

Однако в последнее время рядом с Джейн появился другой, более представительный мужчина из мира книг. Она привела его в гостиную и познакомила с Селиной, Энн и сумасшедшей девушкой Паулиной Фокс, которая в свои луна-

тические вечера наряжалась для актера Джека Бьюкенена.

Этот мужчина — Николас Фаррингдон — был довольно мил, хотя и очень застенчив.

— Он думающий, — сказала Джейн. — Мы считаем его очень способным, но он пока только нащупывает свой путь в мире книг.

— Он что, тоже в издательском деле?

— В данный момент — нет. Он только нащупывает путь. Он что-то пишет.

Умственная работа Джейн подразделялась на три вида. Во-первых, и в полной тайне, она писала стихи — строго иррациональные, где примерно с той же частотой, что вишни в вишневом пироге, встречались слова, которые сама Джейн определяла как «раскаленные угли под слоем пепла» — такие, как «чресла» и «любовники», «корень» и «роза», «обломки корабля» и «саван». Во-вторых, и тоже втайне, она при содействии бледного иностранца писала письма — дружеские, но с деловыми намерениями. В-третьих, и уже более открыто, Джейн иногда доделывала в своей комнате работу, которую не успевала выполнить в течение рабочего дня в конторе своего маленького издательства.

Она была единственной ассистенткой в изда-

тельстве «Хай Тровис-Мью Лтд». Хай Тровис-Мью — это владелец издательства, а строкой ниже в шапке издательства шло имя миссис Хай Тровис-Мью, поскольку она была его директором. Настоящее (для своих) имя Хая Тровиса-Мью было Джордж Джонсон, или, по крайней мере, оно было таковым в течение некоторого времени, хотя немногие старые друзья называли его Кон, а еще более немногие и более старые — Артур или Джимми. Тем не менее во времена Джейн он звался Джорджем, и она готова была на что угодно ради Джорджа, своего белобородого нанимателя. Она упаковывала книги в пачки, доставляла их на почту или разносила по адресам, отвечала на телефонные звонки, присматривала за младенцем, когда жене Джорджа, Тилли, надо было пойти постоять в очереди за рыбой, записывала доход в бухгалтерские книги, вела учет мелкой наличности и конторских расходов и в целом вела дела маленького издательства. Через год Джордж позволил ей заниматься поиском новых авторов, а также выяснять их финансовые обстоятельства и психологически слабые места, с тем чтобы он мог работать с авторами наиболее выгодным для издательства образом.

Так же как обычай каждые несколько лет ме-

нять свое имя в надежде, что с новым именем удача наконец повернется к нему лицом, эти методы работы носили у Джорджа довольно невинный характер, поскольку ему никогда не удавалось вызнать всю правду о своих авторах или вообще извлечь из своих расследований хоть какую-то выгоду. И все же такова была его система работы, и разработка стратегии действий обостряла в нем интерес и вкус к каждодневным занятиям. Прежде Джордж совершал основные расследования самостоятельно, однако в последнее время стал подумывать о том, что может скорее добиться удачи, если будет препоручать новых авторов Джейн. Партию книг, направлявшихся Джорджу, недавно арестовали в порту Гарвича[60], и магистратный суд приговорил книги к сожжению по причине их непристойности. Джордж чувствовал себя особенно неудачливым в данный конкретный период.

Кроме всего прочего, такое решение позволяло Джорджу избавиться не только от всех затрат, но и от нервного напряжения, связанного с необходимостью сохранять бдительность во время ленча с непредсказуемыми писателями

---

[60] Примечания: 60
Гарвич — город и порт в графстве Эссекс, в Англии.

и с попытками уяснить себе, превосходит ли их паранойя его собственную. Гораздо лучше было дать им поболтать с Джейн в кафе, в постели или где там еще, куда она могла с ними отправиться. Ожидание ее донесений и так уже порядком рвало ему душу. Он был очень доволен тем, что много раз за прошедший год она спасла его от слишком высоких — больше, чем необходимо, — выплат за книгу наличными, как, например, тогда, когда поведала ему об отсутствии средств у автора или когда сказала Джорджу, в какой части рукописи ему следует найти недостатки (обычно это была та часть, которой автор особенно гордился), чтобы добиться минимального сопротивления, если не абсолютного упадка духа автора.

Джорджу удалось обрести (поочередно) трех молодых жен, вследствие его неизбывно красноречивых излияний перед ними на сюжеты из мира книг, который, как они понимали, был весьма возвышающим. Это он покинул двух предыдущих жен, а не они его, и его пока еще не объявили банкротом, несмотря на то что он пережил в ходе многолетней карьеры целый ряд различных по форме и весьма запутанных реконструкций своих предприятий, каковые, вероятно, оказались слишком обременительными

для нервов его кредиторов, чтобы те решились сопротивляться им легально — ведь никто из них так этого и не сделал.

Джордж проявлял обостренный интерес к тому, чтобы научить Джейн управляться с авторами книг. В отличие от его прикаминного красноречия, пригодного для жены Тилли, его советы, адресованные Джейн, были уклончивы и осторожны, ибо в темных уголках своего сознания он почти верил, что авторы достаточно коварны, чтобы сделаться невидимыми и прятаться под столами и стульями издательских кабинетов.

— Видишь ли, Джейн, — говорил ей Джордж, — эта моя стратегия — существенная часть самой профессии. Все издатели этим занимаются. Крупные фирмы делают это автоматически. Большие боссы могут позволить себе делать это автоматически, они не могут позволить себе признавать такие факты открыто, как это делаю я, — боятся потерять лицо. А мне приходится самому продумывать каждый шаг и самостоятельно просчитывать все, что касается авторов. В издательской профессии ты имеешь дело с весьма темпераментным сырьем. — Джордж прошел к углу, отгороженному занавеской, за которой скрывалась вешалка, и отодвинул занавеску.

Вгляделся внутрь и снова ее задвинул. — Всегда думай об авторах, как о сырье в твоих руках, Джейн, — продолжал он, — если собираешься остаться в мире книг.

Джейн воспринимала это как свершившийся факт. Теперь ей дали на разработку Николаса Фаррингдона. Джордж предупреждал, что работать с этим автором — ужасный риск. Джейн рассудила, что ему чуть за тридцать. О нем говорили, что он — поэт не слишком большого таланта и анархист, не слишком преданный делу анархизма. Однако даже эти детали поначалу не были ей известны. Он принес Джорджу пачку машинописных листков потрепанного вида, неаккуратно уложенных в коричневую картонную папку. Все это было озаглавлено «Субботние записные книжки».

Николас Фаррингдон весьма заметно отличался от других писателей, с которыми Джейн приходилось встречаться. Отличался он прежде всего, но пока еще не вполне заметно, тем, что понимал — он находится «в разработке». А она тем временем отмечала, что он более высокомерен и более нетерпим, чем другие писатели-интеллектуалы. Она отметила также, что он более привлекателен.

Джейн добилась некоторого успеха с очень

интеллектуальным автором книги «Символизм Луизы Мэй Олкотт»[61], которую Джордж теперь продавал в некоторых кругах весьма успешно и быстро, поскольку в ней широко затрагивалась тема лесбиянства. Она, кроме того, добилась некоторого успеха с Руди Биттешем, румыном, который часто заходил к ней в клуб.

Но Николас оказал на Джорджа более удручающее влияние, чем обычно. Более того, Джордж разрывался между двумя сильными чувствами: привлекательностью книги, понять которую он не мог, и боязнью ее провала. Он передал Николаса в разработку Джейн, а сам каждый вечер плакался Тилли, что попал в руки писателя, который ленив, безответственен, несносен и коварен.

Вдохновленная внезапным счастливым озарением, Джейн выработала для первого подхода к писателю манеру задавать ему вопрос: «А каков ваш raison d'être?»[62] Это срабатывало великолепно. Она испробовала этот подход на Николасе Фаррингдоне, когда в один прекрасный день он

---

[61] Примечания: 61

Луиза Мэй Олкотт — американская писательница (1832–1888), прославившаяся в 1868 г. романом «Маленькие женщины».

[62] Примечания: 62

Смысл существования *(фр.).*

явился в издательство узнать насчет рукописи, а у Джорджа «была встреча», что на самом деле означало, что он прячется в кабинете в задней части дома.

— Каков ваш raison d'être, мистер Фаррингдон?

Он нахмурил брови и посмотрел на нее каким-то абстрактным взглядом, словно она — некий говорящий аппарат, к тому же испортившийся.

Вдохновленная новым неожиданным озарением, Джейн пригласила его пообедать в клубе Мэй Текской. Он принял приглашение с особой застенчивостью, видимо из-за книги. Она была отвергнута уже десятью издательствами, впрочем, как большинство книг, приходивших в издательство Джорджа.

Визит Николаса сразу поднял престиж Джейн в глазах обитателей клуба. Она никак не ожидала, что ее гость так легко освоится в новой обстановке. Прихлебывая черный кофе в гостиной в компании Джейн, Селины, маленькой темноволосой Джуди Редвуд и Энн, он смотрел на все с едва заметной довольной улыбкой. Джейн выбрала себе компаньонок на этот вечер, словно руководствуясь инстинктом пробующей свои силы сводницы, о чем, видя, насколько преуспела в своих стараниях, она отчасти жалела, но отчасти

и поздравляла себя с удачей, так как по различным, дошедшим до нее сведениям, не могла с точностью судить, не предпочитает ли Николас мужчин; теперь она сделала вывод, что, по всей вероятности, ему нравятся оба пола. Непревзойденные ноги Селины сами собой расположились по диагонали к глубокому креслу, где сидела, лениво распростершись, их обладательница, всем своим видом дававшая понять, что лишь эта женщина из всех присутствующих может позволить себе сидеть, так распростершись в кресле. Было что-то такое в привольной позе Селины, что придавало ей величие королевы. Она с явным одобрением разглядывала Николаса, который тем временем переводил взгляд то туда, то сюда, рассматривая собравшиеся в других частях комнаты группки щебечущих девушек. Двери на террасу были широко открыты в прохладный вечер, и вскоре из рекреационного зала, пролетев над террасой, донесся голос Джоанны — урок красноречия был в разгаре.

Был юношей милым Чаттертон,

И духом — помню — весел был и горд.

А дале вспомню — весел, в жизнь влюблен

Был тот, что плуг свой вел под сенью гор.

Что ж нас обожествляет? Лишь душа,

Поэтам юность счастье щедро дарит,

Заря их жизни лишь и хороша,

Конец же дней их горем измытарит…[63]

— Лучше бы она по-прежнему читала «Гибель „Германии“», — пожалела Руди Редвуд. — Хопкинс у нее замечательно получается.

А голос Джоанны все звучал:

— Помните об ударении на слове «Чаттертон» и о паузе следом за ним.

Ученица Джоанны продекламировала:

Был юношею милым Чаттертон…

Волнения по поводу окна-щелочки продолжались весь остаток дня. Умственная работа Джейн шла на фоне голосов, эхом доносившихся из большой туалетной комнаты, где находилось окно. Вернулись две другие обитательницы верхнего этажа, которые провели уик-энд у себя дома, в

---

[63] Примечания: 63

Отрывок из поэмы знаменитого английского поэта-лауреата Уильяма Вордсворта (1770–1850) «Решительность и независимость». Пер. Н. Эристави.

сельской местности. Это были Дороти Маркэм, обедневшая племянница леди Джулии Маркэм, председательницы Административного комитета клуба, и Нэнси Риддл, одна из множества обитавших в клубе пасторских дочерей. Нэнси пыталась преодолеть свой мидлендский акцент и с этой целью брала уроки красноречия у Джоанны.

Джейн, занимаясь умственной работой, слышала со стороны туалетной все об успехе пролезания Дороти Маркэм через окно. Бедра Дороти были тридцать шесть с половиной дюймов в окружности, а размер бюста — всего тридцать один дюйм; этот факт вовсе не приводил ее в отчаяние, поскольку она намеревалась выйти замуж за одного из трех молодых людей из широчайшего круга ее знакомых, ибо случилось так, что их притягивали мальчиковые фигуры у девушек. И хотя Дороти пока еще была не так хорошо осведомлена об этом, как ее тетушка, она все же знала достаточно, чтобы верить, что ее безбедрая и безгрудая фигурка всегда будет притягательна для мужчин, которые чувствуют себя с такой фигуркой абсолютно в своей тарелке. Дороти могла выдавать — в любое время дня или ночи — бесконечные каскады девчачьей болтовни, в результате чего

создавалось вполне правомерное впечатление, что в тех случаях, когда она не разговаривает, не ест и не спит, она вовсе не думает, а если думает, то именно такими фразами-всплесками, как говорит: «Кошмарный ланч!», или «Обалденная свадьба!», или «Он действительно ее изнасиловал. Она та-ак изумилась!», или «Прегадкий фильм!», или «Я отчаянно хорошо себя чувствую, спасибочко, а вы как?».

Голос Дороти из туалетной отвлекал Джейн от умственной работы: «Ох, черт! Я вся черная от сажи. Я абсолютный грязингтон!» Она приоткрыла дверь в комнату Джейн, не постучав, и просунула в щель голову: «А нет ли мыльца-любимца?» Это было за несколько месяцев до того, как она снова просунула голову в дверь и объявила: «Кошмарики, как повезло. Я залетела. Приглашаю на свадьбу».

В ответ на просьбу о мыле Джейн сказала: «А ты можешь одолжить мне пятнадцать шиллингов до следующей пятницы?»

Это было ее последним средством спасения от посетителей, когда она занималась умственной работой.

Очевидно было, судя по звукам, доносившимся из туалетной, что Нэнси Риддл застряла в

окне. У Нэнси начиналась истерика. В конце концов Нэнси высвободили и успокоили, о чем свидетельствовал постепенный переход от мидлендских гласных к стандартным английским, доносившимся теперь из туалетной.

Джейн продолжала работать, описывая самой себе этот процесс как исполнение приказа «Продолжать, несмотря ни на что!». Все обитательницы клуба, инфицированные идиомами, принятыми в Военно-воздушных силах и усвоенными девицами из дортуара, постоянно использовали это выражение.

Она на время отложила рукопись Николаса, так как это оказалось совсем не легким делом: она фактически еще не разобралась в том, какова же тема этой книги, что было совершенно необходимо, прежде чем решать, какой отрывок должен вызывать некоторые сомнения, хотя она уже придумала, какое замечание посоветует Джорджу высказать: «Не думаете ли вы, что эта часть несколько деривативна, вторична?» Джейн придумала это во время нового неожиданного озарения.

Итак, она отложила книгу. Теперь она выполняла весьма серьезную работу, которой посвящала свое свободное время и за которую ей платили.

Эта работа помещалась в тот раздел ее существования, что был связан с Руди Биттешем, которого она на этом этапе своей жизни терпеть не могла из-за его непривлекательной внешности. Помимо всего прочего, он был для нее слишком стар. В подавленном состоянии духа она находила полезным напоминать себе, что ей всего лишь двадцать два года, ибо это придавало ей бодрости. Джейн просмотрела подготовленный Руди список знаменитых авторов и соответствующих адресов, чтобы выяснить, кого еще она не обработала. Взяла лист почтовой бумаги, надписала адрес своей двоюродной бабушки, живущей за городом, и дату. Затем принялась писать:

«Глубокоуважаемый мистер Хемингуэй,

я посылаю это письмо к Вам на адрес Вашего издателя в уверенности, что он перешлет его Вам.

Это было рекомендованное ей предисловие — Руди говорил, что иногда издатели получают от авторов указание вскрывать адресованные им письма и выбрасывать их, если они не имеют достаточного делового значения, но такое вступление, если оно попадет в руки

издателя, „может тронуть издательское сердце“. Остальная часть письма была целиком в компетенции самой Джейн. Она подождала некоторое время — не нахлынет ли небольшое новое озарение — и продолжила писать:

Я уверена, Вы получаете множество восхищенных писем, и колебалась — стоит ли добавлять еще одно в Вашу почтовую сумку. Но с тех пор, как я вышла из тюрьмы, где провела два года и четыре месяца, мне все чаще и чаще хотелось, чтобы Вы знали, как много Ваши романы значили для меня все то время. Меня редко навещали в тюрьме. Дозволенные мне еженедельные часы досуга я проводила в библиотеке. Она, увы, не отапливалась, но я, зачитываясь, не обращала внимания на холод. Ничто из прочитанного мною не наделяло меня таким мужеством и желанием строить новое будущее, когда я выйду на свободу, как „По ком звонит колокол“. Этот роман вернул мне веру в жизнь.

Я просто хочу, чтобы Вы знали об этом, и говорю Вам: „Спасибо!“

Искренне Ваша,

(Мисс) Дж. Райт
P. S. Это не просьба о вспомоществовании. Заверяю Вас, я возвратила бы посланные мне деньги».

Если письмо сумеет дойти до него, оно может принести написанный от руки ответ. Письма из тюрьмы или из сумасшедшего дома чаще приносили ответы, написанные собственной рукой автора, чем какой-либо иной вид письма, но приходилось выбирать писателей «с душой», как говорил Руди. Бездушные писатели вообще редко отвечали на письма, а если отвечали, то печатали их на машинке. За машинописное письмо, если оно было подписано автором, Руди платил два шиллинга, и то если автограф был редкий, но если подпись автора встречалась повсеместно, а письмо оказывалось простой признательностью, Руди ничего не платил. За собственноручное письмо автора Руди платил пять шиллингов за первую страницу и по шиллингу за каждую следующую. Это настолько подстегивало изобретательность Джейн, что она совершала подвиг за подвигом, сочиняя письма, которые могли бы заставить получателя ответить собственноручно

написанным текстом.

Руди оплачивал почтовую бумагу, конверты и марки. Он говорил ей, что письма писателей нужны ему «в сентиментальных целях, для моей коллекции». Она эту его коллекцию видела. Однако пришла к заключению, что он ее составляет, хорошо разбираясь во все возрастающей год от года ценности таких писем.

«Если я сам пишу, это не звучит так правдиво: я не получаю интересные ответы. Между прочим, мой английский язык не похож на английский язык английской девушки».

Джейн и сама могла бы составить собственную коллекцию писем, если бы не нуждалась в наличных деньгах и могла бы позволить себе откладывать эти письма на будущее.

«Никогда не просите денег в свои письма, — предостерег ее Руди. — Вообще не упоминайте тема денег. Это составляет уголовное преступление при мошенничестве». Тем не менее она после очередного озарения стала добавлять свой обычный постскриптум — просто для большей убедительности.

Джейн поначалу беспокоилась, как бы ее не разоблачили и она не попала бы в какую-нибудь заваруху. Руди ее разуверил: «Это не преступле-

ние. Вы сказать, это шутка. И кто это станет вас выяснять, между прочим? Вы думаете, Бернард Шоу собирается писать и делать вопросы о вас у ваша старая бабушка? Бернард Шоу — это же ИМЯ».

На самом деле Бернард Шоу вызвал одно лишь разочарование. Он прислал напечатанную на машинке открытку:

> «Благодарю вас за письмо с хвалебным отзывом о моих писаниях. Поскольку вы говорите, что они утешили вас в ваших несчастьях, я не стану попусту тратить время и золотить лилию личными комментариями. И поскольку вы пишете, что не желаете денег, не стану обременять вас текстом, написанным от руки, и навязывать собственноручную подпись, ведь они имеют какую-то материальную ценность.
>
> ***Дж. Б. Ш.»***.

Инициалы тоже были напечатаны на машинке.

Джейн обучалась на собственном опыте. Ее письмо от имени незаконнорожденной дочери принесло сочувственное письмо от Дафны Дю

Морье, за которое Руди уплатил полную цену. С некоторыми авторами научный подход — вопрос о скрытом смысле — срабатывал лучше всего. Однажды в результате нового неожиданного озарения она написала Генри Джеймсу в клуб «Атенеум».

«— Это была глупость с ваша сторона, — сказал Руди, — потому что Генри Джеймс умер, между прочим.

— А хотите письмо от автора по имени Николас Фаррингдон? — спросила она.

— Нет, — ответил Руди, — я давно знаю Николас Фаррингдон, он ничего не стоит. Он вряд ли когда-нибудь сделает себе ИМЯ. Что он написал? — Книгу „Субботние записные книжки“.

— Религиозная?

— Ну, он называет это политической философией. Это просто множество заметок и мыслей. — Попахивает религией. Он кончит вроде реакционный католик, станет подчинять Папе. Я это предсказал уже, еще до война.

— У него очень приятная внешность».

Джейн терпеть не могла Руди. Он был совсем не привлекателен. Она надписала адрес и наклеила марку на письмо Эрнесту Хемингуэю, и поставила галочку и дату против его имени в списке

Руди. Голоса девушек в туалетной стихли. Радио у Энн пело:

Ангелы обедали в отеле «Риц»,
А на Беркли-сквер пел соловей[64].

Было двадцать минут седьмого. До ужина оставалось время для еще одного письма. Джейн посмотрела в конец списка.

«Глубокоуважаемый мистер Моэм,

я посылаю это письмо к Вам на адрес Вашего клуба…»

Джейн остановилась и задумалась. Съела квадратик от плитки шоколада, чтобы поддержать работу мозга, пока не наступит пора ужинать. Тюремное письмо может не затронуть чувств Моэма. Руди говорил, что этот писатель весьма циничен в отношении человеческой натуры. Озарение заставило ее вспомнить, что Моэм когда-то был врачом. Возможно, неплохой идеей будет письмо из лечебного санатория… Она два года и четыре месяца проболела туберкулезом.

---

[64] Примечания: 64

Песня М. Шервина и Е. Машурица «На Беркли-сквер пел соловей», обретшая широкую популярность во время Второй мировой войны и после нее.

В конце концов, эта болезнь не является чертой человеческой натуры, тут не из-за чего проявлять свой цинизм. Она пожалела, что поела шоколада, и убрала остаток плитки подальше, к самой стенке буфетной полки, так, чтобы ее трудно было достать, будто прятала плитку от ребенка. Правильность этого действия и неправильность поедания шоколадки были подтверждены словами Селины, раздавшимися из комнаты Энн: Энн к этому времени выключила радио и они разговаривали. Селина, вероятнее всего, растянулась на кровати Энн в этой своей томной манере. Это определилось совершенно точно, когда она принялась медленно и торжественно повторять две сентенции.

Две сентенции были простым утренним и вечерним упражнением, предписанным главной инструктриссой «Курса самообладания и правильной манеры держаться», который Селина стала недавно изучать заочно: в нем давалось двенадцать уроков за пять гиней. «Курс самообладания» глубоко верил в самовнушение и рекомендовал для поддержания самообладания и душевного равновесия у работающей женщины дважды в день повторять следующие две сентенции:

«Самообладание есть идеальная уравновешенность и невозмутимость тела и души, совершенное спокойствие, каким бы ни был социальный пейзаж. Элегантная одежда, безупречная подтянутость и ухоженность, идеальное умение правильно держаться — все это способствует обретению уверенности в себе».

Даже Дороти Маркэм каждое утро в восемь тридцать и каждый вечер в шесть тридцать прекращала на несколько секунд свою болтовню из уважения к этим двум сентенциям Селины. Весь верхний этаж относился к ним с должным уважением. Они же стоили пять гиней! Два этажа под ними остались равнодушны. Однако дортуары прокрадывались на лестничные площадки, чтобы послушать: они едва могли поверить собственным ушам и заучивали на память каждое слово с жестокой радостью, чтобы передать своим друзьям из BBC и заставить их хохотать «как из ведра» — именно так в те дни описывался веселый смех в тех кругах. В то же время девушки из дортуаров завидовали Селине, понимая в душе, что в том, что касается внешности, им никогда не встать в один ряд с Селиной.

С сентенциями было покончено как раз, когда Джейн затолкала оставшуюся шоколадку по-

дальше, с глаз долой. Она вернулась к письму. У нее был туберкулез. Она издала слабый кашель и оглядела комнату. В комнате находились раковина, кровать, комод, буфет, стол с лампой, соломенный стул, стул жесткий, книжный шкаф, газовый камин и газометр со щелью, куда надо было опускать шиллинг за шиллингом, чтобы отмерять порции газа. Джейн подумала, что такие же условия могут быть и в палате лечебного санатория.

Один последний раз, — произнес голос Джоанны с этажа прямо под нею. Она теперь репетировала с Нэнси Риддл, которая в данный конкретный момент справлялась со стандартными английскими гласными очень неплохо. — И еще раз, — сказала Джоанна. — У нас как раз остается время до ужина. Я прочту первую строфу, затем вы — за мной:

А у нас, на нашем старом чердаке,
ровно яблоки уложены рядком,
А в окошко высоко на потолке свет луны
свободно ночью входит в дом,
А вглядись, и зелень яблок в свете том,
словно яблоки лежат на дне морском,

А осенней ночью на луну облако вплывает[65].

[65] Примечания: 65

Первая строфа стихотворения английского поэта, драматурга, критика и актера Джона Дринкуотера (1882–1937) «Яблоки в лунном свете».

4

Шел июль 1945 года, оставалось три недели до всеобщих выборов.

Так лежат они рядами на полу,
под чернеющими балками, в ночи,
На просевших половицах, там, в углу,
собирая серебристые лучи.
Лунный свет на сонных яблоках дрожит,
унося их глубже в дрему, и молчит
Лестница слепая, что от них круто вниз сбегает.

«Лучше бы она по-прежнему читала „Гибель „Германии““». — «Разве? А мне больше нравятся „Яблоки в лунном свете“».

И тут мы подходим к Николасу Фаррингдону на его тридцать третьем году жизни. О нем говорили, что он — анархист. Однако в Мэй-Теке никто не принимал этого всерьез, поскольку он выглядел как совершенно нормальный человек: иными словами, он выглядел как человек несколько беспутный, что вполне подобало не

вполне удачному сыну из хорошей английской семьи — каковым он и был на самом деле. То, что каждый из его трех братьев (двое — бухгалтеры, один — зубной врач) повторял, с того самого времени, как Николас бросил Кембриджский университет в середине 1930-х годов: «Боюсь, Николас немного не вписывается», никого не удивляло.

За информацией о нем Джейн Райт обратилась к Руди Биттешу, который знал Николаса с начала 1930-х.

«Вам незачем с ним беспокоиться, он — путаница, между прочим, — сказал ей Руди. — Я его хорошо знаю, он мой хороший друг». От Руди она узнала, что до войны Николас никак не мог решить, жить ему в Англии или во Франции и предпочитает ли он мужчин или женщин, поскольку у него чередовались периоды страсти то к тем, то к другим. Кроме того, он никак не мог сделать выбор между самоубийством и не менее радикальным образом действий в стиле отца Д'Арси. Руди объяснил, что последний — это философ-иезуит, монопольно обращавший в католичество английских интеллектуалов. Вплоть до начала войны Николас был пацифистом, говорил Руди, а потом пошел в армию. «Как-то

раз я встретил его на Пиккадилли в военной форме, — сказал Руди, — и он признал мне, что война принесла ему мир. А тут вдруг — бах — и его психоанализировали из армии, по блат, и он уже работает в разведке. Анархисты от него отказались, но он считает — он анархист».

Вопреки тому, чего добивался Руди, рассказывая Джейн о Николасе Фаррингдоне, его отрывочная история не только не настроила Джейн против него, но в ее воображении, а через нее и в глазах всех девушек верхнего этажа придала ему неотразимый героизм.

«Наверное он — гений», — предположила Нэнси Риддл.

У Николаса была привычка произносить: «Когда я стану знаменит…» — имея в виду отдаленное будущее, — с той же веселой иронией, с какой автобусный кондуктор на маршруте № 75 комментировал законодательство страны: «Когда я приду к власти…»

Джейн показала Руди «Субботние записные книжки», озаглавленные так, потому что Николас в качестве эпиграфа взял текст: «Суббота для человека, а не человек для субботы»[66].

---

[66] Примечания: 66
Евангелие от Марка, 2:27.

— Джордж, должно быть, сошел с ума — издавать такое, — сказал Руди, когда принес книгу обратно. Они сидели в рекреационном зале, в другом конце которого, у стеклянных дверей, под углом к ним стоял рояль, на котором какая-то девушка играла гаммы, стараясь вложить в свою игру столько чувства, сколько можно вложить в гаммы, не нарушая приличий. Треньканье «музыкального ящика» звучало достаточно далеко и размывалось звуками воскресного утра, доносившимися с террасы, так что не слишком сильно смешивалось с голосом Руди, когда он читал — на своем иностранном английском — небольшие отрывки из книги Николаса, чтобы доказать что-то Джейн. Он делал это, словно торговец тканями, вероятно желающий убедить покупателя приобрести самый лучший из его товаров, но поначалу демонстрирующий образцы низшего качества; он предлагает пощупать ткань, высказать мнение, пожимает плечами и отбрасывает образец в сторону. Джейн была убеждена, что Руди прав в своих суждениях о том, что он ей читает, но в действительности ее гораздо больше интересовало то, что она могла разглядеть в личности Николаса Фаррингдона сквозь мимолетные замечания Руди. Николас оказался единственным

презентабельным интеллектуалом из тех, кого она встречала.

— Она ни плохая, ни хорошая, — оценил Руди. Он помотал головой, пока говорил это. — Она — посредственность. Я вспоминаю, он писал это в 1938-м, когда в качестве сексуального партнера имел веснушчатую особу женского пола. Она был анархистка и пацифистка. Слушайте, между прочим… И он прочел вслух:

> «Х. пишет историю анархизма. Собственно анархизм не имеет истории в том смысле, как намерен ее описать Х. — то есть в смысле непрерывности и развития. Анархизм есть спонтанное движение людей в определенные периоды времени и при определенных обстоятельствах. История анархизма не могла бы иметь характер политической истории, она могла бы стать аналогичной истории сердцебиения. Можно сделать о нем какие-то новые открытия, можно сравнивать реакции движения на различные условия, но в самом по себе движении ничего нового нет».

Джейн думала о веснушчатой подружке Нико-

ласа, с которой тот спал, когда писал эту книгу, и почти уже вообразила, что они брали «Субботние записные книжки» с собой в постель.

— А что потом случилось с его девушкой? — спросила Джейн.

— С этим ничего плохого нет, — сказал Руди, имея в виду прочитанный отрывок. — Но это не такая великолепная великая истина, что ему надо, как великий человек, поместить ее на страницу, отдельно, между прочим. Он делает *pensées*[67], потому что ему слишком лень делать эссе. Послушайте…

Джейн повторила:

— Что случилось с той девушкой?

— Она села в тюрьма за пацифизм, может быть, не знаю. Если бы я был Джордж, я не прикоснусь одним пальцем к этой книге. Слушайте…

«Каждый коммунист хмурит брови, как фашист, каждый фашист улыбается, как коммунист».

— Ха! — произнес Руди.

— А я подумала, что это очень глубокое место, — сказала Джейн, так как это было единственное место, которое ей запомнилось.

— Вот почему он его туда написал, он рассчиты-

---

[67] Примечания: 67
Мысли *(фр.).*

вать, эта чертова книга нужно иметь публику, так что он включать маленький кусочек афоризм, очень умный, чтобы девушка, как вы, нравилось слушать, между прочим. Это ничего не значит. Где тут смысл?

Большая часть последних слов Руди прозвучала гораздо громче, чем он того хотел, так как девушка за роялем перестала играть — она решила отдохнуть.

— Тут нет причин так волноваться, — громко сказала Джейн.

Девушка за роялем начала новый набор тренькающих всплесков.

— Мы перейдем в гостиная, — предложил Руди.

— Нет, — возразила Джейн. — Сегодня утром все в гостиной. Нам не отыскать там ни одного укромного уголка. — Ей не особенно хотелось выставлять Руди напоказ перед остальными обитательницами клуба.

Вверх и вниз бегала по ступенькам гамм девушка за роялем. Из окна над рекреационным залом послышалось, как Джоанна, ведущая урок красноречия с кухаркой, мисс Харпер, втиснув его в перерыв перед тем, как ее ученица должна была поместить воскресный окорок в духовку,

сказала:

— Послушайте:

Подсолнух мой! Мгновения резвы,

Но ты стремишь вслед солнцу существо, —

Так путник ждет уюта и любви

В конце пути грядущем своего[68].

— А теперь вы попробуйте. Очень медленно на третьей строке, думайте про грусть о знойном небе, когда будете это произносить.

Подсолнух мой!..

Дортуарные девицы, высыпавшие на террасу из гостиной, щебетали, словно целая стая диких птиц. Нотки гамм послушно следовали одна за другой.

— Слушайте, — произнес Руди:

«Всех и каждого следует убедить в необходимости помнить, как далеко и с каким патетическим шумом наше общество сбилось с пути истинного, и теперь ему приходится назначать своими храните-

---

[68] Примечания: 68

Первая строфа стихотворения знаменитого английского поэта Уильяма Блейка (1757–1827) «Подсолнух» (1794). Пер. Н. Эристави.

лями политиков, с тем чтобы его эмоции, приносящие ли успокоение во время завтрака, или рождающие страх в вечернее время…»

— Вы замечаете, — спросил Руди, — что он говорит «сбилось с пути истинного»? В этом причина, что он никакой анархист, между прочим. Они его выгоняют, когда он сказал так, как говорит папский сын. Этот человек — путаница, как он зовет себя анархист: анархист не делает такой разговор про первородный грех, и так дальше. Они разрешают только антисоциальные тенденции, неэтичный поведение, и так дальше. Ник Фаррингдон — диверсант, саботажник, между прочим.

— Вы зовете его — Ник?

— Иногда, в пабах. «Пшеничный сноп» и «Горгулья», так дальше, там он был Ник в те дни. Кроме только, там был парень, уличный торговец, называл его «мистер Фаррингдон», а Николас сказал ему: «Меня „Мистером“ не крестили», но ничего хорошо не вышло. Парень был его друг, между прочим.

— Еще раз! — послышался голос Джоанны.

Подсолнух мой! Мгновения резвы…

— Слушайте, — сказал Руди:

«Тем не менее давайте установим, что есть для нас решающий момент, что есть для нас благоприятная возможность. Нам не нужно правительство. Нам не нужна Палата общин. Парламент должен быть распущен навсегда. Мы сможем прекрасно справиться, двигаясь в направлении полностью анархического общества с нашими великими, но безвластными институтами: мы сможем справиться с помощью монархии в качестве примера достоинства, заложенного в свободной раздаче и приятии высоких должностей и привилегий, не дающих власти; с помощью церквей, обеспечивающих духовные нужды народа; с помощью Палаты лордов, имеющей целью дебаты и рекомендации; с помощью университетов — для консультаций. Нам не нужны институты, обладающие властью. Практические дела могут осуществляться Советами больших и малых городов и деревень. Международные дела могли бы вести сменяемые представители обще-

ства, не обладающие профессиональной правоспособностью. Нам не нужны профессиональные политики, стремящиеся к власти. Бакалейщик, врач, повар должны отслужить свой срок своей стране, как люди служат свой срок в коллегии присяжных. Нами может управлять одна лишь корпоративная воля людских сердец. Нам твердят, что институты безвластны, а на самом деле это власть прекратила свое существование».

— Я задам вам вопрос, — сказал Руди. — Это простой вопрос. Он хочет монархию и он хочет анархизм. Что же все-таки он хочет? Эти двое — враги во всей истории. Простой ответ: он — путаница.

— А сколько лет было этому уличному торговцу? — спросила Джейн.

— И еще раз, — донесся голос Джоанны из верхнего окна.

Дороти Маркэм присоединилась к девушкам на солнечной террасе. Она делилась с ними охотничьими рассказами:

— …единственный раз, когда меня бросили, это меня потрясло до самых глубин. Зверь такой!

— И где же ты приземлилась?

— А где ты думаешь?

Девушка у рояля прекратила игру и аккуратно сложила ноты.

— Я уйду, — сказал Руди, взглянув на часы. — У меня договор встретиться с контактом, чтобы выпить.

Он поднялся и еще раз, прежде чем передать ей рукопись, быстро перелистал машинописные страницы. Потом проговорил печальным тоном:

— Николас мой друг, но я жалею сказать, что он неплодотворный мыслитель, между прочим. Идите сюда, послушайте:

> «Есть некая правда в популярном представлении об анархисте, как о дикаре с самодельной бомбой в кармане. В нынешние времена такая бомба, сработанная в далеко запрятанных мастерских воображения, может только принять одну-единственную форму: Осмеяние».

— «Только принять» — грамматически неправильно, надо было бы сказать «принять только», — заметила Джейн. — Мне надо это исправить, Руди.

Довольно уже говорить о портрете мученика в юные годы, в том виде, как он был предложен Джейн в воскресное утро между одним мирным договором и другим, в те дни, когда все были бедны — в 1945 году. Джейн, которая прожила потом достаточно, чтобы успеть исказить этот портрет, придав ему самые изощренные формы, в описываемое время просто чувствовала, что, соприкасаясь с Николасом, она соприкасается с чем-то дерзким, интеллектуальным и богемным. Презрительное отношение к нему Руди в ее глазах рикошетом обращалось на самого Руди. Джейн полагала, что слишком много знает об этом последнем, чтобы относиться к нему с уважением, и была поражена, обнаружив, что между ним и Николасом действительно существует что-то вроде дружбы, тянущейся из прошлого.

Тем временем Николас слегка затронул и воображение девиц со скудными средствами, а они, в свою очередь, воображение Николаса. Он еще не успел в жаркие летние ночи переспать с Селиной на крыше, куда ему удавалось пробраться через оккупированный американцами чердак соседнего отеля, а ей — через окошко-щель, и он еще не успел стать свидетелем столь беспредельной жестокости, что заставила его невольно сделать

абсолютно несвойственный ему жест — осенить себя крестом. В описываемое время Николас еще работал в одном из отделов Министерства иностранных дел, который отличался левыми настроениями; деяния этого отдела были мало известны другим: поистине, правая рука не знала, что делает левая. Отдел этот являлся подразделением разведывательной службы. После высадки в Нормандии Николас был направлен с несколькими поручениями во Францию. Теперь этому отделу нечем было заниматься, кроме как сворачивать дела. Сворачивание дел было нелегкой работой. Оно требовало переброски бумаг и людей из кабинета в кабинет, из конторы в контору; в частности, оно требовало значительного перемещения бумаг туда и сюда между карманами британских и американских разведывательных служб в Лондоне. В Лондоне Николас жил в мрачной меблирашке в Фулеме. Ему все надоело.

* * *

— У меня есть что вам рассказать, Руди, — сказала Джейн.

— Не вешайте трубку, пожалуйста, у меня покупатель.

— Тогда я перезвоню попозже. Я тороплюсь. Я

только хотела сообщить вам, что Николас Фаррингдон умер. Помните ту его книгу, которую тогда так и не опубликовали, — он отдал вам рукопись. Ну вот, сейчас она может чего-то стоить, и я подумала…

— Ник умер? Не вешайте трубку, Джейн, у меня покупатель, он собирается купить книгу. Не вешайте, пожалуйста.

— Я позвоню позже.

А тогда, в 1945 году, Николас пришел обедать в клуб.

Был юношею милым Чаттертон,
И духом — помню — весел был и горд.

— Кто это?

— Это Джоанна Чайлд. Она обучает красноречию. Надо вас с ней познакомить.

Возбужденный щебет и непрестанное движение на террасе, поразительный голос Джоанны, прелестные стороны бедности и очаровательности этих девушек в оклеенной грязно-коричневыми обоями гостиной, Селина, словно длинный мягкий шарф распростершаяся в кресле, все это, совершенно непрошено, потоком вливалось в сознание Николаса. Месяцы невыносимой скуки настолько подавили его, что он был опьянен впе-

чатлениями, которые в иное время сами могли бы вызвать у него не меньшую скуку.

Через несколько дней Николас пригласил Джейн на вечеринку и познакомил с людьми, с которыми она так стремилась познакомиться, — с молодыми мужчинами-поэтами и с молодыми женщинами-поэтессами с волосами до талии или на крайний случай с женщинами, которые занимались перепечаткой для поэтов или спали с ними, — что практически было одно и то же. Он взял ее с собой на ужин в ресторан «Берторелли», потом — на поэтические чтения в наемном доме собраний на Фулем-роуд; потом — на вечеринку с несколькими знакомыми, которых встретил на этих чтениях. Один из этих поэтов, о котором хорошо отзывались, получил работу в «Ассошиэйтед ньюз» на Флит-стрит; в честь этого события он приобрел пару роскошных перчаток из свиной кожи, которые гордо выставил на всеобщее обозрение. На этой поэтической встрече царил дух сопротивления обществу. Казалось, что поэты понимают друг друга на уровне какого-то тайного инстинкта, чуть ли не внутренне присущей им преддоговоренности, и ясно было, что поэт в перчатках никогда не стал бы выставлять эти поэтические перчатки столь откровенно и не

стал бы ожидать, что его поймут так хорошо в том, что касается этих перчаток, ни на его новой работе на Флит-стрит, ни где бы то ни было еще.

Некоторые присутствующие мужчины были демобилизованы из небоевых армейских частей. Некоторые не годились для военной службы в силу очевидных причин — нервного подергивания мышц лица, плохого зрения или хромоты. Другие еще носили военную форму. Николас ушел из армии месяц спустя после Дюнкерка, откуда он выбрался с ранением большого пальца руки. Демобилизация последовала в результате незначительного нервного расстройства, которое случилось с ним в тот месяц, после Дюнкерка.

Николас держался явно отстраненно от собравшихся вместе поэтов, но, хотя и приветствовал своих друзей с заметной сдержанностью, было столь же заметно, что ему хотелось, чтобы Джейн могла вкусить всю радость общения с ними. На самом деле он хотел, чтобы она снова пригласила его на обед в клуб Мэй Текской, что дошло до нее несколько позже в тот же вечер.

Поэты читали свои стихи — по два стихотворения каждый, и каждый получал аплодисменты. Некоторым из них предстояло через несколько лет пережить провал и исчезнуть на «ничейной

земле» — в пабах Сохо, пополнив число неудачников, столь часто встречающихся в литературной жизни. Другие, несмотря на талант, вовремя заколебались и, не обладая достаточной стойкостью, бросили поэзию и нашли себе работу в рекламе или в издательском деле, более всего возненавидев людей от литературы. Третьи преуспели, но далеко не все из них продолжали писать стихи, а если писали, то не только стихи.

Один из таких поэтов, Эрнест Клеймор, впоследствии, в 1960-е годы, стал биржевым маклером-мистиком. Рабочие дни он проводил в лондонском Сити, выходные — три раза в месяц — в своем загородном коттедже из четырнадцати комнат, где он, игнорируя жену, запирался в кабинете и писал свою «Думу», и один раз в месяц — в монастыре. В шестидесятые годы Эрнест Клеймор прочитывал в неделю одну книгу: читал в постели, перед сном. Иногда он посылал письмо в газету о какой-нибудь рецензии на книгу: «Сэр, возможно, я туп, но я прочел вашу рецензию на…»; ему предстояло еще написать три небольших философских книги, которые были действительно вполне доступны человеческому разумению; в описываемый же момент, летом 1945 года, он был юным темноглазым поэтом,

присутствовавшим на поэтическом вечере и только что закончившим читать, хрипло и мощно, свой второй вклад в общее дело:

Я в мою беспокойную ночь, ночь голубки,
гвоздика ярка на моей
Тропе от могилы любви,
в эту ночь непрестанно смягчает мой
Выразительный мрак. Смочь эту новую необходимую розу,
что раскрывает мой…

Он принадлежал к Космической школе поэтов.

Его манеры и внешность свидетельствовали об ортосексуальной[69] ориентации, и Джейн никак не могла решить, культивировать ли его ради дальнейшего знакомства или по-прежнему держаться Николаса. Ей каким-то образом удалось осуществить и то, и другое, поскольку Николас привел этого темноволосого, с хрипловатым голосом поэта, этого будущего биржевого маклера, на следующую вечеринку, и она ухитрилась договориться с ним о новой встрече, прежде чем

[69] Примечания: 69

Ортосексуальная ориентация (зд.) — ортодоксальная сексуальная ориентация.

Николас увел ее в сторонку — порасспрашивать еще немного о загадочной жизни клуба Мэй Текской.

— Да это просто общежитие для девушек, — сказала она ему. — Вот и все, к чему это сводится.

Пиво подавали в банках из-под джема, что выглядело претенциозностью высшего разряда, так как банки из-под джема были б***о***льшей редкостью, чем стаканы или кружки. Дом, где проходила вечеринка, находился в Хэмпстеде. Народу собралось столько, что стояла страшная духота. Хозяева, по словам Николаса, были интеллектуалы-коммунисты. Он увел Джейн в спальню, где они уселись на край незастеленной кровати и уставились на ничем не застланные доски пола — Николас с философическим утомлением, а Джейн с энтузиазмом неофитки в мире богемы. Обитатели дома, заявил Николас, вне всякого сомнения, интеллектуалы-коммунисты, о чем с легкостью можно судить по разнообразию лекарств от диспепсии на полке в ванной комнате. Он пообещал, что укажет на них Джейн, когда они снова вернутся вниз и присоединятся к гостям. Хозяева, сказал Николас, ни в коем случае не намерены знакомиться с гостями этой вечеринки.

— Расскажите мне про Селину, — попросил Николас.

Свои темные волосы Джейн собрала и заколола высоко на затылке. Лицо у нее было широкое. Единственное, что могло в ней привлекать, — это ее юность и душевная и интеллектуальная неопытность, которых сама она еще не осознала. Она на время забыла, что собиралась, насколько возможно, понизить литературный дух Николаса, и вела себя предательски, будто он и в самом деле был гением, каким он, еще до истечения недели, и претендовал быть в письме, подделанном ею по его просьбе от имени Чарлза Моргана[70]. Николас решил, что будет делать все, что может быть приятно Джейн, кроме одного — он не будет с ней спать. Решение было принято ради успеха двух проектов: опубликования его книги и его проникновения в Мэй-Тек вообще и к Селине в частности. «Расскажите мне побольше про Селину». Ни тогда, ни в какое-либо другое время Джейн не понимала, что у Николаса с первого его посещения клуба Мэй Текской возник поэтический образ, который дразнил воображение и донимал его, требуя подробностей, точно так, как

---

[70] Примечания: 70

Чарлз Морган — известный английский сценарист (1894–1958).

сам он теперь донимал Джейн. Она же ничего не знала о его скуке и социальной неудовлетворенности. Она не видела в Мэй-Теке микрокосма идеального общества — ничего подобного. Прекрасная беззаботная бедность Золотого века не укладывалась в жизнь с шиллинговым газометром, которую всякая нормальная девушка считала лишь чем-то сугубо временным, пока не представятся иные, лучшие возможности.

Раз абиссинка с лютнею
Предстала мне во сне...[71]

Эти звуки принес в гостиную ночной ветерок. Теперь Николас попросил:

— Расскажите мне про учительницу красноречия.

— О, про Джоанну? Вам надо с ней познакомиться.

— Расскажите мне, как вы одалживаете друг у друга одежду.

Джейн размышляла, что она может выменять на ту информацию, которую ему так хочется получить. Вечеринка внизу шла своим чередом, без них. Голые доски пола у нее под ногами и стены

---

[71] Примечания: 71

Строки из поэмы английского поэта Озерной школы Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834) «Кубла Хан» (1798). Пер. К. Бальмонта.

в пятнах, казалось, не обещали задержаться в памяти хотя бы до завтра. Она сказала:

— Нам с вами надо когда-то обсудить вашу книгу. У нас с Джорджем образовался целый список вопросов.

Николас растянулся на незастеленной кровати и лениво думал о том, что, пожалуй, ему следует разработать какие-то меры защиты от Джорджа. Его банка из-под джема была пуста. Он повторил:

— Расскажите мне еще про Селину. Чем она занимается, кроме работы секретаршей у гомика?

Джейн не могла решить, насколько она опьянела, поэтому не могла заставить себя подняться на ноги — это стало бы проверкой. Она сказала:

— Приходите к нам на ленч в воскресенье.

За воскресный ленч для гостя надо было платить два шиллинга и шесть пенсов дополнительно; Джейн рассчитывала, что Николас, возможно, возьмет ее с собой еще на какие-нибудь вечеринки, в более узкий круг современных поэтов; но она предположила, что он захочет приглашать на вечера Селину, и тут уж ничего не поделаешь; она думала, что он, вероятно, захочет спать с Селиной, и, поскольку та уже спала с двумя мужчинами, Джейн не видела к этому никаких препятствий.

Ее печалила мысль, только что пришедшая ей в голову, что вся эта пустая болтовня о его интересе к Мэй-Теку и истинная цель их сидения в этой унылой комнате объясняются лишь его желанием спать с Селиной. Она спросила:

— А какие куски вы считаете самыми важными?

— Что за куски?

— В вашей книге, — объяснила она. — В «Субботних записных книжках». Джордж ищет гения. Им должны стать вы.

— В ней все важно.

У Николаса немедленно возник план подделки письма от какого-то более или менее знаменитого лица, утверждающего, что это гениальное произведение. Не то чтобы сам он в это верил, так или иначе: мысль о столь неконкретном определении была не из тех, на какие его ум привык тратить силы и время. Тем не менее Николас мог распознать полезное слово, если оно попадалось ему на глаза, и, уловив направление вопроса Джейн, он тотчас же составил план. Он попросил:

— Повторите-ка мне еще раз эту восхитительную фразу про самообладание, которую твердит Селина.

— «Самообладание есть идеальная уравно-

вешенность и невозмутимость тела и души, совершенное спокойствие, каким бы ни был социальный пейзаж. Элегантная одежда, безупречная подтянутость…»

— Ох, Господи, — воскликнула Джейн. — Я так устала выковыривать крошки мяса из картофельной запеканки, копаться в ней вилкой, отделяя кусочки мяса от кусочков картошки… Вы не представляете, каково это — пытаться есть достаточно, чтобы жить, и в то же время избегать жиров и углеводов!

Николас нежно поцеловал Джейн. Он почувствовал, что в этой девушке, видимо, все же есть некая привлекательность, ибо ничто не выдает скрытую привлекательность так явно, как неожиданный выплеск личного страдания у флегматичного существа.

— Мне приходится подкармливать свой мозг, — объяснила Джейн.

Николас сказал, что постарается достать ей пару нейлоновых чулок от американца, с которым он работает. Девушка была без чулок, и на ногах виднелись черные волоски. Он тут же отдал ей шесть купонов на одежду из своей лимитной книжки. Сказал, она может взять его талон на яйцо на следующую неделю. Джейн возразила:

— Вам самому нужно это яйцо, для вашего мозга.

— А я завтракаю в американской столовой, — объяснил он. — Там дают яйца и апельсиновый сок.

Она сказала, что тогда возьмет у него талон на яйцо. В то время по карточкам выдавалось одно яйцо в неделю, это было начало самого тяжелого периода в нормировании продуктов, поскольку теперь надо было снабжать освободившиеся страны. У Николаса в его однокомнатной квартирке была газовая конфорка, на которой он готовил себе ужин, если оставался дома и не забывал про него. Он предложил:

— Вы можете забрать весь мой чай — мне не нужны чайные талоны, я пью кофе. Получаю его от американцев.

Джейн ответила, что будет рада взять его чай. Чай выдавали по карточкам: одну неделю — две унции, другую — три, попеременно. Чай был очень полезен в целях обмена. Джейн почувствовала, что в том, что касается Николаса, ей на самом деле следует встать на сторону автора и каким-то образом втереть очки Джорджу. Николас оказался настоящим художником и человеком с чувствами. А Джордж всего-навсего издатель. Ей

надо будет посвятить Николаса в методы Джорджа по выявлению недостатков у авторов.

— Давайте спустимся вниз, — предложил Николас.

Дверь отворилась, и Руди Биттеш, остановившись в проеме, с минуту наблюдал за ними. Руди был всегда трезв.

— Руди! — воскликнула Джейн с необычайным энтузиазмом. Ее радовала возможность продемонстрировать Николасу, что у нее тоже есть знакомые в этой среде. Это был своеобразный способ показать, что она тоже принадлежит к их обществу.

— Так-так, — произнес Руди. — Как ты поделываешь в наши дни, Ник, между прочим?

Николас сообщил, что его одолжили американцам.

Руди рассмеялся, словно циничный дядюшка, и сказал, что он тоже мог бы работать для американцев, если бы захотел распродавать.

— Распродавать — что? — спросил Николас.

— Мою честность работать только для мир, — ответил Руди. — Между прочим, приходите вниз и соединитесь с вечеринка, и забудь про это.

По пути вниз он спросил у Николаса:

— Ты издаешь книгу с «Тровис-Мью»? Я слышу

этот новость через Джейн.

Джейн поспешно вмешалась, чтобы он не успел проговориться, что уже видел рукопись:

— Это что-то вроде анархической книги.

— А ты все еще любишь анархизм, между прочим? — спросил Руди у Николаса.

— Но не анархистов в общем и целом, между прочим, — ответил Николас.

— Как он умирать, между прочим? — спросил Руди.

— Его замучили, как говорят, — ответила Джейн.

— В Гаити? Как это?

— Я не очень много знаю, только то, что известно из новостных источников. «Рейтер» утверждает — это было местное восстание. В «Ассошиэйтед ньюз» есть немного, только что пришло… Я подумала про ту рукопись — «Субботние записные книжки».

— Она еще у меня. Если он знаменитый своей смертью, я ее найду. Как он умирать?..

— Я вас не слышу. Связь ужасная…

…

— Я говорю, что не слышу вас, Руди…

— Как он умирать? Какими посредствами?

— Она будет стоить много денег, Руди.

— Я ее найду. Связь очень плохо, между прочим. Вы меня слышите? Как он умирать?

— …хижине…

— Не слышу…

— …в долине…

— Говорите громко.

— …в пальмовой роще… покинутый… это был базарный день, все ушли на базар.

— Я найду ее. Может, есть уже рынок на этот «Субботний книга». Уже сделали культ на него, между прочим?

— Говорят, он пытался препятствовать их предрассудкам, они сейчас избавляются от католических священников.

— Не слышу ни одно слово. Я звоню вам сегодня вечер, Джейн. Встреча позже.

5

Селина явилась в гостиную в широкополой, с твердыми полями синей шляпе и в туфлях на высокой платформе: говорили, что эта мода, пришедшая из Франции, символизирует Сопротивление. Было позднее воскресное утро. Селина совершила прелестную прогулку по дорожкам Кенсингтонского парка вместе с Грегги.

Селина сняла шляпу и положила ее на диван подле себя.

— Я пригласила на ленч гостя, — сказала она. — Это Феликс.

Феликс, полковник Дж. Феликс Добелл, начальник того отделения американской разведки, которое занимало верхний этаж соседнего с клубом отеля. Он уже успел побывать на одном из клубных танцевальных вечеров и там выбрал для себя Селину.

— А я пригласила на ленч Николаса Фаррингдона, — сообщила Джейн.

— Но он ведь уже был у нас на этой неделе.

— Ну и что? Он опять придет. Я ходила с ним на вечеринку.

— Прекрасно, — сказала Селина. — Он мне

нравится.

— Николас сотрудничает с американской разведкой, — сказала Джейн. — Вероятно, он знаком с твоим полковником.

Обнаружилось, что им не приходилось встречаться. Вместе с девушками они получили столик на четверых, и две девицы принялись им прислуживать, принося тарелки с едой из раздаточного окна. Воскресный ленч был самой лучшей трапезой недели. Каждый раз, когда одна из девушек поднималась, чтобы получить и принести очередное блюдо, Феликс Добелл из вежливости привставал с места, затем снова садился. Николас, пока две девицы его обслуживали, спокойно бездельничал, как англичанин, обладающий droits du seigneur[72].

Ректор — высокая бледнолицая женщина, обычно одевавшаяся во все серое, отчего и лицо ее казалось скорее серым, сделала краткое объявление о том, что член парламента, консерватор, придет в следующий вторник, чтобы преподать здесь предвыборную дискуссию.

На это Николас улыбнулся так широко, что его продолговатое смуглое лицо стало еще привле-

---

[72] Примечания: 72

Права лорда *(фр.).* Употребленное со словом «droit» — право — в единственном числе, это выражение означало бы «право первой ночи».

кательнее. По-видимому, ему очень понравилась идея «преподать дискуссию», и он сказал об этом полковнику, который добродушно с ним согласился. Казалось, полковник влюбился во все, что видел в клубе, а Селина стала центром и фактическим средоточием всех его чувств. Таков был обычный эффект, производимый клубом Мэй Текской на всех его посетителей-мужчин. И Николаса точно так же очаровал этот единый организм, с той лишь разницей, что он возбудил в нем поэтическое чувство до необычайной остроты, до отчаяния, ибо в тот же самый момент он с иронией отмечал, что в собственном ходе мыслей навязывает этому сообществу образ, самому этому сообществу непонятный.

Они расслышали голос серой дамы-ректора, беседовавшей с седовласой Грегги, сидевшей с ней за одним столиком:

— Видите ли, Грегги, я ведь не могу находиться во всех местах клуба одновременно.

А Джейн обратилась к своим компаньонам:

— Это один из тех фактов, что делают нашу жизнь здесь более или менее сносной.

— Очень оригинальная мысль, — сказал американский полковник, однако его слова относились к чему-то, о чем говорил Николас еще до репли-

ки Джейн, когда они обсуждали политическое мировоззрение клуба Мэй Текской. Предложением Николаса тогда было: «Им вообще следует запретить голосовать. Я хочу сказать, их надо уговорить не голосовать. Мы могли бы обойтись без правительства. Мы могли бы обойтись монархией, Палатой лордов…»

Джейн явно скучала, поскольку читала эту часть рукописи уже не один раз и ей гораздо больше хотелось обсуждать личности, что всегда доставляло ей больше удовольствия, чем любой разговор на безличные темы, каким бы легким и фантастичным такой разговор ни был, хотя она еще не допустила признание этого факта в свое, рвущееся к интеллектуальным высотам сознание. Этого не произошло до тех пор, пока Джейн не достигла пика карьеры репортера и интервьюера в самом крупном из женских журналов, когда она обрела свое истинное предназначение в жизни, хотя по-прежнему несправедливо полагала, что способна мыслить, да и в самом деле демонстрировала некоторую способность к тому. А сейчас она сидела за столом рядом с Николасом и мечтала, чтобы он перестал разговаривать с полковником о счастливых возможностях, кроющихся в произнесении политических речей

девицам клуба Мэй Текской, и о различных способах развращения их нравов. Из-за того, что ей было скучно, Джейн испытывала чувство вины. А Селина рассмеялась, сохраняя уравновешенность и достоинство, когда Николас затем заговорил о центральном правительстве:

— Мы могли бы обойтись без управления из центра. Оно плохо для нас, но что еще хуже, оно плохо для самих политиков…

Однако то, что он говорил об этом серьезно — насколько для его склонного к самоиронии ума возможно было серьезно относиться к чему-либо вообще, — было, кажется, совершенно очевидно для полковника, который, ко всеобщему изумлению, заверил Николаса:

— Моя жена Гарет тоже является членом Гильдии стражей этики в нашем городе. Она очень добросовестно там трудится.

Николас, напомнив себе, что самообладание есть идеальная уравновешенность, воспринял это утверждение как вполне рациональный отклик.

— А кто такие «Стражи этики»? — спросил он.

— Они стоят за идеал чистоты домашнего очага. Ввели специальный надзор за материалами для чтения. Многие семьи в нашем городе не допус-

кают в свой дом литературу без штампа гильдии: у Стражей есть свой штамп — герб чести.

Теперь Николасу стало ясно, что полковник воспринимает его как человека с идеалами и связывает его идеалы с теми, что разделяет его жена Гарет, а ее идеалы — единственное, что оказалось в данный момент у полковника под рукой. Это могло служить единственным объяснением. Однако Джейн захотелось все расставить по своим местам. Она сказала:

— Николас — анархист.

— Ох нет, Джейн, — огорчился полковник. — Вы слишком суровы к вашему другу-писателю.

Селина уже начала понимать, что Николас придерживается настолько неортодоксальных взглядов на вещи, что люди, с которыми она привыкла общаться, могли бы счесть его чокнутым. Его неординарность она приняла за слабость, а в ее глазах такая слабость в привлекательном мужчине делала его еще более желанным. Она знала еще двоих мужчин, тоже так или иначе уязвимых. Она не испытывала извращенного интереса к этому факту, поскольку вовсе не стремилась причинять им боль: если такое и происходило, то совершенно случайно. То, что привлекало ее в таких мужчинах, было отсутствие у них желания

завладеть ею целиком и полностью. Именно поэтому ей доставляло удовольствие спать с ними. У Селины был еще один друг, тридцатипятилетний мужчина, бизнесмен, еще не демобилизовавшийся из армии, очень богатый и никоим образом не слабый. Он был ужасный собственник: Селина полагала, что, возможно, со временем выйдет за него замуж. А пока она смотрела на Николаса, в чьей беседе с полковником реплики сменялись в какой-то безумной последовательности, и думала, что сумеет его использовать.

Усевшись в гостиной, они принялись строить планы на вторую половину дня, что свелось к возможности прокатиться вчетвером на машине полковника. К этому времени полковник успел потребовать, чтобы все называли его Феликсом.

Ему уже исполнилось тридцать два года, и он был одним из слабых мужчин Селины. Его слабость выражалась в его всепоглощающем страхе перед женой, так что он — даже несмотря на то что жена в это время находилась в Калифорнии — предпринимал невероятные усилия, чтобы она не застала его врасплох с Селиной в выходные дни, которые они проводили вместе за городом. Запирая дверь спальни, полковник обычно весьма обеспокоенно объяснял: «Я не

хотел бы причинить боль Гарет», или произносил еще что-нибудь, в этом же роде. В первый раз, когда это случилось, Селина выглянула из двери ванной, высокая и прекрасная, с широко раскрытыми глазами; она посмотрела на Феликса, желая понять, в чем, собственно, дело. Он все еще волновался и снова подергал дверь. В поздние воскресные утра, когда постель становилась уже неуютной из-за крошек от завтрака, он вдруг впадал в задумчивость и уплывал куда-то вдаль. Тогда он мог вдруг произнести: «Надеюсь, совершенно невозможно, чтобы Гарет узнала про наше убежище». Так что он был из тех, кто хотел завладеть Селиной целиком и полностью; и поскольку Селина была красива и не могла не провоцировать его собственнические устремления, она находила это нормальным, при условии, что мужчина достаточно привлекателен для того, чтобы с ним спать, выходить в свет, и что он хорошо танцует.

Феликс был светловолос и имел сдержанно благородную наружность, которую, по-видимому, получил по наследству. Он редко говорил что-нибудь смешное, но всегда был готов повеселиться. В тот воскресный день он предложил поездку на своей машине в Ричмонд, а этот парк

находился очень далеко от Найтсбриджа. В те дни, когда бензин был так труднодоступен, что никто из лондонцев не катался на машине ради удовольствия, если только это не была машина американца: лондонцы пребывали в смутном и ошибочном убеждении, что американские машины ходят на «американском» бензине и поэтому можно не испытывать угрызений совести из-за британского аскетизма и не задавать себе укоризненный вопрос о необходимости такой поездки в места, обеспеченные общественным транспортом.

Джейн, заметив, как долгий взгляд Селины, полный «идеальной уравновешенности и невозмутимости», остановился на Николасе, сразу предугадала, что ее заставят сесть впереди с Феликсом, тогда как Селина, исполненная самообладания, ступит ногой с таким замечательно высоким подъемом в заднюю дверь машины, а Николас последует за ней. Она также предугадала, что такое распределение мест произойдет естественно, без всяких усилий, и абсолютно элегантно. Она ничего не имела против Феликса, кроме того, что не могла надеяться его завоевать — у нее не было ничего, что она могла бы предложить такому мужчине, как Феликс. Она

сознавала, что для Николаса у нее было кое-что, пусть весьма малое, но достойное предложения — ее способность к литературной и умственной работе, чего не было у Селины. Фактически Джейн недопонимала Николаса, она довольно смутно представляла его себе, как более привлекательного Руди Биттеша, вообразив, что он получит больше удовольствия и утешения от девушки литературной, чем просто от девушки. На вечеринке он поцеловал ее, увидев в ней просто девушку, которая его растрогала: Джейн могла бы добиться большего без своих литературных наклонностей. Это была ошибка, которую она постоянно совершала в своих отношениях с мужчинами, выводя из собственных предпочтений — а предпочитала она «мужчин от книг и литературы» — их предпочтительное отношение к женщинам из той же категории. И ей даже никогда в голову не приходило, что «литературные» мужчины если и любят женщин, то женщин не «литературных», а просто девушек.

Однако расчет Джейн насчет распределения мест в машине очень скоро полностью оправдался; и именно неизменная точность ее интуиции в подобных мелочах в более поздние годы придавала ей уверенность, когда она продвигалась

в карьере сотрудника-предсказателя, ведущего отдел светской хроники.

Тем временем грязно-коричневая гостиная стала оживляться веселым щебетом девиц, выходящих из столовой с подносами кофейных чашек в руках. Три старые девы — Грегги, Колли и Джарви — были представлены гостям, в соответствии с их давно устоявшимся правом на это. Они сели на жесткие стулья и принялись разливать кофе для молодых бездельниц и бездельников. Всем было известно, что Колли и Джарви пребывают в процессе религиозного спора, однако те всячески старались скрыть свои разногласия ради воскресного дня. Тем не менее Джарви возмутило то, что Колли налила слишком много кофе в ее чашку. Она поставила чашку с блюдцем, полным пролившегося на него кофе, на стол чуть позади себя и демонстративно оставила все это без внимания. Джарви успела одеться для выхода, взяв с собой перчатки, сумку и шляпку: она собиралась на занятия со своим классом в воскресной школе. Перчатки были из плотной зеленовато-коричневой замши. Джарви разгладила их у себя на коленях, затем осторожно провела пальцами по крагам перчаток и отвернула их. На изнанке краг стал виден штамп — два полумесяца, глядящих

в одну сторону — знак «необходимая вещь», что означало: они куплены в дешевом магазине, как товар по контролируемым государством ценам. На платьях этот знак обычно ставился на вшитой на изнанке тесьме, которую можно было сразу же отрезать. Джарви рассматривала этот неудаляемый штамп на своих перчатках, чуть наклонив голову, словно обдумывая какой-то вопрос, с ним связанный. Потом она снова разгладила перчатки и резко поправила очки. Джейн вдруг охватила страшная паника — надо во что бы то ни стало выйти замуж! Николас, услышав, что Джарви собирается вести урок в классе воскресной школы, стал с интересом расспрашивать ее об этом.

— Думаю, нам лучше оставить в покое тему религии, — произнесла Джарви, как бы закрывая давний спор.

— Я думала, мы уже *давно* оставили ее в покое, — сказала Колли. — Какой прекрасный день для поездки в Ричмонд!

Селина элегантно-лениво склонилась в своем кресле, нисколько не встревоженная угрозой остаться старой девой, поскольку она все равно никоим образом не могла бы превратиться в такую незамужнюю старуху, как эти трое. Джейн вспомнила начало религиозного спора, который

слышали на всех этажах клуба, поскольку это произошло в гулкой туалетной на третьей лестничной площадке. Поначалу Колли обвинила Джарви в том, что та не вычистила раковину после того, как воспользовалась ею для мытья посуды из-под еды, которую тайком готовила на газовой конфорке. Конфорку разрешалось использовать только для кипячения чайника. Потом Колли, устыдившись своей вспышки, стала еще громче упрекать Джарви за то, что та чинит ей препятствия на ее пути, «хотя ты знаешь, что как раз сейчас я возрастаю в милости Господней». Тут Джарви сказала что-то презрительное о баптистах, которые восстают против истинного духа Евангелий. Эта ссора на религиозную тему, с различными ответвлениями и дополнениями, длилась вот уже более двух недель, однако две пожилые женщины делали все возможное, чтобы ее скрыть. Сейчас Колли спросила у Джарви:

— Ты не собираешься пить свой кофе? Ведь он с молоком.

Это был упрек в безнравственности, поскольку молоко выдавалось по карточкам. Джарви повернулась, разгладила на коленях перчатки, похлопала по ним и поправила их краги, сделала вдох и выдох. Джейн готова была сорвать с

себя одежду, выскочить обнаженной на улицу и завопить. Колли с неодобрением смотрела на ее полные, голые коленки.

Грегги, у которой никакого терпения не хватало на двух других старших дам — членов клуба, пыталась завоевать внимание Феликса и теперь расспрашивала его о том, что происходит «там, наверху, по соседству», имея в виду отель, его верхний этаж, который использовался американской разведкой, тогда как нижние этажи странным образом пустовали и были явно забыты реквизиторами.

— О, вы были бы очень удивлены, мэм, — отвечал Феликс.

Грегги сказала, что должна показать джентльменам сад, прежде чем все они отправятся в Ричмонд. Практически одна только Грегги ухаживала за садом, что значительно умаляло удовольствие остальных обитательниц клуба от пребывания в нем. Лишь самые юные и самые счастливые девицы могли чувствовать себя вправе пользоваться садом, в который было вложено столько труда Грегги. Только самые юные и самые счастливые могли ступать по траве сада, не испытывая неловкости: ведь они не слишком страдали от избытка совестливости или чуткости

по отношению к другим людям, по причине их ничем не омрачаемого счастливого настроения.

Николас обратил внимание на статную розовощекую девушку со светлыми волосами, которая, стоя и явно второпях, допивала свой кофе. Допив кофе, она грациозно-торопливо покинула гостиную.

— Это была Джоанна Чайлд, — пояснила Джейн. — Она обучает красноречию.

Потом, уже в саду, когда Грегги проводила экскурсию, они услышали голос Джоанны. Грегги показывала различные, особо выдающиеся экспонаты — редкие растения, выращенные из украденных ею где-то черенков, — это были единственные предметы, какие Грегги вообще была способна стащить. Как истинная женщина-садовод, она хвалилась своими методами приобретения черенков редких растений у других садоводов. Звуки послеполуденного урока Джоанны веселым ручейком лились в сад из ее комнаты.

— Голос теперь доносится сверху, вон оттуда, — заметил Николас. — А в прошлый раз он звучал с первого этажа.

— В выходные дни рекреационный зал почти все время занят, и она занимается в своей комна-

те. Мы очень гордимся Джоанной.

Вслед за голосом ученицы послышался голос Джоанны.

Грегги сказала:

— Этой ямы здесь не должно было быть. Сюда упала бомба. Она чуть в дом не попала.

— А вы были в доме в это время? — спросил Феликс.

— Я была, — ответила Грегги. — Я лежала в постели. А в следующую минуту я оказалась на полу. Все окна были разбиты. И у меня есть подозрение, что была еще одна бомба, которая не взорвалась. Я почти уверена, что видела, как она упала, когда я поднималась с пола. Но саперный взвод нашел только одну бомбу, и ее убрали. Ну, в любом случае, если и была еще одна, она, должно быть, к настоящему времени уже скончалась естественной смертью. Я говорю о 1942 годе.

Со своей любопытной способностью отвечать несколько невпопад Феликс откликнулся:

— Моя жена Гарет поговаривает о том, чтобы прибыть сюда с Администрацией ООН по вопросам помощи и послевоенного восстановления. Интересно, не могла бы она остановиться проездом в вашем клубе на одну-две недели? Мне же приходится ездить туда-сюда, ей будет одиноко

в Лондоне.

— Она должна лежать вон там, справа, под гортензиями, если я все-таки права, — сказала Грегги.

И веры море
Однажды омывало брег земной,
И волны в нем подобно шелку были…
Теперь в дни горя,
Звучит мне скорбным плачем лишь прибой.
Он с бурей спорит,
Неотвратим, как пульс — иль ветра вой,
В нем беспредельной скорби мира сила[73].

— Нам, пожалуй, лучше бы уже отправляться в Ричмонд, — сказал Феликс.

— Мы ужасно гордимся Джоанной, — произнесла Грегги.

— Прекрасно читает.

— Нет, она декламирует по памяти. Но ее ученицы читают, разумеется. Это же уроки крас-

[73] Примечания: 73

Строфа стихотворения «Дуврский берег» английского поэта, литературоведа и культуролога Мэтью Арнольда (1822–1888). Пер. Н. Эристави.

норечия.

Селина грациозно сбила немножко садовой грязи со своих танкеток на каменной ступени крыльца, и компания вошла в дом.

Девушки пошли готовиться к поездке. Мужчины исчезли в темноте маленькой раздевалки под лестницей.

— Прекрасные стихи, — сказал Феликс, потому что и здесь звучал голос Джоанны, а урок продвинулся к «Кубла Хану».

Николас чуть было не сказал: «Она просто безудержна, оргиастична в своем чувственном восприятии поэзии. Я ощущаю это в ее голосе». Однако он удержался, опасаясь, что полковник скажет «Неужели?» и ему придется продолжить: «Я думаю, поэзия замещает ей секс». — «Неужели? А мне показалось, у нее с сексом все в порядке».

Впрочем, эта беседа не состоялась, и Николас сохранил ее для своих записных книжек.

Они ждали в вестибюле, пока не спустились вниз девушки. Николас изучал доску объявлений, сообщавшую о продаже ношеных вещей — за деньги или в обмен на купоны. Феликс стоял поодаль, воздерживаясь от такого вторжения в личную жизнь девиц, но проявляя полнейшую терпимость к любопытству своего компаньона.

Он произнес:

— А вот и они.

Количество и разнообразие доносившихся в вестибюль приглушенных шумов было весьма значительным. За закрытыми дверями дортуара на втором этаже не прекращался смех. Кто-то разгребал лопатой уголь в подвале, оставив открытой обитую зеленым сукном дверь в нижние помещения дома. Телефонный коммутатор беспрестанно пронзительно, хоть и в отдалении, верещал звонками от молодых людей, а соответствующее жужжание на этажах вызывало девиц к телефонам. Солнце прорвалось сквозь облака, как и предсказывал прогноз погоды.

И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем, что он воскормлен медом
И млеком Рая напоен[74].

[74] Примечания: 74

Строфа из поэмы С. Кольриджа «Кубла Хан». Пер. К. Бальмонта.

6

«Дорогой Дилан Томас», — написала Джейн.

Внизу Нэнси Риддл по окончании урока красноречия обсуждала с Джоанной Чайлд жизненные перспективы дочери священника.

— Мой отец по воскресеньям вечно бывает в дурном расположении духа. А ваш?

— Нет, мой обычно слишком занят.

— Отец вечно распространяется о Книге общей молитвы. Должна признаться, что тут я с ним согласна. Она устарела.

— Ах, я считаю, она просто замечательная, — возразила Джоанна. Она знала Книгу общей молитвы практически наизусть, включая псалмы — особенно псалмы, — которые ее отец ежедневно повторял и на утрене и на вечерне в часто пустовавшей церкви. Когда Джоанна жила в пасторском доме, она посещала эти службы каждый день и отвечала со своей скамьи, как это бывало, скажем, в День Тринадцатый, когда ее отец, в величественной кротости, облаченный в белое поверх черного, стоя, читал:

«Да восстанет Господь и да расточатся враги Его…»

На что Джоанна, не дожидаясь паузы, отвечала:

«И да рассеются пред Ним ненавистники Его…»

А отец продолжал:

«Как рассеивается дым, так Ты рассей их…»

И Джоанна сразу же вступала:

«Как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия»[75].

И так по кругу шли псалмы, от Дня 1-го до Дня 31-го, из месяца в месяц, утром и вечером, в дни мира и в дни войны: и часто первый викарий, а потом и второй викарий, заступая на место отца Джоанны, обращал, как казалось, к пустовавшим скамьям, а по вере — к сонму ангелов, изложенные по-английски устремления сладкоголосого певца Израиля[76].

Джоанна зажгла газовую горелку в своей комнате в клубе и поставила на огонь чайник. Нэнси Риддл она сказала:

— Книга общей молитвы чудесна. В 1928 году появилась ее новая редакция, но парламент ее запретил. Ну и хорошо, что так случилось.

---

[75] Примечания: 75
Псалтирь, 68 (67):3.

[76] Примечания: 76
Имеется в виду библейский царь Давид.

— А какое отношение к ним имеет Книга общей молитвы?

— Это входит в их юрисдикцию, как ни странно.

— А я поддерживаю право на развод, — заявила Нэнси.

— А какое это имеет отношение к Книге общей молитвы?

— Ну, ведь это связано с англиканской церковью и со всеми этими спорами.

Джоанна размешала в воде из-под крана немного сухого молока и разлила его в две чашки с чаем. Передала одну чашку Нэнси и предложила ей таблетки сахарина из жестяной коробочки. Нэнси взяла одну таблетку, бросила ее в чай и помешала ложечкой. Совсем недавно у нее завязался роман с женатым мужчиной, который поговаривал о том, чтобы оставить жену.

Джоанна сказала:

— Моему отцу пришлось купить новый плащ-накидку — надевать на рясу во время похорон, на похоронах он вечно простужается. А это означает, что в этом году у меня не будет лишних талонов.

— Он носит накидку? — удивилась Нэнси. — Он, видно, к высокой церкви принадлежит. Мой в пальто ходит, он где-то между низкой и широ-

кой[77] находится.

Все три первые недели июля Николас ухаживал за Селиной, в то же время развивая отношения с Джейн и другими девицами клуба Мэй Текской. И повторял в уме строки Эндрю Марвелла:

Свернем же силы нашей жар
И нежность всю в единый шар…[78]

И мне хотелось бы, думал он, посвятить Джоанну в это стихотворение или, скорее, продемонстрировать его ей; он делал отрывочные заметки об этом на обратной стороне листов рукописи «Субботних записных книжек».

Джейн рассказывала ему обо всем, что происходило в клубе Мэй Текской.

— Рассказывайте мне еще, — просил он.

Она рассказывала ему то, что — благодаря ее тонкой интуиции — соответствовало его идеальному представлению об этом заведении. На самом деле, мнение, что это сообщество есть свобод-

---

[77] Примечания: 77

Высокая церковь — ортодоксальное направление англиканской церкви, наиболее близкое к католицизму; низкая ц. — евангелическая англиканская церковь; широкая ц. — либеральное направление англиканской церкви, отличающееся широким толкованием церковных догматов.

[78] Примечания: 78

Строки из стихотворения Э. Марвелла «Его скромной возлюбленной».

ное общество в миниатюре, что его объединяют изящные атрибуты всеобщей бедности, вовсе не было несправедливым. Он не наблюдал, чтобы бедность каким-то образом ограничивала энергию и жизнеспособность девиц — членов клуба: скорее наоборот — она их энергию и жизнеспособность подпитывала. Бедность существенно отличается от нужды, думал Николас.

— Алло, Паулина?

— Да?

— Это Джейн.

— Да?

— У меня есть что тебе рассказать. Что с тобой?

— Я отдыхала.

— Спала?

— Нет, отдыхала. Я только что вернулась от психиатра. Он заставляет меня отдыхать после каждого сеанса. Мне надо полежать.

— Я думала, ты уже покончила с психиатром. Ты что, опять неважно себя чувствуешь?

— Это новый. Его мамочка нашла. Он просто замечательный.

— Ну, я просто хотела тебе кое-что рассказать, ты можешь послушать? Ты помнишь Николаса Фаррингдона?

— Нет, не думаю. А кто это?

— Николас… Помнишь, в тот последний раз, на крыше Мэй-Тека… Гаити, в хижине… Среди пальм… Это был базарный день, все ушли на базар. Ты слушаешь?

Мы погружаемся в лето 1945 года, когда Николас был не только влюблен в клуб Мэй Текской как в этическое и эстетическое понятие, в его прелестный застывший образ, но и стал вскоре спать с Селиной на крыше клуба.

Холмы глядят на Марафон,
А Марафон — в туман морской.
И снится мне прекрасный сон —
Свобода Греции родной.
Могила персов! Здесь врагу
Я покориться не могу![79]

Джоанне необходимо побольше узнать о жизни, думал Николас, бесцельно бродя по вестибюлю клуба в один особый вечер, но если бы она побольше узнала о жизни, она не смогла бы произнести эти слова так сексуально и так глубоко и по-матерински властно, словно она

[79] Примечания: 79
Строки из стихотворения Дж. Г. Байрона «Острова Греции». Пер. Т. Гнедич.

поглощена экстатическим актом: кормит грудью божественное дитя.

«А у нас, на нашем старом чердаке, ровно яблоки уложены рядком…»

* * *

Джоанна продолжала декламировать, пока он прохаживался по вестибюлю. Никого вокруг не было. Все собрались где-то в другом месте — то ли в гостиной, то ли в спальнях, усевшись вокруг радиоприемников, настроив их на некую программу. Затем то один приемник, то другой прогремели — гораздо громче, чем обычно, — с верхних этажей; и другие присоединились к их хору, объяснением чему служил голос Уинстона Черчилля. Джоанна умолкла. Приемники продолжали говорить, возвещая синайские предсказания о том, какая судьба ожидает свободолюбивых избирателей, если на предстоящих выборах они проголосуют за лейбористов. Но вдруг приемники стали смиренно рассуждать:

«Государственные служащие станут…»

Потом изменили тон и прогремели:

«Никогда более госслужащие…»

Потом произнесли медленно и печально:

«Никогда более… служащие…»

Николасу представилась Джоанна, стоящая у своей кровати, выбитая из колеи, оторванная от своего дела, но слушающая, впитывающая, впускающая эту речь в свой кровоток. Словно в собственном сне, отображающем сон Джоанны, Николас представлял себе ее в этой неподвижной позе, отдающейся каденциям приемника, будто не имело значения, откуда они исходят: из уст политика или из ее собственных. В его воображении она была прокламирующей статуей.

В дверь осторожно проскользнула девушка в длинном вечернем платье. Ее волосы каштановыми локонами падали на плечи. В мозгу погруженного в свои мысли, бесцельно слоняющегося и прислушивающегося Николаса отразился тот факт, что в вестибюль осторожно проскользнула девушка: в ней был какой-то смысл, даже если у нее самой не было четкого намерения.

Это была Паулина Фокс. Она возвращалась из поездки на такси вокруг парка, что обошлось ей в восемь шиллингов. Она села в такси и велела водителю ехать вокруг — вокруг и вокруг, все равно чего, просто ехать. В таких случаях таксисты обычно сначала предполагали, что она хочет во время поездки подцепить какого-нибудь мужчину, потом, пока они катались вокруг парка

и счетчик отсчитывал трехпенсовики один за другим, водители начинали подозревать, что она сумасшедшая или даже что, может быть, она одна из тех иностранных королевских особ, которые все еще жили в изгнании в Лондоне, и приходили к одному из этих двух заключений, когда она просила их высадить ее у дверей клуба Мэй Текской, куда до этого вызывала их по тщательно и заранее подготовленному заказу. Это и был обед с Джеком Бьюкененом, который у Паулины превратился в навязчивую идею. В дневное время Паулина работала в какой-то конторе и вела себя совершенно нормально. Именно обед с Джеком Бьюкененом мешал ей обедать с каким-нибудь другим мужчиной и заставлял ее по полчаса ждать в вестибюле, пока все остальные члены клуба не скроются в столовой, и украдкой возвращаться еще через полчаса, когда в вестибюле никого не было, а если и были, то лишь немногие.

Временами, если обнаруживалось, что Паулина вернулась довольно быстро, она вела себя вполне убедительно:

— Бог мой, ты уже вернулась, Паулина?! А я думала, ты обедаешь с…

— Ах! Не спрашивай меня! Мы поссорились!

И Паулина, одной рукой прижимая к глазу платок, а другой приподнимая полу платья, рыдая, взбегала по лестнице наверх, к себе в комнату.

— Она, видимо, опять поссорилась с Джеком Бьюкененом. Странно, что она никогда не приводит Джека Бьюкенена сюда.

— А ты что, веришь этому?

— Чему?

— Что она встречается с Джеком Бьюкененом.

— Ну, не знаю…

Паулина вошла в вестибюль словно украдкой, и Николас весело обратился к ней:

— Где это вы пропадали?

Она подошла к нему, вгляделась в его лицо и ответила:

— Я обедала с Джеком Бьюкененом.

— Вы пропустили речь Черчилля.

— Я знаю.

— А что, Джек Бьюкенен отделался от вас, как только обед закончился?

— Да. Он так и сделал. Мы поссорились.

Паулина отбросила назад свои сияющие волосы. В этот вечер ей удалось одолжить платье от Скиапарелли. Оно было сшито из тафты, с небольшими боковыми панье у бедер, приподнятыми с помощью искусно изогнутых подушечек.

Тафта переливалась темно-синими, зелеными, оранжевыми и белыми тонами цветочного узора — как бы с Тихоокеанских островов.

Николас сказал:

— Кажется, мне никогда не доводилось видеть такого потрясающего платья.

— Скиапарелли, — объяснила Джоанна.

— Это то самое, которым вы меж собой обмениваетесь, да? — спросил он.

— Кто это вам сказал?

— Вы очень красивы.

Джоанна подобрала шуршащую юбку и уплыла прочь, вверх по лестнице.

Ох уж эти девицы со скудными средствами!

Поскольку предвыборная речь уже закончилась, радиоприемники на некоторое время выключили, как бы из уважения к тому, что только что прозвучало в эфире.

Николас подошел к дверям конторы, которые были открыты. В конторе было пусто. Ректор подошла следом за ним: она на время покинула свой пост, пока передавали предвыборную речь.

— Я все еще жду мисс Редвуд.

— Я сейчас позвоню ей еще раз. Она, разумеется, слушала речь.

Селина тотчас же спустилась. Самообладание

есть идеальная уравновешенность и невозмутимость тела и души. Она плыла вниз по лестнице, и это выглядело даже более реалистично, чем несколько мгновений назад, когда вверх по лестнице плыла печальная собеседница призрака Джека Бьюкенена. Это могла бы быть та же самая девушка, уплывшая наверх в скиапареллиевом шелесте шелка и в сияющем капюшоне волос, а теперь — плывущая вниз в узкой юбке на стройных бедрах и в синей в белый горошек блузке, забрав волосы высоко наверх. Обычные клубные шумы снова пульсировали в вестибюле.

— Добрый вечер, — сказала Селина.

И дни мои — томленье,
И ночью все мечты
Из тьмы уединенья
Спешат туда, где ты,
Воздушное виденье
Нездешней красоты[80].

— Теперь повторите, — произнес голос Джоанны.

— Ну, идемте же, — сказала Селина, впереди

[80] Примечания: 80

Последняя строфа стихотворения Эдгара Аллана По (1809–1849) «К одной из тех, кто в Раю». Пер. К. Бальмонта.

Николаса ступив в вечерний свет, словно скаковая лошадь в паддок, высочайше пренебрегая всеми окружающими ее шумами.

7

— У тебя есть шиллинг — в газометр опустить? — спросила Джейн.

«Самообладание есть идеальная уравновешенность и невозмутимость тела и души, совершенное спокойствие, каким бы ни был социальный пейзаж. Элегантная одежда, безупречная подтянутость и ухоженность, идеальное умение правильно держаться — все это способствует обретению уверенности в себе».

— Ты мне не дашь шиллинг в обмен на два шестипенсовика?

— Нет. Вообще-то у Энн есть ключ, который открывает газометры.

— Энн, ты дома? Не одолжишь мне ключ?

— Если мы все будем пользоваться этим ключом слишком часто, нас поймают.

— Только сегодня. Мне надо умственную работу делать.

Уснул багровый лепесток, уснул и белый…[81]

---

[81] Примечания: 81

Строка из стихотворения английского поэта Алфреда Теннисона (1809–1892) «Уснул багровый лепесток…» (1847).

Селина сидела, еще не одевшись, на краешке кровати Николаса. У нее была манера бросать взгляды искоса, из-под ресниц, и такие взгляды позволяли ей овладевать ситуацией, которая иначе могла бы выявить ее слабость.

— Как ты можешь вообще жить в этой конуре? Она тебя устраивает? — спросила она.

— Устраивает. Пока не найду квартиру.

На самом деле он был вполне доволен своим аскетичным жилищем. В безрассудных мечтаниях визионера он довел свою страсть к Селине до стремления, чтобы и она тоже приняла и использовала привлекательные черты бедности в собственной жизни. Он полюбил Селину, как любил свою родную страну. Ему хотелось, чтобы Селина стала как бы идеальным обществом внутри собственного костяка, хотелось, чтобы все ее прелестные члены подчинялись ее мозгу, как разумные женщины и мужчины, и чтобы эти женщины и мужчины обладали той же красотой и изяществом, что ее тело. Что же касается стремлений Селины, они были сравнительно скромными: в этот момент ей нужна была пачка зубчатых заколок для волос — как раз тогда они на несколько недель исчезли из магазинов.

Это был далеко не первый случай, когда мужчи-

на увлекает женщину в постель с целью обратить ее душу, но Николасу в величайшем обострении чувств казалось, что первый, и он в постели мучительно пытался силой собственного желания разбудить социальное сознание Селины. После чего он тихонько вздохнул в подушку с не очень твердым ощущением достигнутого и вскоре поднялся, с еще большим, чем когда-либо, обострением чувств обнаружив, что никоим образом не сумел передать свое видение совершенства этой юной девице. Она сидела, обнаженная, на кровати и бросала вокруг взгляды из-под ресниц. У Николаса имелся достаточный опыт общения с девицами, сидящими на краешке его кровати, однако ни одна из них с такой холодной уверенностью не относилась к собственной красоте, как Селина, и не была так красива, как она. Ему казалось невероятным, что она не разделит с ним его понимания прелестных сторон бедности и отсутствия собственности, ведь ее тело было так строго и экономно снабжено всем необходимым.

— Не знаю, как ты можешь жить в таком убожестве, — повторила Селина. — Тут все равно что в камере. Ты что, вот на этом готовишь? — Она имела в виду газовую горелку с решеткой.

Он ответил, в то же время постепенно осо-

знавая, что это любовное приключение было любовным только с его стороны:

— Да, конечно. Хочешь яичницу с беконом?

— Да, — сказала Селина и стала одеваться.

Николас снова обрел надежду и достал полученные по карточкам продукты. Селина привыкла иметь дело с мужчинами, которые доставали себе еду на черном рынке.

— В этом месяце, после двадцать второго числа, мы будем получать по две с половиной унции чая: две унции в одну неделю, три — в другую, поочередно.

— А сколько мы сейчас получаем?

— По две унции каждую неделю. Две унции сливочного масла, четыре — маргарина.

Ее это позабавило. Она долго смеялась, а потом сказала:

— У тебя это выходит так смешно!

— Господи, конечно, смешно!

— А ты уже все свои купоны на одежду использовал?

— Нет, двадцать четыре еще осталось.

Николас перевернул ломтики бекона на сковородке. Затем, по внезапному озарению, спросил:

— Хочешь, я отдам тебе несколько купонов?

— Ой, конечно, пожалуйста!

Он отдал ей двадцать купонов, поел вместе с ней немножко бекона и отвез домой на такси.

У дверей сказал:

— Я договорился насчет крыши.

Она ответила:

— Смотри, не забудь договориться насчет погоды.

— Ну, мы ведь можем в кино пойти, если будет дождь, — успокоил он.

Он договорился, что ему разрешат проходить на крышу клуба через верхний этаж соседнего отеля, как известно, занятый американской «Интеллидженс сервис», в одном из отделений которой в другой части Лондона служил Николас. Полковник Добелл, всего лишь десять дней назад категорически воспротивившийся бы такому предложению, теперь поддержал его с величайшим энтузиазмом. Причиной тому был планировавшийся в скором времени приезд к нему в Лондон его жены Гарет, и он всей душой стремился «поместить Селину в другой контекст», как он выразился.

На севере Калифорнии, в конце длинной въездной аллеи, миссис Дж. Феликс Добелл не только просто проживала, но еще и устраивала у себя собрания «Стражей этики». Сейчас она собира-

лась приехать в Лондон, ибо, как она утверждала, шестое чувство подсказывало ей, что ее Феликс нуждается в ее присутствии там.

Уснул багровый лепесток, уснул и белый…

Николас жаждал заняться с Селиной любовью на крыше: во что бы то ни стало именно на крыше. Он все подготовил столь же тщательно, как опытный, с большой практикой поджигатель.

Плоская крыша клуба, доступ на которую был возможен только через окно-щель на верхнем этаже, соединялась с такой же плоской крышей соседнего отеля небольшим сточным желобом. Здание отеля было реквизировано, и его номера использовались офицерами американской разведки как служебные кабинеты. Как многие другие реквизированные помещения в Лондоне, отель был переполнен сотрудниками, когда шла война в Европе, однако теперь был практически свободен. Использовались только его верхний этаж, где день и ночь трудились над своими таинственными заданиями мужчины в военной форме, и первый этаж, который охранялся днем и ночью двумя американскими военными, а также обслуживался и дневным, и ночным портье,

которые управляли лифтом. Никто не мог войти в это здание без пропуска. Николас очень легко получил пропуск, а также при помощи выразительного взгляда и нескольких правильных слов получил амбивалентное согласие полковника Добелла, чья жена была уже на пути в Англию, на свой переезд в большой кабинет на чердаке, который раньше использовался как машинописное бюро. Там Николасу из любезности (бесплатно) предоставили письменный стол. На этом чердаке был люк, выходящий на плоскую крышу.

Шли недели, а поскольку в клубе Мэй Текской это были недели юности, протекавшей в моральной атмосфере войны, они несли в себе быстро сменяющие друг друга события, перевороты в чувствах, мгновенные задушевные дружбы и столь же моментальные разрывы отношений, и целую череду потерянных и обретенных любовей; в более поздние годы и в мирное время потребовалось бы несколько лет, чтобы все это могло случиться, вызреть и увянуть. Девицы Мэй-Тека не были бы самими собой, если бы не были весьма экономны. Николас, который уже пережил свою юность, порой бывал до глубины души потрясен сменой их эмоций от недели к неделе.

— Мне кажется, ты говорила, что она была влюблена в этого парня.

— Так оно и было.

— Так разве это не он погиб неделю тому назад? Ты же говорила, он всего неделю назад умер от дизентерии в Бирме?

— Ну да, я знаю. Но она в понедельник с этим морячком познакомилась и влюблена в него по уши!

— Не может она быть так в него влюблена, — возразил Николас.

— Ну, она говорит, у них так много общего.

— Много общего? Сегодня же только среда!

…Как тот, кто на пустой дороге
Идет, не в силах страх унять,
И оглянувшись раз, в тревоге,
Не смеет снова глянуть вспять:
Он знает — злобный демон там
За ним крадется по пятам[82].

— Тут Джоанна просто чудесна. Я в полном восторге.

— Бедняжка Джоанна.

— Почему ты говоришь «бедняжка Джоанна»?

---

[82] Примечания: 82
Строки из «Баллады о старом мореходе» С. Т. Кольриджа.

— Ну, она же лишена развлечений, у нее нет друзей-мужчин.

— Она страшно привлекательна.

— Она ужасно привлекательна. Почему никто ничего не предпринимает насчет Джоанны?

Джейн сказала:

— Послушайте, Николас, есть кое-что, что вам необходимо знать о фирме Хая Тровиса-Мью и о самом Джордже как об издателе.

Они сидели в помещении издательства, высоко над Ред-Лайон-сквер, но сам Джордж отсутствовал.

— Он мошенник, — произнес Николас.

— Ну, это, пожалуй, слишком сильно сказано, — не согласилась Джейн.

— Он мошенник, но с некоторыми тонкостями.

— И это не совсем так. У Джорджа это что-то психологическое. Ему во что бы то ни стало надо одержать верх над автором.

— Это я знаю, — сказал Николас. — Я получил от него длинное, эмоциональное письмо с кучей жалоб на мою книгу.

— Ему хочется сломить вашу уверенность в себе, понимаете? А потом он предложит вам подписать никуда не годный контракт. Он находит у автора слабое место. И всегда нападает на ту

часть, что автору дороже всего. Он…

— Я это знаю, — заверил ее Николас.

— Я говорю вам об этом, потому что вы мне нравитесь, — объяснила Джейн. — На самом деле в мои обязанности входит выяснять, какие у авторов есть слабые места, и докладывать Джорджу. Но вы мне понравились, и я говорю вам об этом…

— Вы с Джорджем, — прервал ее Николас, — подводите меня на самую чуточку поближе к пониманию загадочной улыбки Сфинкса. И я сообщу вам еще один факт.

За грязными стеклами окна с потемневшего неба лил дождь, заливая места бомбежек на Ред-Лайон-сквер. Джейн уже видела этот пейзаж, абстрагируясь от него, когда собиралась посвятить Николаса в тайны издательства. Теперь она по-настоящему его разглядела: все казалось жалким и каким-то несчастным в ее глазах, и вся ее жизнь предстала перед ней в таком же свете. Она опять разочаровалась в жизни.

— Я сообщу вам еще один факт, — сказал Николас. — Я тоже мошенник. О чем же вы плачете?

— Я плачу о себе, — ответила Джейн. — Я собираюсь искать другую работу.

— Вы не напишете для меня письмо?

— Какого рода письмо?

— Мошенническое. От Чарлза Моргана — лично мне. «Дорогой мистер Фаррингдон, когда я получил вашу рукопись, я сначала чуть было не поддался соблазну отдать ее моему секретарю, чтобы ее вернули вам с каким-нибудь вежливым отказом. Но по счастливой случайности, перед тем как передать вашу работу моему секретарю, я перелистал эти страницы, и мой взгляд упал на…»

— На что он упал? — спросила Джейн.

— Это я оставляю на ваше усмотрение. Только выберите один из самых лаконичных, самых блестящих пассажей, когда приметесь за письмо. Я понимаю, это будет трудно — ведь они все до одного равно лаконичны и блестящи. Тем не менее подберите кусок, который вам больше всего нравится. Чарлз Морган должен признаться, что прочел один этот отрывок, а затем и всю рукопись взахлеб, от начала и до конца. Он должен признать, что это гениальная работа. И что он поздравляет меня с этим гениальным произведением, понимаете? А потом я покажу это письмо Джорджу.

Жизнь Джейн снова пустила ростки, зазеленевшие от открывающихся возможностей. Она

припомнила, что ей только двадцать третий год, и улыбнулась.

— А потом я покажу это письмо Джорджу, — сказал Николас, — и скажу ему, чтобы он взял свой контракт и…

В кабинет вошел Джордж. Деловито оглядел обоих, снимая шляпу, взглянул на часы и спросил у Джейн:

— Какие новости?

Ответил ему Николас:

— Риббентропа поймали.

— Никаких новостей, — сказала Джейн. — Никаких писем. Никто нам не звонил. Не беспокойтесь.

Джордж ушел в свой кабинет. Но тут же вернулся.

— Вы мое письмо получили? — спросил он у Николаса.

— Нет, — сказал Николас. — Какое письмо?

— Я написал… Дайте подумать… Кажется, позавчера, я написал…

— А-а, э-это письмо, — протянул Николас. — Да, по-моему, я действительно получил какое-то письмо.

Джордж ушел в свой личный кабинет.

Николас громким, хорошо поставленным го-

лосом сообщил Джейн, что пойдет прогуляться по парку, поскольку дождь уже прошел, и что это прекрасно, когда не нужно ничего делать, а можно день весь только грезить, погружаясь в прекрасные мечты.

* * *

«С искренним восхищением, ваш Чарлз Морган» — написала Джейн. Потом открыла дверь своей комнаты и крикнула:

— Убавьте громкость хоть немного! Мне надо до ужина закончить работу!

Вообще-то в клубе гордились умственной работой Джейн и ее связью с миром книг. Все приемники на этаже были тотчас выключены.

Джейн просмотрела первый набросок письма, затем очень старательно принялась за новый, стремясь создать достоверное письмо, написанное мелким почерком зрелого человека, каким мог бы писать Чарлз Морган. Она не имела ни малейшего представления о том, как выглядит почерк Чарлза Моргана; впрочем, и резона выяснять это у нее не было, поскольку Джордж, вне всякого сомнения, тоже этого не будет знать, а оставить документ у себя ему не позволят. У нее имелся адрес в Холланд-парке, которым ее

снабдил Николас. Она надписала его сверху, на листе почтовой бумаги, надеясь, что это будет выглядеть вполне нормально, и уверяя себя, что это действительно так: ведь многие приличные люди во время войны даже и не пытались заказывать себе почтовую бумагу с напечатанной в типографии шапкой, тем самым не требуя лишней работы от трудящихся страны.

К тому времени, как прозвучал гонг, письмо было закончено. Джейн сложила листок с педантичной аккуратностью, поставив перед собой фотографию Чарлза Моргана и глядя на четкие, словно карандашом очерченные черты его лица. Она подсчитала, что это письмо от Чарлза Моргана, только что написанное ею, может принести Николасу по меньшей мере фунтов пятьдесят. Джордж придет в страшное смятение, когда его увидит. Бедняжка Тилли, жена Джорджа, говорила ей, что, когда какой-нибудь автор докучает ее мужу, он не переставая говорит об этом часами.

Николас собирался прийти в клуб после ужина, чтобы провести там вечер: ему удалось наконец уговорить Джоанну почитать «Гибель „Германии“». Договорились записать ее чтение на пленочный аппарат, который Николас позаимствовал в отделе новостей, какого-то пра-

вительственного учреждения.

Джейн присоединилась к толпе, спускавшейся по лестнице на ужин. Только Селина задержалась наверху, заканчивая свое ежевечернее дисциплинирующее упражнение:

> «Элегантная одежда, безупречная подтянутость и ухоженность, идеальное умение правильно держаться — все это способствует обретению уверенности в себе».

Визг тормозов возвестил о том, что машина ректора остановилась перед крыльцом клуба, как раз когда девицы спустились на первый этаж. Ректор управляла машиной точно так, как управляла бы мужчиной, если бы таковой имелся в ее распоряжении. Серая и в сером, она прошагала в свой кабинет, но вскоре присоединилась ко всем в столовой. Постучав вилкой по графину с водой — таким способом она всегда требовала тишины, собираясь сделать объявление, — она сказала, что гостья из Америки, миссис Дж. Феликс Добелл, выступит в клубе в пятницу вечером с речью на тему «Западная женщина и ее миссия». Миссис Добелл — ведущий член организации «Стражи этики» и недавно приехала в Лондон к мужу,

который служит в американской «Интеллидженс сервис», дислоцированной в Лондоне.

После ужина Джейн вдруг потрясло сознание собственного предательства по отношению к фирме «Тровис-Мью» и лично к Джорджу, который платил ей за то, что она вступила с ним в заговор в интересах издательского дела. Она была привязана к старику Джорджу и задумалась о присущих ему добрых качествах. Не имея ни малейшего намерения нарушить заговор, заключенный с Николасом, она смотрела на письмо, которое только что написала, и размышляла, что же ей делать со своими чувствами. В конце концов она решила позвонить Тилли, жене Джорджа, и по-дружески поболтать с ней о чем-нибудь.

Тилли была в восторге. Она была крохотная и рыженькая, очень живо соображающая, но скудно информированная: Джордж, имевший с женами богатый опыт, старался держать ее подальше от мира книг. Для Тилли это было огромной потерей, и ничто не могло порадовать ее больше, чем возможность — через Джейн — поддерживать связь с книжным бизнесом и слышать, как Джейн произносит: «Ну, Тилли, это же вопрос raison d'être». Джордж терпел эту дружбу, поскольку она помогала ему установить

отношения с Джейн. Он полагался на Джейн. Она понимала, чего он добивается.

Обычно Джейн бывало скучно с Тилли, которая проявляла неудержимое стремление к танцам, что действовало Джейн на нервы, поскольку она сама лишь недавно обрела чувство благоговения перед серьезностью литературы в общем и целом. Она считала, что Тилли слишком фривольно относится к издательскому и писательскому делу и, что еще хуже, не осознает этого. Но сердце Джейн из-за ее собственного предательства теперь переполнилось теплым чувством к Тилли. Она позвонила и пригласила ее в пятницу на ужин. Джейн рассчитала, что если Тилли окажется непереносимо скучна, они смогут заполнить часок лекцией миссис Дж. Феликс Добелл. Обитательницы клуба очень хотели увидеть миссис Добелл, поскольку уже видели ее мужа в довольно больших количествах, в качестве поклонника (а по слухам, и любовника) Селины.

— В пятницу у нас в клубе будет выступление одной американки о миссии западной женщины, но мы не станем ее слушать, это будет скука смертная, — сказала Джейн, противореча собственному решению в чрезмерном стремлении пожертвовать всем, чем только возможно, ради

жены Джорджа, которого она предала и к тому же собиралась обмануть. А Тилли сказала:

— Ой, я так обожаю Мэй-Тек. Это все равно что в школу обратно вернуться.

Тилли всегда так говорила, и это выводило Джейн из себя.

Николас с позаимствованным магнитофоном приехал рано и сидел в рекреационном зале с Джоанной, ожидая, пока слушатели соберутся там после ужина. Джоанна, по мнению Николаса, выглядела великолепно и совершенно нордически, словно только что вышла из великой саги.

— Вы здесь долго живете? — сонным голосом спросил ее Николас, не переставая восхищаться ее ширококостной статью. Его клонило в сон, так как большую часть ночи он провел на крыше с Селиной.

— Около года. Думаю, здесь я и умру, — ответила она с принятым у всех членов клуба презрением к этому учреждению.

— Вы выйдете замуж, — возразил Николас.

— Нет-нет, — проговорила она успокаивающим тоном, словно утихомиривая ребенка, который собрался положить ложку варенья в мясное жаркое.

Долгий, визгливый, какой-то очень телесный

смех донесся с этажа, прямо над ними. Они оба взглянули на потолок и поняли, что дортуарные девицы, как обычно, обмениваются анекдотами от ВВС, требовавшими, чтобы слушатели были весело пьяны — либо от алкоголя, либо от крайней юности, — только это могло придать таким анекдотам хоть какую-то остроту.

В зал вошла Грегги и, направляясь к Джоанне с Николасом, возвела взор наверх, к смеху.

— Чем скорее эта дортуарная публика повыходит замуж и покинет клуб, — сказала она, — тем будет лучше. Я никогда еще, за все годы моего пребывания здесь, не наблюдала такой вульгарной дортуарной публики. Ни у кого из них умственных способностей нет ни на грош.

Подошла Колли и села рядом с Николасом. Грегги сообщила ей:

— Я сказала, что этим дортуарным девицам надо поскорее повыходить замуж и покинуть клуб.

Таково же на самом деле было и мнение Колли. Однако она всегда — из принципа — выступала против Грегги; более того, она считала, что противоречие помогает строить беседу.

— Зачем это им замуж выходить? — возразила она. — Пусть наслаждаются жизнью, пока молоды.

— Им надо выйти замуж, чтобы они могли по-настоящему наслаждаться, — вступил в беседу Николас. — Я говорю о сексе.

Джоанна покраснела.

— Нужно много секса, — добавил Николас. — Каждую ночь — в течение месяца. Затем — через ночь в течение двух месяцев. Затем — три раза в неделю в течение года. После этого — раз в неделю.

Он налаживал магнитофон, и слова его были легки, как воздух.

— Если вы пытаетесь нас шокировать, молодой человек, у вас не выйдет, — заявила Грегги, окидывая довольным взглядом четыре стены, не привыкшие к таким речам, поскольку все-таки это был общественный рекреационный зал.

— Но я шокирована, — призналась Джоанна. Она устремила на Николаса изучающе-извиняющийся взгляд.

Колли не была уверена, какую позицию ей следует занять. Ее пальцы разомкнули пряжку сумочки и снова ее защелкнули, затем сыграли безмолвное там-там-там на потертой, туго натянутой коже ее боков. Потом Колли сказала:

— Он не пытается нас шокировать. Он просто очень реалистичен. Если ты возрастаешь в мило-

сти Господней — а я могла бы зайти так далеко, что сказала бы: когда ты возросла в милости Господней, — ты можешь принять реализм, секс и все прочее просто походя.

Николас просиял и подарил ей за это взгляд, полный любви.

Колли издала смущенный полукашель, полусмешок, поняв, что ее откровенность имела успех и поощряется. Почувствовав себя очень современной, она возбужденно продолжала:

— Просто вопрос в том, что если у тебя чего-то никогда не было, то ты и не испытываешь недостатка в этом. Вот и все.

Грегги приняла озадаченный вид, будто искренне не могла понять, о чем это Колли толкует. После тридцати лет враждебного партнерства с Колли она, вне всякого сомнения, прекрасно знала, что у той вошло в привычку пропускать несколько ступеней в логической последовательности мыслей и произносить, по-видимости, не связанные меж собой утверждения, особенно когда ее приводил в замешательство незнакомый сюжет или присутствие какого-нибудь мужчины.

— Что ты такое имеешь в виду? — спросила Грегги. — Что это такое — «Вопрос в том, что если

у тебя чего-то никогда не было, то ты и не испытываешь недостатка в этом»?

— Это секс, разумеется, — ответила Колли; голос ее звучал необычно громко из-за напряжения, которого требовал необычный сюжет. — Мы ведь обсуждали секс и замужество. Но если у тебя этого никогда не было, ты и не испытываешь недостатка в этом.

Джоанна смотрела на двух взволнованных женщин с кротким сочувствием. В глазах Николаса она выглядела еще мощнее в той кротости, с какой она взирала на соперничество Грегги и Колли, сдержать которое сейчас не могло бы ничто на свете.

— Что ты имеешь в виду, Колли? — спросила Грегги. — Ты совершенно не права, Колли. Человек испытывает недостаток в сексе. Тело живет своей собственной жизнью. Мы испытываем недостаток в том, чего никогда не имели, и ты, и я. Биологически. Спроси у Зигмунда Фрейда. Это открывается нам в наших снах. Отсутствие прикосновений теплого тела по ночам, отсутствие…

— Минуточку, — произнес Николас, подняв ладонь и требуя тишины: он сделал вид, что настраивает незаряженный магнитофон. Было видно, что обе женщины, раз начав, ни перед чем

уже не остановятся.

— Откройте дверь, будьте добры! — раздался из-за двери голос ректора.

Прежде чем Николас успел вскочить и броситься открывать дверь, она ухитрилась каким-то искусным маневром, при помощи руки и ноги, словно умелая горничная, распахнуть дверь.

— Видение райского блаженства не кажется мне адекватной компенсацией того, чего нам недостает, — заключила Грегги, нанося персональный удар по религиозности Колли.

Когда разливали кофе и девицы заполняли рекреационный зал, появилась Джейн. Освеженная телефонным разговором с Тилли и ощущая, что вроде бы получила отпущение грехов, она протянула Николасу результат своей мыслительной деятельности — «письмо» от Чарлза Моргана. Николас взялся его читать, но тут ему вручили чашку кофе. Беря ее, он плеснул немного кофе на письмо.

— Ох, вы его испортили! — воскликнула Джейн. — Мне придется все писать заново!

— Так оно будет выглядеть еще достовернее, — заверил ее Николас. — Естественно: я получаю письмо от Чарлза Моргана, сообщающего мне, что я — гений, я провожу много времени, читая

и перечитывая это письмо, в результате чего письмо выглядит несколько потрепанным. А теперь скажите мне, вы уверены, что имя Чарлза Моргана произведет большое впечатление на Джорджа?

— Очень, — ответила Джейн.

— Что вы хотите этим сказать? Что вы очень уверены или что оно произведет очень большое впечатление на Джорджа?

— Я имела в виду и то и другое.

— Будь я на месте Джорджа, оно меня смутило бы.

Вскоре началось чтение «Гибели „Германии“». Джоанна стояла с книгой в руках.

— Чтобы никакого «тиха» ни от кого — произнесла ректор, желая сказать «никакого звука». — Никакого «тиха», — повторила она. — Потому что этот аппарат мистера Фарингдона, очевидно, записывает даже падение булавки.

Одна из дортуарных девиц, поднимавшая спустившуюся на чулке петлю, немедленно уронила иглу на паркетный пол, наклонилась и подобрала ее. Другая дортуарная девица фыркнула от сдерживаемого смеха, заметив это. В остальном же зал затих, слышалось только слабое шуршание аппарата, ожидающего Джоанну.

Ты, ведущий людей

Господь! Дающий дыханье и хлеб насущный,

Мира твердь, колебанье морей;

Владыка умерших и всех живущих;

Ты связал кости и жилы во мне, укрепил мою плоть,

А после всего Ты почти разрушил…

8

Панический вопль, раздавшийся с верхнего этажа, пронзил все здание клуба насквозь, когда Джейн вернулась туда перед вечером в пятницу, двадцать седьмого июля. Она рано ушла из издательства, чтобы встретиться в клубе с Тилли. У Джейн не возникло мысли, что панический вопль может означать что-то особенное. Она преодолевала последний пролет лестницы. Тут послышался еще более пронзительный вопль, сопровождающийся другими взволнованными голосами. Панические вопли в здании клуба вполне могли быть вызваны «поехавшим» чулком или особенно смешной шуткой.

Когда Джейн добралась до последнего этажа, она поняла, что беда случилась в туалетной. Там Энн и Селина в компании с двумя дортуарными девицами пытались извлечь из узкого окна-щели еще одну девушку, которая, по всей видимости, попыталась вылезти на крышу и застряла. Она извивалась и дрыгала ногами, но безуспешно, под разнообразные увещевания других девушек. Вопреки их уговорам, она время от времени издавала отчаянный вопль. Готовясь к своей попытке,

она разделась догола, и все ее тело было покрыто какой-то жирной субстанцией. Джейн тут же понадеялась, что не ее кольдкрем, стоявший в баночке на туалетном столике, был позаимствован для этих целей.

— Кто это? — спросила она, устремив изучающий взгляд на неопознаваемые дрыгающие ноги и ерзающую попку, которые только и были видимыми частями застрявшего тела.

Селина принесла полотенце и попыталась, обернув полотенце вокруг талии девушки, застегнуть его булавкой. Энн уговаривала ее не вопить, а кто-то из других присутствующих вышел на лестничную площадку, взглянуть поверх перил в надежде, что никто из начальства не обеспокоился воплями настолько, чтобы пойти наверх.

— Кто это? — повторила Джейн.

Энн ответила:

— Боюсь признаться, но это Тилли.

— Тилли!

— Тилли ждала в вестибюле, а мы взяли и привели ее сюда, ради шутки. Она говорила, что здесь, в клубе, все равно как снова в школе, поэтому Селина показала ей окно. Она всего-то на полдюйма толще, чем надо, между прочим. Ты не можешь уговорить ее заткнуться?

Джейн заговорила с Тилли тихо и мягко.

— Каждый раз, когда вы кричите, — объясняла она, — вы больше раздуваетесь. Помолчите, а мы обработаем вас и вытащим с помощью размоченного мыла.

Тилли замолчала. Все вместе они обрабатывали ее целых десять минут, но она по-прежнему не пролезала ни туда, ни сюда — не пускали бедра. Тилли плакала.

— Вызовите Джорджа, — попросила она наконец. — Позвоните ему.

Никому не хотелось вызывать сюда Джорджа. Ему пришлось бы подняться наверх, а наверх из мужчин поднимались только врачи, и даже их должен был сопровождать кто-то из сотрудников.

— Ладно, — сказала Джейн. — Я кого-нибудь вызову.

Она подумала о Николасе. У него же был доступ на крышу через чердак соседнего отеля — через штаб американской разведки: мощный толчок со стороны крыши мог принести успех в деле высвобождения Тилли. Николас все равно собирался прийти в клуб после ужина, послушать лекцию и внимательно посмотреть — в сложном комплексе чувств, включающем ревность и любо-

пытство, — на жену бывшего любовника Селины. Да и сам Феликс тоже должен был появиться.

Джейн решила позвонить и упросить Николаса прийти немедленно и помочь им с Тилли. Тогда он сможет и поужинать в клубе; Джейн подсчитала, что это будет его второй клубный ужин на этой неделе. Николас мог уже вернуться с работы домой, он обычно возвращался около шести.

— Сколько времени? — спросила она.

Тилли тихо плакала, но звучал ее плач так, что можно было ожидать новой серии воплей.

— Почти шесть, — ответила Энн.

Селина взглянула на свои часики и направилась к себе в комнату.

— Не оставляйте ее, — сказала Джейн. — Я пошла за помощью.

Селина открыла дверь к себе в комнату, но Энн стояла, держа Тилли за щиколотки. Когда Джейн спустилась до следующей площадки, она услышала голос Селины:

> «Самообладание есть идеальная уравновешенность и невозмутимость тела и души, совершенное спокойствие…»

Джейн глупо рассмеялась про себя и спустилась к телефонным кабинкам, как раз когда наполь-

ные часы пробили шесть ударов.

Они пробили шесть часов в тот вечер, двадцать седьмого июля. Николас только что вернулся домой. Услышав о неприятности с Тилли, он тут же охотно согласился подъехать прямо к штабу «Интеллидженс сервис» и выйти на крышу.

— Тут ничего смешного нет, — упрекнула его Джейн.

— А я и не говорю, что это смешно.

— Мне показалось, вы ужасно развеселились. Поторопитесь. Тилли уже все глаза выплакала.

— Еще бы не выплакала, увидев, что лейбористы победили.

— Да поторопитесь вы. Мы все попадем в беду, если…

Но он уже повесил трубку.

В этот самый час Грегги вошла в вестибюль из сада, чтобы побродить в холле в ожидании прибытия миссис Добелл, которая должна была выступить с лекцией после ужина. Грегги следовало отвести ее в гостиную ректора, где ректор с гостьей, как предполагалось, выпьют сухого хереса перед тем, как прозвучит гонг на ужин. Кроме того, Грегги надеялась склонить миссис Добелл к тому, чтобы та перед ужином прогулялась с нею по саду.

Далекий отчаянный вопль слетел в холл вниз по лестнице.

— В самом деле, — сказала Грегги, обратившись к Джейн, только что вышедшей из телефонной кабинки, — наш клуб пал невероятно низко. Что могут подумать гости? Шум тут такой, какой, видимо, был, когда это здание находилось в руках частных владельцев. Вы, молодые девицы, ведете себя точно как прислуга в былые времена, когда хозяин и хозяйка отсутствовали. Топаете и вопите.

О, мне бы лирой стать в лесной сени,
Чтоб звук был легче шелеста листвы,
Как шум ветвей — гармонии мои![83]

— Джордж, мне нужен Джордж, — тоненько взвывала Тилли сверху.

Тут кто-то на верхнем этаже предусмотрительно включил радиоприемник на всезаглушающую мощь.

Где ангелы? Жрут ужин в «Ритце»,
На Беркли соловьи зависли…

---

[83] Примечания: 83

Строки из стихотворения Перси Биши Шелли (1792–1822) — известного английского поэта, одного из крупнейших представителей английского романтизма, друга и соратника Байрона. «Ода к западному ветру». Пер. Н. Эристави.

И Тилли уже не было слышно. Грегги выглянула в открытую на улицу дверь и возвратилась. Взглянула на свои часики.

— Шесть пятнадцать, — произнесла она. — Она должна бы быть уже здесь в шесть пятнадцать. Скажите им там, наверху, чтобы убавили радио. Это выглядит так вульгарно, так дурно…

— Вы хотите сказать — это *звучит* так вульгарно, так дурно, — поправила ее Джейн, не переставая следить, не подъехало ли такси, что должно — как она надеялась — вот-вот привезти Николаса к столь функционально важному отелю.

— Еще раз, — четко прозвучал с четвертого этажа голос Джоанны, руководящей своей ученицей. — Последние три строфы снова, пожалуйста.

> *И мысль моя, что смерть свою найдет,*
>
> *Как палый лист, жизнь снова обретет!*[84]

Внезапно Джейн охватила глубочайшая зависть к Джоанне, источник которой, в эту пору ее

---

[84] Примечания: 84
См. предыдущее примечание.

юности, ей самой был неясен. Это чувство было как-то связано с незаинтересованностью Джоанны, с ее способностью — с ее даром — забывать о самой себе, отрешаться от собственной личности. Джейн вдруг почувствовала себя ужасно несчастной, изгнанной из Эдема еще до того, как ей стало понятно, что это — Эдем. Ей припомнились два заключения — она их вывела из рассуждений, услышанных от Николаса: что энтузиазм, который поэзия рождала у Джоанны, есть энтузиазм одного определенного рода и что Джоанна несколько меланхолична в своей религиозности. Однако эти мысли нисколько Джейн не утешили.

На такси подъехал Николас и исчез в дверях отеля. Грегги сказала:

— А вот и миссис Добелл. Уже двадцать минут седьмого.

На лестнице Джейн то и дело натыкалась на девиц, оживленными группками высыпавших из дортуаров. Она прокладывала себе путь сквозь их ряды, беспокоясь о том, чтобы поскорей добраться до Тилли и сообщить ей, что помощь близка.

— Джей-ни-и-и! — воскликнула одна из девиц. — Не будь же так чертовски груба! Ты чуть не опрокинула меня за перила! Я могла раско-

лошматиться насмерть.

Но Джейн уже пробивалась дальше вверх.

Уснул багровый лепесток, уснул и белый…

Джейн добралась до верхнего этажа и обнаружила, что в туалетной Энн с Селиной поспешно пытаются одеть нижнюю половину Тилли так, чтобы она выглядела поприличней. Они уже принялись за чулки. Энн держала ногу, а Селина своими длинными пальцами натягивала на ногу чулок, тщательно его разглаживая.

— Николас приехал, — сообщила Джейн. — Он еще не появился на крыше?

Тилли простонала:

— Ох, я умираю. Я больше этого не вытерплю. Привезите сюда Джорджа. Я хочу видеть Джорджа!

— А вот и Николас, — сказала Селина — ее рост позволял ей увидеть, как тот выходит из низенькой чердачной двери на крыше отеля, что он так часто делал в эти тихие летние ночи. Николас споткнулся о коврик, свернутый рядом с дверью. Это был один из тех ковриков, которые они вынесли на крышу, чтобы было на чем лежать. Николас удержался на ногах, быстро направился

к ним и вдруг упал на крышу ничком. Часы пробили половину седьмого. Джейн услышала свой собственный громкий голос: «Половина седьмого». И вдруг Тилли оказалась сидящей на полу туалетной, рядом с ней. Энн тоже была здесь, на полу, она прикрывала глаза рукой, будто пыталась скрыть свое лицо. Селина в ступоре лежала у самой двери. Она открыла рот, чтобы закричать, и, вероятно, кричала, но в этот момент грохот снизу, из сада, заявил о себе в полную силу, немедленно обратившись в самый настоящий взрыв. Дом снова содрогнулся, и девушки, уже попытавшиеся сесть, были плашмя брошены на пол. Пол усыпали осколки стекла, у Джейн откуда-то ручейком стекала кровь, а надо всем этим тихо проходило что-то вроде времени. Звуки голосов, шагов на лестнице и обваливающейся штукатурки вернули девушкам некоторую — у всех по-разному — восприимчивость к окружающему. Джейн увидела, довольно расплывчато, гигантскую физиономию Николаса, вглядывающегося в отверстую щель узкого окна. Он увещевал их побыстрее подниматься на ноги.

— В саду был взрыв.

— Это бомба Грегги, — сказала Джейн, криво усмехнувшись Тилли, — Грегги оказалась пра-

ва, — подтвердила она.

Утверждение было очень веселое, но Тилли почему-то не рассмеялась. Она закрыла глаза и легла на спину. Одета она была только наполовину и выглядела действительно очень забавно. Тут Джейн сама громко рассмеялась, глядя на Николаса, но у того тоже совершенно отсутствовало чувство юмора.

Внизу, на улице, собрался весь основной состав клуба, поскольку во время взрыва многие либо находились в общественных помещениях первого этажа, либо задержались в дортуарах второго. Там взрыв был гораздо более слышен, чем физически ощутим. Две машины «скорой помощи» уже прибыли, третья была в пути. Некоторым из наиболее потрясенных произошедшим членов клуба уже помогали оправиться от шока в холле соседнего отеля.

Грегги пыталась уверить миссис Добелл, что она предвидела и предостерегала всех, что такое может произойти. Миссис Добелл, величественная матрона весьма заметного роста, стояла на бровке тротуара, мало внимания обращая на Грегги. Она смотрела на здание инспекторским взором и сохраняла абсолютное спокойствие, проистекавшее из недопонимания истинной

природы произошедшего. Хотя миссис Добелл и была потрясена взрывом, она предполагала, что в Британии неразорвавшиеся бомбы взрываются каждый день, и довольная тем, что осталась цела и невредима, ощутила даже некоторую радость оттого, что имела возможность пережить некий военный опыт. Теперь ей было любопытно узнать, какие рутинные меры будут приняты в этой чрезвычайной ситуации. Она спросила:

— Когда, по вашим расчетам, осядет пыль?

Грегги опять повторила:

— Я знала, что еще живая бомба лежит у нас в саду. Я это знала. Я всегда говорила, что там — бомба. А этот саперный взвод ее так и не обнаружил.

В окне одной из верхних спален появились лица. Окно открылось. Одна из девушек попыталась что-то крикнуть, но ей пришлось тут же убрать голову — она задыхалась от пыли, по-прежнему облаком окутывавшей дом.

Из-за пыли оказалось трудно разглядеть дым, когда он стал появляться из подвальных помещений. Случилось так, что взрывом повредило магистральную трубу газопровода, и огонь сначала тихонько пополз, а потом вдруг резко вспыхнул. В помещениях первого этажа ревущее

пламя целиком заполнило один из кабинетов, облизывая широкие стекла окон и стремясь дотянуться до деревянных рам и панелей. А Грегги все пыталась докричаться до миссис Добелл сквозь возбужденные возгласы девушек, уличных зевак, шума машин «скорой помощи» и подъехавших пожарных.

— Десять шансов против одного, что мы с вами могли оказаться как раз там, в саду, когда взорвалась бомба. Я собиралась провести вас по нашему саду. Нас бы засыпало, мы могли погибнуть, умереть, миссис Добелл.

Миссис Добелл, как новопросвещенная, произнесла:

— Какой ужасный случай! — И потрясенная больше, чем можно было судить по ее виду, добавила: — Мы живем в такое время, которое призывает нас к благоразумию и осмотрительности, в этом и заключается прерогатива женщины.

Это была фраза из лекции, которую она собиралась прочесть после ужина. Миссис Добелл всматривалась в толпу, надеясь увидеть мужа. Сквозь толпу на носилках несли даму-ректора, которая пережила гораздо более острый шок за неделю до миссис Добелл.

— Феликс! — возопила миссис Добелл.

Он выходил из дверей соседнего отеля, его оливково-зеленая военная форма потемнела от сажи и была вся в полосах черной смазки. Он обследовал помещения в задней части дома. Феликс сообщил:

— Кирпичная кладка выглядит недостаточно прочной. Верхняя часть пожарной лестницы обвалилась. Наверху, как в ловушке, остались девушки. Пожарные направляют их на самый верхний этаж, их придется вытаскивать на крышу через световой люк.

— Кто? — спросила леди Джулия.

— Это Джейн Райт. Я звонила вам на прошлой неделе, чтобы узнать, не сможете ли вы выяснить…

— Ах, да. Ну, боюсь, у меня слишком мало информации из Мининдела. Видите ли, они никогда не дают официальных комментариев. Насколько я могла понять, этот человек ужасно всем надоедал, произнося проповеди против местных предрассудков. Ему сделали несколько предупреждений, и он, по всей видимости, сам на это напросился. А как могло случиться, что вы были с ним знакомы?

— Он дружил с некоторыми девушками из клуба Мэй Текской, когда был штатским… То есть, я

хочу сказать, до того, как вступил в этот орден, как там его… Он фактически был в клубе в тот вечер, когда произошла трагедия, и…

— Вероятно, именно тогда он и повредился в рассудке. В любом случае что-то, должно быть, подействовало на его рассудок, так как из того, что я услышала — неофициально, — я заключила, что он был совершенно…

Световой люк, хотя и был замурован по чьему-то истерическому приказу в давние времена, когда мужчина проник на чердачный этаж клуба, чтобы посетить девушку, без большого труда мог быть размурован пожарными. Вопрос был лишь во времени.

Время не было слишком насущным фактором для тех девиц из клуба Мэй Текской — их было тринадцать, — что вместе с Тилли Тровис-Мью оставались на верхних этажах здания, когда в нем вслед за взрывом начался пожар. Большая часть совершенно надежной пожарной лестницы, которая столь часто фигурировала в столь многих инструкциях по безопасности, такое множество раз читавшихся членам клуба во время столь многих ужинов, теперь лежала в виде разрозненных зигзагов посреди земляных насыпей, ям и вывороченных корней клубного сада.

Время, которое для тех, кто стоял и смотрел на улице, как и для пожарных на крыше, было непосредственным, грозно атакующим врагом, для этих девушек являлось лишь незначительным, давно забытым событием, ибо они были оглушены не только силою взрыва, но и, когда пришли в себя и огляделись, смещением всех ранее знакомых предметов вокруг. Кусок задней стены дома отошел и открылся небу. Там, в 1945 году, они были так же удалены от незначительного фактора времени, как невесомые обитатели какой-нибудь космической ракеты. Джейн поднялась на ноги, бросилась в свою комнату и, подчиняясь какому-то животному инстинкту, схватила и жадно съела кусок шоколадной плитки, оставшийся у нее на столе. Сладость шоколада помогла ей окончательно прийти в себя. Она вернулась в туалетную, где Тилли, Энн и Селина медленно поднимались на ноги. С крыши доносились крики. В окно-щель заглянуло какое-то неузнаваемое лицо, и огромная рука выдернула расшатавшуюся раму из оконного проема.

Однако огонь уже начал подниматься вверх по лестничной клетке, опережаемый геральдическими клубами дыма. Пламя скользило вверх по перилам.

Девушки, которые во время взрыва находились в своих комнатах на третьем и четвертом этажах, были не так сильно потрясены, как те, кто остался на самом верху, поскольку там сколько-то серьезный вред кирпичной кладке был нанесен еще раньше, косвенно, в результате бомбардировок в начале войны. Девушки третьего и четвертого этажей получили порезы и ссадины и были оглушены грохотом, но не сильно пострадали от сотрясения дома в результате взрыва.

Некоторые из обитательниц третьего этажа оказались достаточно ловкими и быстрыми, чтобы сбежать вниз по лестнице и выскочить на улицу в промежутке между взрывом и началом пожара. Остальные десять, когда попытались сделать то же самое, наткнулись на огонь и взбежали наверх.

Джоанна и Нэнси Риддл, закончившие урок красноречия, стояли у дверей комнаты Джоанны, когда взорвалась бомба, и таким образом не попали под осколки стекол из разбившегося окна. Впрочем, у Джоанны оказалась поранена рука — стеклом от дорожных часов, которые она в этот момент заводила. Именно Джоанна, когда клубные девицы закричали при виде огня, крикнула последней и громче всех:

— Пожарная лестница!

Паулина Фокс бросилась следом за ней, за ними по коридорам третьего этажа побежали остальные, а затем вверх по узкой лестнице черного хода на четвертый этаж, в проход, где было окно на пожарную лестницу. Однако проход теперь представлял собой открытую платформу, глядящую в вечернее летнее небо: здесь обвалилась стена и пожарная лестница упала вниз вместе с ней. Штукатурка валилась с кирпичей, когда десять молодых женщин сгрудились на том месте, где когда-то были окно и площадка пожарной лестницы. Они все еще остолбенело искали взглядом ступени этой лестницы. Голоса пожарных доносились до них из сада. Пожарные кричали им с плоской крыши над ними. Потом один голос очень четко приказал в мегафон, чтобы они отступили назад: часть пола, на которой они стояли, могла провалиться.

Тот же голос сказал: «Поднимайтесь выше, на последний этаж».

— Джек будет волноваться — что со мной случилось? — сказала Паулина Фокс.

Она первой поднялась по черной лестнице в туалетную верхнего этажа, где Энн, Селина, Джейн и Тилли были уже на ногах: они собрались

с силами, как только узнали про пожар. Селина снимала юбку.

Над их головами, в покатом потолке, виднелся большой квадрат старого, давно замурованного светового люка. Сверху, над этим большим квадратом, слышались мужские голоса, скрежет лестниц и глухие удары по кирпичу — пожарные явно пытались найти способ размуровать световой люк и освободить девушек, которые тем временем не сводили глаз с квадрата, так четко различимого на потолке.

— Неужели он не откроется? — спросила Тилли.

Ей никто не ответил, ведь девицы Мэй-Тека знали ответ. Все в клубе слышали легенду о мужчине, проникшем в здание через световой люк и, как утверждали некоторые, обнаруженном в постели с одной из них.

Тут Селина встала на стульчак, вспрыгнула на окно-щель и легким движением выскользнула на крышу. В туалетной теперь остались тринадцать молодых женщин. Они стояли в тревожном, напряженном молчании, словно в опасных джунглях, прислушиваясь, не последуют ли новые указания в мегафон.

Энн Бейбертон последовала примеру Сели-

ны, выбравшись через окно-щель, правда, с некоторым трудом, потому что была слишком взволнованна. Но две мужские руки поднялись к окну и приняли ее. Тилли Тровис-Мью снова разрыдалась. Паулина Фокс сорвала с себя платье, затем нижнее белье и осталась совершенно обнаженной. Она так исхудала от недоедания, что прошла бы в узкое окно во всей своей одежде, но она выскользнула из него голенькой, словно рыбка.

Рыдала только Тилли, однако остальных девушек била дрожь. Звуки на покатой крыше умолкли — пожарные спрыгнули вниз, на ее плоскую часть, закончив обследовать замурованный люк. Теперь их шаги слышались за окном-щелью, с той плоской крыши, где по ночам Селина и Николас лежали вместе, завернувшись в одеяла, под Большой Медведицей, которая во всем Большом Лондоне представляла собой единственный, оставшийся абсолютно неповрежденным пейзаж.

В туалетной комнате одиннадцать остальных молодых женщин услышали голос пожарного, обращающегося к ним в окно-щель на фоне рева мегафона, инструктировавшего пожарную команду. Человек у окна сказал:

— Оставайтесь на месте. Без паники. Мы посылаем за инструментами — вскрыть световой люк. Это недолго. Это всего лишь вопрос времени. Мы делаем все возможное, чтобы вас вытащить. Только оставайтесь на месте. И не паникуйте. Это всего лишь вопрос времени.

Теперь вопрос времени открылся для этих одиннадцати женщин, как нечто невероятно огромное в их жизни.

С того момента, как в саду взорвалась бомба, прошло двадцать восемь минут. После того как начался пожар, Феликс Добелл присоединился к Николасу Фаррингдону, который по-прежнему оставался на плоской крыше. Это они помогали трем стройным девушкам пролезть через окно-щель. Энн и голенькая Паулина были закутаны в два одеяла переменного назначения и поспешно проведены через чердачный люк соседнего отеля, где в задней стене взрывом выбило все окна. Николас был на мгновение поражен — насколько это возможно в столь чрезвычайных обстоятельствах — тем, что Селина позволила другим девушкам воспользоваться одеялами. Она задержалась на крыше, голоногая и в белоснежной нижней юбке, все еще чуть дрожа, но с трогательной грациозностью, словно раненая

лань. Николас подумал, что она задержалась из-за него, поскольку Феликс исчез с двумя другими девицами, чтобы помочь им сесть в машины «скорой помощи». Он оставил Селину на стороне крыши отеля, а сам вернулся к клубному окну-щели — убедиться, может быть, какая-то из оставшихся в туалетной комнате девушек достаточно тонка, чтобы выбраться через окно. Пожарные предупреждали, что здание может рухнуть в ближайшие двадцать минут.

Когда он подошел к окну, Селина проскользнула мимо и снова, схватившись за подоконник, взобралась на него.

— Что ты делаешь? Спускайся вниз! — сказал Николас. Он попытался схватить ее за щиколотки, но она оказалась быстрее и, присев на узком подоконнике, боком скользнула сквозь окно в туалетную комнату.

Николас тут же предположил, что она сделала это, пытаясь спасти кого-то из девушек, помочь кому-то из них выбраться через окно.

— Вылезай обратно, Селина, — закричал он, приподнявшись на руках, чтобы вглядеться внутрь через окно-щель. — Это опасно, ты никому не сможешь помочь.

Селина проталкивалась через группу стоящих

девушек. Они расступались без всякого сопротивления, давая ей дорогу. Все молчали, кроме Тилли, чьи рыдания — теперь уже без слез — стали какими-то конвульсивными. Ее глаза, как и все другие глаза, были широко открыты и глядели на Николаса со значительностью, порожденной ужасом.

Николас сказал:

— Пожарные идут открывать люк. Они будут здесь в считаные минуты. Есть ли среди вас кто-нибудь, кто сможет пролезть через это окно? Я помогу. Поторопитесь, чем скорее, тем лучше.

Джоанна держала в руке ленту-сантиметр. В какой-то момент, в промежутке между временем, когда пожарные обнаружили, что световой люк прочно замурован, и этой самой минутой она порылась в одной из спален верхнего этажа и отыскала ленту-сантиметр, которой принялась измерять бедра десяти других девушек, оказавшихся в ловушке вместе с нею, даже самых безнадежных, чтобы выяснить, каковы их возможности на спасение через семидюймовое окно-щель. Всем обитательницам Мэй-Тека было известно, что тридцать шесть с четвертью дюймов — тот максимум, при котором бедра могут протиснуться сквозь эту щель. Однако, так как

эффект достигался только при пролезании боком и при маневрировании плечами, очень многое зависело от ширины костей и индивидуальной текстуры тела и мышц — достаточно ли они пластичны, чтобы легко сжиматься, или слишком тверды. Последнее оказалось характерно в случае с Тилли. Но кроме нее, ни одна из оставшихся на верхнем этаже девиц, при всей своей стройности, никак не могла сравниться с Селиной, Энн и Паулиной Фокс. Некоторые были пухленькими. Джейн — полновата. Дороти Маркэм, которая раньше выскальзывала из окна на крышу, чтобы позагорать, и с легкостью возвращалась обратно, теперь была на третьем месяце беременности: ее живот стал больше на целый тугой и несдвигаемый дюйм. Старания Джоанны измерить девушек походили на научный ритуал при безнадежной ситуации, но это все же была хоть какая-то деятельность: она позволяла отвлечься и немного успокаивала.

Николас сказал:

— Недолго осталось. Пожарные уже здесь.

Он висел, держась за край окна, упершись носками ботинок в кирпичную кладку стены, и смотрел на тот край плоской крыши, куда были приставлены пожарные лестницы. Группа по-

жарных с кирками лезла вверх по лестницам, они тянули за собой тяжелые буры.

Он снова заглянул в туалетную.

— Они уже на крыше. А куда подевалась Селина?

Никто ему не ответил. Он спросил:

— А вон та девушка — вон там — не сможет ли она попробовать выбраться через окно?

Он имел в виду Тилли. Джейн ответила:

— Она один раз попробовала. И застряла. Огонь внизу трещит как бешеный. Дом может рухнуть в любую минуту.

Над головами девиц, на покатой крыше, яростно стучали кирки, впиваясь в кирпичную кладку, не так ритмично, как это бывает при нормальной работе, а беспорядочно, отчаянно, подгоняемые грозной опасностью. Теперь уже недолго оставалось ждать того момента, когда прозвучат свистки и голос в мегафон прикажет пожарным покинуть готовое обрушиться здание.

Николас отцепился от окна, чтобы выяснить, что происходит снаружи. Тилли подошла к окну, собираясь предпринять вторую попытку вылезти на крышу. Увидев ее лицо, он узнал в ней ту самую девушку, которая застряла в окне за миг до взрыва и которую его вызвали освободить.

Он крикнул ей, чтобы она отошла назад — вдруг снова застрянет и тем самым сорвет, возможно, более успешную попытку ее спасти через световой люк. Но Тилли была исполнена решимости и отчаяния, она вскрикнула, чтобы подбодрить себя, и эта попытка увенчалась успехом. Николас выдернул ее наружу, сломав ей при этом одну из тазовых костей. Когда он опустил Тилли на крышу, она потеряла сознание.

Николас снова подтянулся к окну.

Девушки, притихшие и дрожащие, сгрудились вокруг Джоанны. Все глядели вверх, на световой люк. Что-то очень большое треснуло на одном из нижних этажей дома, и под потолком туалетной комнаты заклубился дым. Тут сквозь открытую дверь туалетной Николас увидел Селину, приближавшуюся к ней по задымленному коридору. Она осторожно несла в объятиях что-то длинное и как-то бессильно обмякшее — явно почти невесомое. Он подумал было, что это — тело. Деликатно покашливая от первых клубов дыма, которые настигли ее в коридоре, она протолкалась через стоящих в комнате девушек. Те смотрели на нее, дрожа от долгого страха и затянувшегося ожидания: у них не было сил любопытствовать, что такое она спасала, что несла. Селина взобралась

на стульчак и проскользнула в окно, ловко и быстро втянув за собой предмет своей заботы. Николас протянул руки, чтобы ее подхватить. Когда она ступила на крышу, она спросила: «Здесь, снаружи, безопасно?» — одновременно осматривая спасенный ею предмет. Самообладание есть абсолютная уравновешенность. Этот предмет был — платье от Скиапарелли. Одежные плечики свисали из выреза, словно обезглавленная шея и плечи.

— Здесь безопасно? — спросила Селина.

— Нигде небезопасно, — ответил Николас.

Позже, раздумывая над этой молниеносной сценой, он не мог полностью довериться своей памяти, в частности, в том, что он тогда осенил себя крестом. В воспоминаниях ему казалось, что именно это он и сделал. Во всяком случае, Феликс Добелл, который к этому времени снова появился на крыше, с любопытством посмотрел на него, а впоследствии говорил, что Николас перекрестился, почувствовав суеверное облегчение от того, что Селина оказалась в безопасности.

Она бросилась к чердачному люку отеля. Феликс Добелл поднял на руки Тилли, которая пришла в себя, но не могла идти — боль была слишком сильной. Он отнес ее к чердачному

люку, следуя за Селиной с ее платьем: она вывернула его наизнанку для лучшей сохранности.

Из окна-щели послышался какой-то новый звук, едва различимый из-за непрекращающегося шума падающей из брандспойтов воды, треска горящего дерева и обваливающейся штукатурки в нижних частях здания, а также из-за грохота спасательных работ на покатой крыше у светового люка. Этот новый звук возрастал и опадал прерывающимся монотоном между всплесками отчаянного, задыхающегося кашля. То был голос Джоанны, машинально читающей наизусть вечерний псалом, День 27-й, антифоны и респонсы[85].

Голос в мегафоне закричал: «Скажите девушкам, чтобы стояли подальше от светового люка! Мы можем открыть его в любой момент. Кладка может провалиться внутрь. Скажите тем девушкам — пусть встанут подальше от люка!»

Николас взобрался к окну. Они уже услышали указание и сгрудились у стульчака рядом с окном-щелью, не обращая внимания на мужскую физиономию, то и дело в нем появлявшуюся. Словно загипнотизированные, они окружили

---

[85] Примечания: 85
Антифон (*церк.)* — краткий стих; респонс — ответствие.

Джоанну, которая и сама была словно в трансе благодаря странным изречениям Дня 27-го по англиканскому чину, которые, как считалось, применимы к разнообразнейшим условиям человеческой жизни во всем мире, даже в данный конкретный момент, когда в Лондоне возвращавшиеся домой рабочие устало шагали через парк, с любопытством глядя на пожарные машины далеко за его оградой, а Руди Биттеш сидел в своей квартире в Сент-Джонз-Вуде, безуспешно пытаясь дозвониться до Джейн в Мэй-Теке, чтобы «приватно» с ней поговорить, когда только что родилось лейбористское правительство, а еще где-то на лице планеты люди спали, стояли в очередях за хлебом свободы, били в там-тамы, укрывались в бомбоубежищах от бомбардировщиков или катались на электрических автомобильчиках в увеселительных парках.

Николас крикнул девушкам:

— Держитесь подальше от светового люка! Подойдите поближе к окну!

Девушки обступили унитаз у окна. Джейн и Джоанна, как самые крупные, встали на стульчак, чтобы освободить побольше места для других. Николас заметил, что по лицам молодых женщин катятся капли пота. Кожа Джоанны,

сейчас оказавшаяся так близко перед его глазами, неожиданно запестрела крупными веснушками, словно страх подействовал на ее лицо подобно солнцу. На самом же деле бледные веснушки, всегда присутствовавшие у нее на лице, но в нормальном состоянии практически незаметные под румянцем, выступили яркими золотистыми пятнышками, контрастируя с бледной кожей, обескровленной страхом. Антифоны и респонсы слетали с ее губ и языка, прорываясь сквозь грохот разрушения.

> *Великое сотворил Господь над нами: мы радовались.*
>
> *Возврати, Господи, пленников наших,*
>
> *как потоки на полдень.*
>
> *Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью.*
>
> *С плачем несший семена возвратится с радостью,*
>
> *неся снопы свои.*[86]

Зачем, с какими намерениями решилась она погрузиться в эти тексты? Она помнила слова, и у

---

[86] Примечания: 86
Псалтирь, 126:3–6.

нее была устойчивая привычка к декламации. Но зачем — в такой беде и будто бы для полного зала слушателей? На ней были темно-зеленый шерстяной жакет и серая юбка. Остальные девушки, машинально прислушиваясь к голосу Джоанны в силу долгой привычки это делать, вполне возможно, не так страшно нервничали и меньше дрожали благодаря этому, однако гораздо более внимательно вслушивались в значение звуков, доносившихся со стороны светового люка, чем в истинный смысл слов, предназначенных для Дня 27-го.

> «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж.
>
> Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, едите хлеб печали, тогда как возлюбленному Своему Он дает сон.
>
> Вот наследие от Господа: дети…»[87]

Литургия любого дня оказалась бы столь же гипнотизирующей. Однако для Джоанны привычными были слова на правильный день месяца.

---

[87] Примечания: 87
Псалтирь, 127:1–3.

Световой люк открылся с грохотом и в сопровождении града штукатурки и кривобоких кирпичей. Белая пыль еще сыпалась вниз, но пожарные уже спустили в люк лестницу. Первой наверху оказалась Дороти Маркэм, щебетунья-дебютантка, чья солнечная жизнь в последние сорок три минуты превратилась в сплошной, сбивающий с толку мрак, словно ярко освещенный прибрежный город вдруг лишился всех своих огней из-за отказа энергосистемы. Дороти выглядела осунувшейся и поразительно похожей на свою тетушку, леди Джулию, председательницу Административного комитета клуба, которая в этот момент в Бате; ничего не подозревая, упаковывала посылки для беженцев. Леди Джулия была бела, как лунь, такими же стали и волосы у ее племянницы, обсыпанные белой пылью, когда та выбралась по пожарной лестнице на покатую черепицу крыши и с помощью пожарных оказалась на ее плоской части. За ней по пятам следовала Нэнси Риддл, дочь священника мидлендской низкой церкви, которая так упорно работала над своим мидлендским акцентом с помощью Джоанны… Теперь ее урокам красноречия пришел конец: она навсегда сохранит присущее ей мидлендское произношение. Ее бедра казались еще более

опасно широкими, чем раньше, когда, покачиваясь, она взбиралась по лестнице следом за Нэнси. Затем три девушки попытались залезть по лестнице вместе: они жили в четырехместной комнате на четвертом этаже и лишь недавно демобилизовались из армии. Все трое были крупные, мускулистые, сильные женщины — такими их за пять лет службы и должна была сделать армия. Пока они разбирались меж собой, Джейн ухватилась за лестницу и выбралась наружу. Трое экс-воительниц последовали за ней. Джоанна спрыгнула со стульчака. Она, пошатываясь, кружила по туалетной, словно волчок под конец своего вращения. Ее взгляд в странном замешательстве перебегал от люка к окну и обратно. Губы и язык по-прежнему повторяли литанию 27-го Дня, но голос ее ослаб, и она остановилась, закашлявшись. В воздухе по-прежнему висели белая пыль и дым. Рядом с ней оставались еще три девушки. Джоанна протянула руку к лестнице, но промахнулась. Тогда она наклонилась — подобрать сантиметр, лежавший на полу. Она ощупью искала его, словно была почти слепа, и все говорила нараспев:

…и проходящие мимо не скажут:

«Благословение Господне на вас;

Благословляем вас именем Господним!»

…Из глубины взываю к Тебе, Господи…[88]

Трое других уже взобрались наверх по пожарной лестнице, одна из них, на удивление стройная девица по имени Пиппа, чьи не видимые простым глазом кости оказались, видимо, слишком широки, чтобы позволить ей спастись через окно-щель, крикнула, обернувшись:

— Джоанна, скорее! Джоанна, на лестницу!

И Николас закричал в окно:

— Джоанна, поднимайтесь по лестнице!

Она пришла в себя и бросилась вслед за последними двумя девицами — крепкой, смуглокожей, с развитыми мускулами пловчихой и чувственно-пышнотелой гречанкой — изгнанницей благородного происхождения; обе они плакали от облегчения. Джоанна тотчас же начала карабкаться вверх следом за ними, хватаясь рукой за ту перекладину, которую только что покидала ступня предыдущей девушки. В этот

---

[88] Примечания: 88
Псалтирь, 129:8, 130:2.

момент дом вздрогнул, вместе с ним — лестница и вся туалетная комната. Огонь был потушен, но выпотрошенное им здание оказалось под конец подкошено лихорадочными работами над световым люком. Джоанна была на полпути к люку, когда прозвучал свисток. Голос в мегафоне приказал всем пожарным немедленно прыгать вниз. Здание обрушилось в тот момент, когда последний пожарный ждал появления Джоанны из люка. Как только начала рушиться покатая крыша, он спрыгнул вниз, неудачно, с болью приземлившись на плоскую крышу отеля. Дом обрушился посередине, огромной грудой дымящихся обломков увлекая за собой Джоанну.

9

Магнитофонная запись была стерта из соображений экономии, чтобы пленку можно было снова использовать. Так обстояли дела в 1945 году. Николаса это очень рассердило. Он хотел проиграть эту запись голоса Джоанны ее отцу, который приехал в Лондон после ее похорон, чтобы заполнить кое-какие бумаги, касательно имущества покойной. Николас написал письмо старику, отчасти стремясь поделиться последними впечатлениями о его дочери, отчасти из любопытства и также отчасти желая продемонстрировать звучание «Гибели „Германии“» в драматическом исполнении Джоанны. Он упомянул о магнитофонной записи в своем письме.

Но запись пропала. Должно быть, кто-то из коллег в его отделе ее стер.

Ты связал кости и жилы во мне, укрепил мою плоть,

А после всего Ты почти разрушил, и так ужасно,

Свое творенье: но коснешься ли Ты меня вновь,

о Господь?

Николас сказал священнику:

— Это просто возмутительно! Она здесь была в самой лучшей своей форме. Читала «Гибель „Германии“». Я страшно расстроен.

Отец Джоанны сидел, такой розовощекий и седовласый. Он попросил:

— Ох, пожалуйста, не беспокойтесь так.

— Мне так жаль, что вы этого не слышали.

Словно желая утешить Николаса в его утрате, пастор пробормотал с ностальгической улыбкой:

Корабль «Вечерняя звезда» выходит в океан

И дочь-красавицу берет с собою капитан…[89]

— Нет-нет, «Германия». Это была «Гибель „Германии“».

— А-а, Германии.

Жестом, характерным для английского орлиного носа, он, казалось, стремился вдохнуть в себя дополнительную информацию.

Николаса так растрогало это его движение, что

---

[89] Примечания: 89

Начало стихотворения Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) «Гибель „Вечерней звезды“». Пер. Г. Бена.

он сделал последнюю попытку отыскать утраченную запись. День был воскресный, однако ему удалось дозвониться по телефону домой к одному из коллег.

— Ты случайно не в курсе, кто-нибудь забирал пленку из того ящика, что я позаимствовал в конторе? Кто-то вытащил важную запись. Личную.

— Да нет, не думаю… Постой, минутку… Да, действительно, там что-то стерли. Стихи какие-то. Сожалею. Но экономия, знаешь ли… Как тебе последние новости? Просто дух захватывает, верно?

Отцу Джоанны Николас сказал:

— Да, эту запись и правда стерли.

— Это не так важно. Я помню Джоанну, какой она была в пасторском доме. Она много помогала в приходе. Она сделала ошибку, уехав в Лондон. Бедная девочка.

Николас снова налил виски в бокал священника и стал доливать содовой. Тот раздраженно махнул рукой, указывая, что уже достаточно. Он вел себя так, как свойственно давно овдовевшему мужчине или тому, кто не привык находиться в обществе критически настроенных дам. Николасу пришло в голову, что этот человек никогда не видел в своей дочери реальную Джо-

анну. Это умерило его огорчение из-за провала запланированного спектакля с чтением «Гибели „Германии“»: отец мог бы и не узнать Джоанну в этом чтении.

Нахмурено его лицо
Передо мной, и грохот, адская могила
Там, позади; о где же, где, о где все это было?

— Я не люблю Лондон. Никогда сюда не приезжаю без особой надобности, — признался священник. — Лишь на Собор духовенства или куда-нибудь в том же роде. Если бы только Джоанна могла обосноваться в пасторском доме…

Он проглотил виски, словно лекарство, запрокинув голову.

Николас сказал:

— Джоанна читала что-то вроде литургии перед тем, как дом обрушился. Другие девушки, те, что были вместе с ней, как будто ее слушали. Какие-то псалмы.

— Неужели? Никто, кроме вас, об этом не говорил.

Старик, казалось, был смущен. Он поболтал виски в бокале и допил до дна, как будто Николас сообщил ему, что его дочь в последний момент

обратилась в католичество или еще каким-то образом, умирая, проявила дурной вкус.

— Джоанна отличалась удивительной силой веры, — пылко заявил Николас.

Поразительно, но отец ответил ему:

— Я знаю это, мой мальчик.

— Она остро понимала, что такое ад. Она говорила своей приятельнице, что боится ада.

— Неужели? Я не знал об этом. Никогда не слышал, чтобы она обсуждала такие болезненные темы. Это, должно быть, Лондон так на нее подействовал. Сам я никогда без надобности сюда не приезжаю. У меня однажды был здесь приход, в Бэламе, в мои молодые годы. Но с тех пор я все время служу в сельских приходах. Предпочитаю сельские приходы. Там находишь лучшие, более набожные, а в некоторых случаях вовсе святые души у сельских прихожан.

Это напомнило Николасу о его американском знакомом — психоаналитике, который писал ему, что собирается после войны открыть практику в Англии, «подальше от всех этих невротиков и от нашего суетливого мира вечных забот».

— Христианство в наши дни живет в сельских приходах, — резюмировал пастырь самых лучших, первостатейных овец. Он твердо поставил

на стол свой бокал, как бы ставя печать на решение этого вопроса: горе утраты с каждым новым его высказыванием превращалось в горе из-за отъезда Джоанны в Лондон.

Наконец он сказал:

— Я должен пойти туда, увидеть, где она погибла.

Николас еще раньше пообещал старику отвести его к обрушившемуся дому на Кенсингтон-роуд. Пастор несколько раз напоминал Николасу об этом, будто боялся невзначай забыть и уехать из Лондона, не отдав дочери этот последний долг.

— Я пройду туда вместе с вами, — сказал ему Николас.

— Что ж, если это вам по пути, я буду вам премного обязан. А как вы относитесь к этой новой бомбе? Или вы полагаете, что это всего лишь пропаганда?

— Я не знаю, сэр, — ответил Николас.

— Просто дух захватывает от ужаса. Они должны мир заключить, если все это правда. — Шагая рядом с Николасом к Кенсингтону, священник глядел по сторонам. — Места бомбежек выглядят так трагично. Я никогда сюда не езжу без надобности, знаете ли.

Через некоторое время Николас спросил:

— А вы виделись с кем-нибудь из девушек, оставшихся вместе с Джоанной наверху, как в ловушке? Или с другими членами клуба?

— Да, — ответил священник. — Со многими. Леди Джулия была так любезна, что пригласила нескольких девиц на чай, чтобы познакомить их со мной. Вчера вечером. Разумеется, эти бедняжки все прошли через тяжкое испытание, даже те, что оказались всего лишь зрителями. Леди Джулия предложила не обсуждать произошедшее. Я полагаю, это было мудрое решение, знаете ли.

— Да. А вы помните имена тех, кто там был? Хоть кого-то?

— Там была племянница леди Джулии, Дороти, и мисс Бейбертон, которой удалось спастись через окно, как я понял. И еще несколько других.

— А мисс Редвуд? Селина Редвуд?

— Ну, видите ли, я не очень хорошо запоминаю имена.

— Такая высокая, очень изящная девушка, очень красивая. Я хочу ее разыскать. Волосы темные.

— Они все там очаровательные, мой милый мальчик. Все молодые всегда очаровательны. Джоанна была самой очаровательной из всех — на мой взгляд. Но тут я, конечно, пристрастен.

— Она была очаровательна, — согласился Николас и замолк. Но священник с легкостью опытного пастыря, ступившего на знакомую почву, почувствовал определенную заинтересованность Николаса и спросил:

— А что, эта юная девица пропала?

— Ну, мне не удалось ее найти. Ни следа. Я все эти девять дней пытался отыскать Селину.

— Как странно. Она ведь не могла память потерять, так? Бродит где-то по улицам…

— Думаю, в таком случае ее бы нашли. Она очень заметная.

— А что говорят ее родственники?

— Ее родственники в Канаде.

— Возможно, она уехала, чтобы забыть. Это было бы понятно. Она тоже была одной из тех, кто оказался в ловушке?

— Да. Она вылезла через окно.

— Ну, судя по вашему описанию, я не думаю, что она была у леди Джулии. Вы могли бы позвонить по телефону и спросить.

— На самом деле, я уже звонил. Леди Джулия ничего не слышала о Селине, да и другие девушки тоже. Но я надеялся, что это какая-то ошибка. Знаете, как это бывает.

— Селина… — произнес священник.

— Да, так ее зовут.

— Минуточку. Там упоминалась какая-то Селина. Одна из девушек, блондинка, очень юная, жаловалась, что Селина ушла с ее единственным бальным платьем. Это могла быть она?

— Это та самая девушка.

— Это не очень хорошо с ее стороны — стащить платье другой девушки, особенно когда каждая из них лишились всего своего гардероба.

— Это было платье от Скиапарелли.

Пастор не стал вторгаться в эту загадочную сферу. Они подошли к тому месту, где прежде стоял клуб Мэй Текской. Оно теперь стало похоже на все знакомые соседние руины, словно здание было разрушено несколько лет назад, во время бомбардировки, или несколько месяцев назад, управляемой ракетой. Каменные плиты крыльца, покосившись, лежали, ведя в никуда. Колонны простерлись, словно развалины Рима. В задней части дома боковая стена стояла иззубренная, вполовину своей прежней высоты. Сад Грегги превратился в кучу каменного мусора с торчащими из него кое-где отдельными цветами и редкими растениями. Розовые и белые плитки холла разлетелись повсюду и валялись, выставляя напоказ свою давнюю заброшенность, а с

нижней части иззубренной стены свисал еще более иззубренный кусок грязно-коричневых обоев клубной гостиной.

Отец Джоанны стоял, держа в руке широкополую черную шляпу.

А у нас, на нашем старом чердаке, ровно яблоки уложены рядком…

— Здесь, на самом-то деле, и смотреть не на что, — сказал священник. — Ничего не осталось.

— Как и от моей магнитофонной записи, — откликнулся Николас.

— Да. Все ушло. Все уже не здесь.

* * *

Руди Биттеш взял со стола и быстро пролистал пачку записных книжек Николаса.

— Это что, рукопись — твоя книга, между прочим? — спросил он.

В обычной обстановке он никогда не позволил бы себе такой вольности, но в данный момент Николас оказался ему многим обязан: Руди узнал, где скрывается Селина.

— Вы можете это забрать, — сказал Николас, имея в виду рукопись. И добавил, не предполагая, какой смертью ему суждено умереть: — Можете

ее сохранить. В один прекрасный день, когда я стану знаменит, она будет представлять какую-то ценность.

Руди улыбнулся. Тем не менее, засунув книжки под мышку, он спросил:

— Идешь со мной?

По дороге они зашли за Джейн, чтобы вместе пойти на праздник у Букингемского дворца. Николас объяснил:

— В любом случае я решил не издавать книгу. Машинописные экземпляры уничтожены.

— Я должен тащить этот большой чертова уйма книжки, а ты мне теперь такое говоришь! Какой ценность мне, если ты не публиковать?

— Вы их сохраните, никогда ведь не знаешь, как все обернется.

Руди всегда был предусмотрителен. Он сохранил «Субботние записные книжки», чтобы со временем иметь возможность пожинать плоды своей предусмотрительности.

— А может, хотите письмо, которое я получил от Чарлза Моргана, где говорится, что я — гений? — спросил Николас.

— Ты сегодня что-то чертовски развеселый из-за чего-нибудь или другого.

— Да, это так, — согласился Николас. — Так

хотите вы письмо или нет?

— Какой письмо?

— Вот это.

Николас достал письмо Джейн из внутреннего кармана, помятое, как дорогая сердцу фотография.

Руди мельком взглянул на него.

— Это работа Джейн, — сказал он и протянул бумажку обратно. — Почему ты так веселый? Ты видел Селина?

— Да.

— Что она говорила?

— Она кричала. Она кричала и не могла остановиться. Это такая нервная реакция.

— Вид тебя, должно быть, вернул ее обратно. Я же советовал — держись дальше.

— Она не могла остановиться. Кричала и кричала.

— Ты ее напугал.

— Да.

— Я говорил, держись дальше. Она никуда не годится, между прочим. С этим эстрадником с Кларджис-стрит. Ты его видел?

— Да, он вполне приличный парень. Они поженились.

— Так говорят. Тебе надо найти девушка с ха-

рактер. Забудь ее.

— Да ладно. Он очень извинялся из-за ее крика. И я, конечно, тоже очень извинялся. От этого она еще больше кричала. Я думаю, она предпочла бы стать свидетельницей нашей драки.

— Ты ее не так любишь, чтобы с эстрадником драка сделать.

— Да он вполне приличный эстрадный певец.

— А ты слышал, как он поет?

— Да нет, конечно, в том-то и дело.

Джейн вернулась в свое нормальное состояние несчастливости, перемежающейся с надеждой, и жила теперь в меблированной комнате на Кенсингтон-Черч-стрит. Она была вполне готова к ним присоединиться.

— Вы не кричите, когда видите Николас? — спросил Руди.

— Нет, — ответила Джейн. — Но если он не перестанет отказываться от того, чтобы Джордж издал его книгу, я закричу. Джордж говорит, что это я во всем виновата. А я сказала ему про письмо от Чарлза Моргана.

— Вам надо его бояться, — сказал Руди. — Он заставляет дам кричать. Селина сегодня получила от него испуг.

— В прошлый раз я сам ее испугался.

— Так вы ее нашли? — спросила Джейн.

— Да. Но она страдает от последствий тяжелого шока. Должно быть, я снова вернул в ее сознание весь пережитый ею ужас.

— Это был ад, — сказала Джейн.

— Я знаю.

— Почему он влюблен в Селину, между прочим? — спросил Руди. — Почему не найдет себе женщина с характер или девушка-француженка?

— Это междугородный звонок, — поспешно сказала Джейн.

— Я знаю, — ответила Нэнси, дочь мидлендского священника, теперь вышедшая замуж за другого мидлендского священника. — Кто говорит?

— Это Джейн. Слушай, у меня к тебе еще один вопрос про Николаса Фаррингдона, быстро. Ты не считаешь, что его обращение как-то связано с пожаром? Мне надо закончить эту большую статью про него.

— Ну, мне, конечно, приятно думать, что на него повлиял пример Джоанны. Джоанна всегда была сторонницей высокой церкви.

— Но он же не был влюблен в Джоанну. Он любил Селину. После пожара он повсюду ее искал.

— Но Селина никак не могла бы его обратить в католичество. Все, что угодно, только не обратить.

— У него в рукописи есть заметка, что видение зла может быть столь же действенно, сколь и видение добра.

— Я этих фанатиков не понимаю. Вот уже сигнал, Джейн. Мне думается, он был во всех нас влюблен, бедняга.

В августовский вечер Победы над Японией народ заполонил площадь перед Букингемским дворцом точно так же, как в вечер Победы в мае. Маленькие фигурки появлялись на балконе каждые полчаса, некоторое время махали толпе руками и снова исчезали. Джейн, Николас и Руди неожиданно оказались в весьма затруднительном положении: толпа сжимала их со всех сторон. «Пожалуйста, расставьте локти как можно шире!» — почти одновременно сказали друг другу Джейн и Николас: однако это оказалось совершенно неисполнимым. Какой-то моряк, прижавшись к Джейн, страстно поцеловал ее в губы, и с этим ничего нельзя было поделать. На некоторое время ее губы оказались во власти его влажного от пива рта, пока толпа не подалась чуть-чуть назад, и тогда им троим удалось про-

двинуться на несколько более удачное место, откуда открывался доступ в парк.

Здесь другой моряк, видимый только Николасу, молча всадил нож под ребро стоявшей рядом с ним женщины. Огни зажглись на балконе, площадь замолкла в ожидании королевской семьи. Заколотая женщина не издала ни звука, но тотчас же осела. Однако в этой тишине вскрикнула какая-то другая женщина, далеко, на расстоянии многих ярдов от этого места, еще одна жертва, а может быть, ей просто наступили на ногу. Толпа снова зарокотала. Все глаза в этот момент были устремлены на балкон дворца, где должным образом появилось королевское семейство. Руди и Джейн были заняты делом — они выкрикивали приветствия.

Николас тщетно пытался высвободить руку и поднять ее над толпой, чтобы привлечь внимание к раненой женщине. Он кричал, что женщину ударили ножом. Моряк выкрикивал обвинения женщине, осевшей, но не упавшей — ее удерживала на ногах толпа. Эти отдельные проявления терялись во всеобщем столпотворении. Николаса отнесло в сторону людской волной, накатившей с Молла. Когда балкон снова погрузился во тьму, он смог пробить небольшую

просеку сквозь толпу к открытому входу в парк, куда за ним последовали Джейн и Руди. На этом пути ему пришлось на какой-то момент остановиться — он оказался лицом к лицу с моряком, зарезавшим женщину. Раненой нигде не было видно. Николас, ожидая возможности двинуться дальше, вытащил из кармана письмо Чарлза Моргана и засунул его в ворот блузы моряка. Тут людская волна понесла его дальше вперед. Он сделал это без очевидной причины и не думая о последствиях, это был просто некий жест. Так обстояли дела в те времена.

Они шли назад сквозь чистый воздух парка, обходя пары, лежавшие у них на пути, сплетенные в тесных объятиях. Парк был наполнен пением. Николас и его компаньоны тоже пели. Они набрели на драку между английскими и американскими военнослужащими. Двое лежали без сознания у края дорожки, над ними хлопотали их товарищи. Где-то позади них толпа кричала «ура». В ночном небе сомкнутым строем пролетели самолеты. Это была чудесная победа.

— Мне ни за что не хотелось бы все это пропустить, — пробормотала Джейн.

Она приостановилась — подобрать и заколоть растрепавшиеся волосы, во рту у нее были зажаты шпильки, когда она это говорила. Николас восхищался ее жизненной стойкостью, вспоминая Джейн в этом виде, в той стране, где он встретил свою смерть, — вспоминая, как она стояла на темной траве крепкая и голоногая, приводя в порядок свои волосы, — словно она была воплощением всего Мэй-Тека, в его кротком и непринужденно-естественном приятии бедности, в далеком 1945 году.

Перевод И. М. Бессмертной